

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ДВУРЕЧЕНСК ~ 2019

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

ЧУДЕСНЫЙ
ГЕНЕРАТОР
("4-УКХ-4")

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

*Перевод с украинского
В.Тимошенко-Пастраки*

Владимир Владко
ЧУДЕСНЫЙ ГЕНЕРАТОР
ЧУДЕСНИЙ ГЕНЕРАТОР
Другое название: "4-УКХ-4"

Повесть, 1935 год
Обложка и иллюстрации В. Д. ЗАЛУЦКОГО

Перевод на русский: V.Timoshenko-Pastraki, USA (2018 г.)

В. Блажка
Щедрий
генерал

ОПТИ ДНТБУ НКП

В. ВЛАДКО

ЧУДЕСНИЙ ГЕНЕРАТОР

НАУКОВО-ФАНАСТИЧНА ПОВІСТЬ

ОНТИ

ДЕРЖАВНЕ НАУКОВО-ТЕХНІЧНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ

Харків

1935

НКТП

Київ

1. МИСТЕР ПИТЕРС НЕДОВОЛЕН

Рома удовлетворенно усмехнулся и еще раз попробовал вытянуть ноги под низеньким столиком, на котором стояли продукты. Но это, как и всегда, сделать было невозможно. Поэтому Рома лишь пошевелил коленями, которые упирались снизу в мраморную крышку стола, и сразу же забыл о своем желании. Время не ждало.

Шипение генератора напоминало о том, что Рома оставалось всего четверть часа; а еще надо было облучить мясо — замечательный кусок поджаренного мяса, которое, между прочим, было бы очень неплохо съесть и запить уже облученным молоком, которое стояло тут же на столе. Хотя, правду говоря, он совсем не был против того, чтобы вкусно позавтракать, однако, такие мысли даже не беспокоили Рома; ведь перед ним была не еда, а нетронутые объекты научных опытов.

Рома поставил мясо на металлическую кассету и накрыл его сверху второй половиной кассеты. Секундомер лежал рядом.

— Включай! — велел Рома самому себе и нажал на рычажок рубильника.

Шипение генератора стихало, слышно было уже сухое потрескивание. Секундомер спокойно отсчитывал секунды. Вот уже минута... минута и пять секунд... восемь секунд...

Крак!

Голубоватое сияние вокруг генераторной лампы вдруг исчезло. Только на выпрямителе горели нежным и прозрачным синезеленым светом газотронные лампы. Ток прекратился. Что случилось?

И, неожиданно для самого себя, Рома услышал в тишине, как падают на стол тяжелые капли. Он повернул голову и увидел, как медленно расплавляется толстый провод, медный прут, припаянный к лампе. Раскаленная, словно сияющая, медная палочка провода плакала слезами расплавленного металла. Густые капли падали на мраморный стол. Генератор сломался.

— Мистер Питерс! — громко закричал Рома. — Мистер Питерс!

Молчание.

— Эй, Мистер Питерс! Скорее сюда! Несчастье!

Молчание.

— Петр, чтобы ты лопнул. Где ты? Генератор сломался...

Рома быстро вскочил. Его длинное туловище пошатнулось на длинных худых ногах, как колеблется соломинка под дуновением ветра. Большими шагами Рома помчался, размахивая руками, как веслами, из лаборатории. Широкие стеклянные двери распахнулись перед ним, он не успел до них и дотронуться. И тут же Рома остановился.

В дальней комнате, спиной к нему, в кресле сидел кто-то сидел. Над спинкой кресла были видны только взъерошенные волосы человека, да развернутый газетный лист. Вверх поднимались клубы дыма от сигареты, которая дымила, словно паровозная труба. И еще, время от времени, вверх взлетали роговые очки, подкидываемые рукой в белом лабораторном халате. Этот кто-то читал газету.

— Читаете? Курите? — иронично спросил Рома. — Хорошо, хорошо. А на то, что там, в лаборатории, генератор сломался, вам наплевать?

Человек в кресле вдруг встал на ноги, отбросив от себя газету, и оказался девушкой в белом халате.

— Да, да, драгоценный биолог, — добавил Рома, но сразу остановился и вдруг изменил тон: — Нет, дорогая Рая, нет, все в порядке. Только вот, провод расплавился... понимаете, взял и расплавился чего-то...

Девушка в белом халате, что стояла перед Ромой, поднявшись с кресла, презрительно положила руки на бока:

— Вот так просто — взял и расплавился? — переспросила она. — Ни с того, ни с сего? Дорогой мой дегустатор, бросьте такие шутки. А ну, пойдете... однако, нет, надо позвать Мистера Питерса. Эй, Мистер Питерс! — позвала она.

— А я уже звал, — растерянно ответил Рома. — Не отзывается...

Девушка махнула в его сторону рукой, как делают это с назойливой мухой.

— Мистер Питерс! — воскликнула она еще раз.

Дверь комнаты распахнулась — и на пороге показался парень, невысокий, стройный, с озабоченным тонким лицом.

— Чего это вы раскричались, Рая? — спросил он, входя в комнату. — Вас слышно на втором этаже...

— Олесик, Олесик, — бросилась к нему Рая, — этот дегустатор что-то наделал с генератором... И Мистера Питерса нет...

Олесь оглянулся:

— Не то, чтобы нет... он, знаете...

Но в речь Олеся вплелся веселый басовитый голос:

— А кто здесь зовет меня? А вот кому я нужен, а?

Крепкий, широкий мужчина вошел в комнату почти вслед за Олесем. Он посмотрел на всех, улыбнулся и сказал:

— Вери-вэл, гуд-морнинг, комрадс. Хав-ду-ю-ду, а?

— Мистер Питерс, бросьте, пожалуйста, шутки, — обратилась к нему Рая. — Рома сломал генератор.

— Что? — взревел Мистер Питерс.

С лица его исчезла веселая улыбка, словно ее стерли резинкой. Он опрометью бросился в лабораторию. За ним поспешили остальные.

Мистер Питерс подбежал к генератору. Все так же разливали сине-зеленое сияние газотронные лампы, так же мертвой была лампа генератора. А провод, который расплавился?.. Он превратился в тоненькую палочку, под которой на мраморном столе собралась кучка застывшей меди.

— Что это? — показал пальцем Мистер Питерс.

Рома смущенно опустил голову. Рая и Олесь смотрели то на него, то на кучку меди.

— Так, — проворчал, наконец, Мистер Питерс, — так, черти вас заберите, товарищ дегустатор. Сколько времени делали экспозицию?

— Минуту... И восемь секунд.

— А перед тем?

— Э-э...

— Можно не экать, — строго отметила Рая.

— Э-э... что-то с полторы минуты...

— А отдыхать генератору сколько давали? Только без вранья, без вранья, комрадс. Ну, плиз, прошу, — не унимался Мистер Питерс.

Рома окончательно сконфузился:

...Та ти, чортяко, розумієш, що ти мені тут наробив?...

— Он... того...

— Вы бы тогда тогокали, а не теперь, — безжалостно сказала Рая.

— Он... генератор... не успел отдохнуть... я спешил...

— Позор! Позор! — прогремел Мистер Питерс, — вери-бэд, какой позор. И вы смеете называться экспериментатором? Вы, что не понимаете, как надо обращаться с генератором, сколько вас не учи?.. И ты, чертяка, понимаешь, что ты мне тут наделал?

Рома, Олесь и даже Рая молчали.

— Вы мне тут такое натворили, такое, что я даже не знаю, когда и как повезет мне исправить все это.

Олесь несмело спросил:

— А разве это так уж и испорчено?

— Дайбл и чертям, — снова загремел Мистер Питерс, — здесь теперь надо чинить, по крайней мере, сутки, вот что...

Он подошел к генератору и выключил ток. Газотронные лампы погасли. Тишина.

Олесь и Рая посмотрели на Рому. Тот, хоть и стоял, склонив голову, но чувствовал их презрительные взгляды. Не поднимая головы, он сказал:

— Но ведь я не знал...

— Мне все равно, знал ты или нет. А чем же я сегодня зерно буду облучать? — укоризненно бросил Олесь.

— А у меня кролик готов к облучению... я же его специально не кормила сутки... зачем, зачем же я его мучила? — добавила Рая.

Рома молчал. Что мог он ответить?

— Забирай отсюда свою еду. Потому что я могу от злости съесть ее, — приказал ему Мистер Питерс.

Медленными движениями, шатаясь на своих длинных ногах, Рома собрал продукты и поставил их на запасной стол, накрыв стеклянными колпаками. Потом он грустно сел на стул в углу лаборатории.

— Прошу уважаемых товарищей покинуть лабораторию, — приказал Мистер Питерс, — начинаю чинить. Эксперименты откладываем до завтра.

Олесь подошел к нему:

— А может... как-нибудь... видишь ли, у меня очень много зерна...

— Никаких «как-нибудь». Вот, от одного «как-нибудь» сколько мороки. Прошу, джентлменс, убираться. Гуд-бай!

После такого вежливого призыва оставалось только выйти из лаборатории, что все и сделали. Мистер Питерс посмотрел им вслед, усмехнулся и склонился над генератором. Он аккуратно выкрутил два винта, вынул испорченный провод. Затем вынул из ящика целую медную толстую палочку, поставил ее на место испорченной, закрутил винты. Теперь он уже не спешил.

Сев на стул, Мистер Питерс достал из кармана табак, бумагу, скрутил толстую папиросу и закурил, с наслаждением выпуская большие облака едкого дыма. Потом он хотел уже включить ток, как услышал, что дверь тихо закрипела. Мистер Питерс сердито оглянулся:

— Кого там черт несет? Ведь я ска... простите, Рая, я не знал, что это вы. Прошу, прошу. Только — что вам надо? Видите, у меня очень мало времени. Надо чинить.

— А что, очень испортилась машина? — Рая показала пальцем на генератор. Мистеру Питерсу было хорошо видно ее тонкую руку и блестящие ногти.

— Конечно, — ответил он, уже значительно мягче. — Здесь, знаете, пока наведешь порядок... пожалуй, до вечера нельзя будет включать ток.

Рая вздохнула и села на стул возле генератора. Ее синие глаза ласково взглянули на Мистера Питерса — и ему стало немного неловко. Рая поправила халат и спросила снова:

— И ничего нельзя сделать?.. Нельзя ускорить?

Мистер Питерс упрямо покрутил головой. Это означало «ни в коем случае». Рая вновь вздохнула:

— Видите, Мистер Питерс, я же даже отказала Олесю... решила не ехать с ним кататься на лодке.

— Почему?

— Да, знаете... очень захотелось поработать с вами вечером, поговорить по радио с какими-нибудь любителями... в Африке, или Зеландии... Ведь вы будете сегодня вечером работать на двусторонней связи?

— Конечно, буду, — неосторожно ответил Мистер Питерс.

Глаза Раи немножко, на неуловимое мгновение, сверкнули и вновь погасли.

— Итак, я хотела поработать с вами... но для этого мне обязательно надо облучить моего кролика... с вами, знаете, так интересно работать... мне очень нравится...

Рая опять посмотрела на Мистера Питерса. Что за странная вещь — ласковый взгляд синих девичьих глаз!

Мистер Питерс склонил голову к Рае и сказал шепотом:

— Знаете, что? Кажется, мне повезет раньше починить генератор. Это, знаете, можно. Вот, видите?

Мистер Питерс нажал рычаг рубильника. Вспыхнули газотронные лампы выпрямителя. Засияла голубоватым светом лампа генератора. Стало слышно знакомое шипение. Генератор заработал. Рая всплеснула руками:

— Ой, как замечательно! Значит, можно просветить моего кролика? Милый Мистер Питерс, как замечательно! Сейчас, несусейчас!

— Но... Но я не сказал, что сейчас... э-э, слушайте, Рая...

Однако, Раи уже не было. Она побежала за кроликом.

Мистер Питерс вздохнул и почесал подбородок:

— Бедовая девчонка... всегда обведет вокруг пальца... по-своему...

Он вновь склонился над генератором. Но дверь распахнулась: видимо, возвращалась с кроликом Рая. Не поднимая головы, Мистер Питерс сказал:

— Только, знаете, Рая, давайте быстрее. Мне очень надо сегодня еще самому поработать... Давайте вашего кролика... ой!

Подняв глаза, Мистер Питерс увидел возле себя не Раю. Возле стола стоял Олесь. Он держал в руках большой мешок с зерном. Он абсолютно чистым, невинным взглядом смотрел на Мистера Питерса. И столько невинности было в этом взгляде, что Мистер Питерс даже сплюнул:

— Чего тебе надо?

— Видишь ли, мне показалось, что я слышу шипение генератора... Я взял этот маленький мешок, думаю: вот, хорошо, Мистер Питерс уже починил генератор... какое счастье!.. Так можно поработать?

Мистер Питерс открыл уже рот, чтобы выругаться, но Олесь предупредил его:

— Ага, ага, конечно, можно, я и сам вижу. Все работает... давай быстрее, потому что, видимо, сейчас Рая придет... Ты же её

ждал? И говорил что-то про неё, когда я вошел.

Мистер Питерс сплюнул еще раз:

— Работай, черт с тобой, работали!

А когда Олесь уже рассыпал зерно в кассете, в дверях показалась Рая. Странно, она не принесла кролика. Она даже не замечала в комнате Мистера Питерса. Она просто обратилась к Олесю:

— Олесь, только вы не задерживайтесь. Ведь мне надо после вас еще облучить моего кролика, иначе я не смогу поехать.

Олесь ответил ей, не отрываясь от работы:

— Имейте в виду, Рая, лодка заказана, опаздывать нельзя.

— Ладно, ладно, — отозвалась Рая, — я успею. А куда мы поедem? Я думаю, просто в парк...

Далее Мистер Питерс не слушал. Он вышел из лаборатории, обещая себе впредь никогда не поддаваться лживым синим глазам, которые умеют так прекрасно смотреть и затуманивать людям мозги, как им захочется.

— Вот так поработал в одиночестве, дайбл, — проворчал Мистер Питерс, — вот, чертова девушка... вокруг пальца обвела... «хочется с вами поработать, не поеду на лодке...» Хм... а ты и растаял, дурак? Тоже мне, влюбленная шляпа!

Он прошел мимо погруженного в свои мысли Ромы, который все еще переживал свое несчастье — сломанный генератор.

— Пошли, Рома, — сказал Мистер Питерс, — брось сокрушаться. Работает генератор. Уже исправлено.

И они вышли из дома. А сверху, из окон лаборатории, на них смотрели веселые глаза Раи и Олесья...

Однако, не пора ли уже рассказать точнее и конкретнее, кто такие наши герои и что они все делают вокруг генератора? Что это за странные работы, что за странные препирательства вокруг очереди и возможности поработать подольше?..

Прежде всего, условимся: ничего удивительного здесь нет. Все идет своим путем, вполне закономерно. Очень просто.

Есть четыре научно-исследовательских института: электротехнический, сельскохозяйственный, пищевой и биологический. Различные институты, с разными работами и направлениями. Но чего не бывает в нашей чудесной стране?.. Получилось так, что определенная отрасль научно-исследовательской работы объединила вокруг себя интересы представителей этих четырех научных

институтов. Представители институтов увидели, что им лучше работать вместе. Так образовалась бригада.

Четверо научных работников, представители четырех научно-исследовательских институтов, собранные в одну бригаду, работали с ультракороткими волнами. Каждый из них делал свое дело — но все эти опыты были направлены на изучение свойств ультракоротких волн, самых загадочных (пока!) излучений из всех, известных современной науке.

Биологический институт интересовался воздействием ультракоротких волн на живые организмы, интересовался теми изменениями, что возникают вследствие облучения ультракороткими волнами живых существ.

Пищевой институт интересовался тем, что ультракороткие волны в определенных условиях убивают абсолютно все бактерии — в том числе и гнилостные. Итак, облучив ультракороткими волнами тот или иной продукт и убив в нем бактерии, можно было получить своеобразный эффект: продукт не портился долгое время, консервировался. А это обещало революцию в консервной промышленности.

Сельскохозяйственный институт интересовался облучением ультракороткими волнами семян зерновых для посева. Ведь в определенных условиях облученное зерно увеличивало свой запас энергии роста. Зерно, посеянное глубже в почву, всходило быстрее обычного, плодоносило обильнее. И, кроме того, облучение ультракороткими волнами одновременно лишало зерно всех вредителей растительного происхождения, которые могли быть до сих пор на нем. Ведь ультракороткие волны убивали всех таких вредителей.

В конце концов, электротехнический институт, владелец целой лаборатории и драгоценного генератора ультракоротких волн, интересовался использованием ультракоротких волн в абсолютно всех отраслях, а в частности, для связи — определенной и устойчивой двусторонней радиосвязи на недалеких расстояниях. Ведь на ультракороткие волны не влияли атмосферные электрические разряды, которые так мешают приему радиосигналов; они были бы лучшими для пересылки изображений по радио, для телевидения.

Все это теоретически было уже известно. Но — только теоретически. Ибо нигде еще не было поставлено развернутых опытов,

которые прояснили бы спорные вопросы сразу по всем отраслям. И впервые в научной жизни целого мира собралась и работала такая своеобразная объединенная бригада, четыре экспериментатора возле одного генератора. Однако, почему у одного? Разве не смогли бы научные институты построить еще и еще соответствующих установок для опытов?..

Ультракороткие волны — очень капризная вещь. Изучить их свойства очень не просто; а еще труднее создать их источник, если исследователь хочет получить колебания определенной частоты. Вот есть схема генератора, есть все детали. Исследователь работает, он строит генератор, запускает его. Он твердо знает, что будет такая, допустим, частота. А на самом деле получается совсем другая, меньшая частота, а, значит, и более длинные волны. Почему? Какой-то малюсенький проводочек, какое-то третьеразрядное соединение получилось на несколько миллиметров длиннее, чем надо. И частота получилась другая, — потому что в генераторе возникла лишняя емкость, лишняя индукция, не предусмотренная конструктором, вредна.

Вот почему устойчивый, надежный генератор, сконструированный в свое время в электротехническом институте, был драгоценным. Почти случайно этот генератор прекрасно работал на широко применяемых в общей радиотехнике лампах — не нуждаясь в специально изготовленных, которые стоили больших денег. И вокруг именно этого генератора собрались наши исследователи.

Высоченный пищик Рома на длинных ногах, которому даже и самому было как-то неудобно, неловко за свой невероятный рост и тонкое, худое туловище, вдоль которого висели такие же длинные и худые руки. Рома всегда пытался спрятать куда-то свой рост — но куда его спрячешь?.. И тонкое лицо Ромы всегда, если только он был не один, было мрачным и обиженным на такую насмешку природы, которая выдала ему преувеличенную пайку роста...

Агроном Олесь был полной противоположностью Роме. Не высокий, стройный, ловкий — он производил впечатление хорошо скроенного и не хуже пошитого физкультурника. И разве он не был таким? Олесь любил лодки, любил воду, любил солнце, любил острые ароматы нагретой солнцем земли. Олесь любил всю природу, мать всего живого. Загорелое тонкое лицо с чертами, словно вырезанными умелым мастером, легкая походка, ловкие

быстрые движения, — все это привлекало к Олесю внимание, все это было на пользу ему, в частности, у женщин.

Биолог Рая в кокетливом белом халате, синеглазая Рая с большой шапкой золотых волос на голове, жизнерадостная, смешливая, веселая Рая напрасно пыталась скрыть эту свою жизнерадостность большими роговыми очками, оправдывая их наличие своей якобы близорукостью. Напрасно она пыталась произвести впечатление солидности и сигаретами, которые она курила, отплевываясь, когда никто не видел, и мужественно затягиваясь, когда на нее кто-то смотрел. Не будем нескромными, не будем говорить ничего о том, какое впечатление вообще произвела Рая сразу, как только появилась в лаборатории, на трех товарищей. Не будем говорить ничего о тех синих глазах, казавшихся кое-кому сладким воспоминанием о бескрайнем синем море, в котором так же можно утонуть, как в тех глазах; о золотых волосах, в которых, по мнению некоторых, запутались навсегда солнечные лучи; о тонких красивых руках с блестящими ноготочками, которые (о, этот кое-кто был уверен!) не могли не вызывать у человека острого желания расцеловать их, эти розовые, нежные перламутровые ноготочки на тонких пальцах...

Нет, об этом мы говорить не будем. Скажем просто: Рая — это была настоящая, на сто процентов Рая.

Наконец, Мистер Питерс: что за странное имя у сотрудника советского института? Собственно, этого товарища когда-то называли просто Петр. Но с того времени, как он, коренастый и широкий, с лукавой улыбкой на толстых губах, начал курить толстые самокрутки из душистого трубочного табака; с того времени, как он настойчиво взялся изучать английский язык и увлекся окончательно сбором разноцветных квитанций, которые он доставал от радиолюбителей-коротковолновиков всех стран, — с этого времени он перестал быть Петром. Его имя, по общему стовору всех товарищей, стало Мистер Питерс. Да и сам он привык к нему, и теперь отзывался на это имя, как на свое собственное.

Мистер Питерс был в бригаде самым уважаемым человеком. Ведь каждый из этих четырех, конечно, знал многое об ультракоротких волнах, и умел обращаться с генератором. Но — кто мог в этой области знать больше Мистера Питерса, специалиста-электротехника, связиста, который не только вообще, как говорится, зубы проел на радиотехнике, но и в частности, был кон-

структором этого самого генератора, — вместе с другими инженерами института? Теперь Мистер Питерс следил за состоянием генератора, и в то же время, вместе с товарищами, проводил опыты по использованию ультракоротких волн для связи и, в частности, для телевидения.

2. ПОЯВЛЯЮТСЯ ФИОЛЕТОВЫЕ ИСКРЫ

Тем временем, Мистер Питерс сердито доказывал что-то Роме:

— Ты знаешь, кто ты? Ты — фуул, вот кто. Фуул!

Рома робко посмотрел сверху на своего сердитого товарища. Они шли по улице, Мистер Питерс решил зайти в радиомагазин — ему что-то надо было купить. Рома шел за компанию.

— А что оно такое — фуул? — переспросил Рома.

— Это означает — дурак. Понятно? Вот что, — последовал энергичный ответ.

После этого оба шли метров сто молча.

Было хорошее, настоящее лето. Солнце, горячее южное солнце поливало землю сухим кипятком своих раскаленных лучей, в которых смешались, пожалуй, и длинные, и короткие и ультракороткие волны. Миллионы и миллиарды киловатт солнечной энергии лились на землю, которая, раскинувшись, неустанно впитывала в себя этот роскошный подарок. Нежными дуновениями ласкал город легкий ветерок с моря. Товарищи шли молча. Наконец, Рома спросил:

— Но, все-таки, что это такое было?

— Что?

— Ну, с тем проводом. Ведь я знаю: чтобы расплавить такой медный штырек, надо пропустить сквозь него сотни, если не тысячи ампер. А у нас же всего восемь ампер. Как же так, а?

Мистер Питерс добросовестно скрутил новую сигарету, зажег ее, и только потом ответил:

— Если бы ты, Рома, был чем-то другим, а не каким-то несчастным дегустатором, то и сам понял бы все.

— Но...

— Не некай, а слушай. Конечно, чтобы расплавить такой толстый медный провод, надо было бы сотни ампер. Однако — это тогда, когда бы мы расплавляли его обычным током. Но ток у нас какой? Плиз, скажите, пожалуйста.

— У нас... у нас ток переменный, высокочастотный.

— Вери-вэл, май бой. Очень хорошо, мальчик. А высокочастотный ток как течет по проводнику? Он течет лишь по его внешней поверхности. И чем больше частота, тем более тонким слоем течет ток по проводнику. Англичане называют это «скин-эффект», эффект кожи. Ну, вот, представь себе, что наш поток тока тончайшим, просто невозможно тоненьким слоем течёт по проводнику. Получается, что для наших восьми ампер подойдет не толстенный провод, а тончайшая проволока? Ну?..

Рома вздохнул:

— М-да, понятно. Для такой проводки хватило бы и не восемь ампер, а в десять раз меньше... Но, Мистер Питерс, все равно, это очень неприятная история.

Мистер Питерс улыбнулся:

— Я и не говорил, что приятная. Однако — лучше бы тогда тебе знать все, что относится к радиотехнике. Хав-ю-мин? Как ты думаешь?

Но Рома не успел ответить, потому что они вошли в магазин.

Мистера Питерса встретили здесь с почетом. Продавец внимательно выслушал заказ и обещал выполнить его завтра же. Этим и закончилось посещение магазина: ведь — разве можно когда-нибудь купить в радиомагазине сразу именно то, что нужно радиолюбителю?..

Обратно товарищи шли медленнее. Мистер Питерс развивал Роме свои мысли относительно генератора. Рома шел, пошатываясь, как и всегда: руки он заложил назад — и поэтому был еще больше похож на жердь. Мистер Питерс говорил:

— Самая большая наша с тобой беда — у нас только один генератор. Вот и приходится всем в очередь работать. Потому что его мощности хватает только на одну кассету. Понимаешь, андерстанд-ю?.. Вот, сегодня, например. Я совсем уже обрадовался, что вы будете лишены возможности работать вне очереди целый день — благодаря тому, что ты расплавил тот провод; и весь день делал бы вид, что чиню генератор, а, тем временем, работал бы...

— Всегда знал, что ты мошенник, — горько пробормотал Рома, — но никогда не думал, что ты будешь стыдить меня для того, чтобы выкроить себе лишнее время.

— Глупый, а как же иначе? Однако, не в этом дело. Все было как следует. И вот, Рая сказала, что не поедет на лодке...

— Какой лодке?

— Разве я сказал — лодке? Ничего подобного. Я хотел сказать, что Рая сказала, что она просит, что бы я... ну, вот, запутался! Одним словом, пришлось дать поработать Рае. А за ней Олесь выпрыгнул. И пошло, и поехало...

— Так что же ты хочешь?

— А я хочу увеличить мощность нашего генератора. Вот, представь себе, что он в десять раз мощнее. В сто раз мощнее.

— Так я тебе и поверил.

— А ты представь. Еще Ленин сказал, что для ученого фантазия — просто необходимая вещь. Где же твоя фантазия? Вот, представь себе: в сто раз мощнее. Он облучает не одну, а двадцать пять, не маленьких, а больших кассет. И работаем мы все вместе. Понимаешь? И не спорим совсем. И Рая не будет никого обманывать...

— А разве она обманывала тебя?

— Да ничего подобного. Откуда ты взял?.. Но этого еще мало. Ну вот, не удовлетворяет меня наша работа.

— Почему? — откровенно удивился Рома.

— Потому, что с такими же волнами проводят работу и другие научные работники. Все, как сговорились, изучают диапазон от десяти до двадцати пяти метров...

— А у нас же короче. Мы работаем на трех-четырёх метрах...

— Неужели? А я и не знал... Что ты говоришь?.. — с издевкой переспросил Рому Мистер Питерс. — Неужели такие короткие?

Рома молчал. С Мистером Питерсом, когда он был в таком запале, нельзя было спорить.

— Так вот, голубчик мой, — продолжал Мистер Питерс уже немного спокойнее, — меня это не удовлетворяет. Я хочу работать на волнах сантиметрового порядка, а не метрового...

— Что?..

— Сантиметрового, говорю. А может — и миллиметрового. Понимаешь?

Рома покрутил головой: это уже было слишком. Миллиметровые волны!.. Но Мистер Питерс продолжал:

— Представь себе: генератор в сто раз мощнее нашего настоящего. Так?

— Да.

— Волна короче в невероятное количество раз. А ты знаешь, как меняется не только активность, но и вообще свойства ультра-

коротких волн, когда увеличивать их частоту? Ни черта ты не знаешь. И такими короткими волнами, как миллиметровые, я думаю, можно делать настоящие чудеса.

Рома аж пожал плечами: вот разошелся!

— И такими волнами я берусь моторы останавливать, лечить болезни, вредителей убивать за долю секунды... энергию пересылать на расстояние... что хочешь, сделаю... ой, какая красота будет! Прекрасная картина, вери бьютифул...

— Вновь «фуул»? — с упреком переспросил Рома, который услышал только последние пол-слова.

— Да нет. Не фуул, а бьютифул, что означает — «волшебно».

Они уже шли по лестнице дома, где помещалась лаборатория. На пороге их встретил Олесь:

— Ну, ребята, я свое закончил. Просветил целый чувал* пшеницы, на посев хватит. Этим заканчиваю эксперимент по облучению сухого зерна, завтра приступаю к облучению влажного. Здорово? И чего же вы не отвечаете? Мистер Питерс? Рома?

Мистер Питерс гордо прошел мимо него, не замечая на своем пути такую мелочь, как некий Олесь. Рома посмотрел на Олеся и ответил, старательно выговаривая слова:

— Сын мой, мы устали, и у нас нет времени разговаривать с тобой. Нас ждут дела.

И он прошел дальше, гордо, как и Мистер Питерс, держа голову. Олесь посмотрел им вслед, покачал головой и сказал:

— Что-то они затеяли. Ну, ладно, надо будет понаблюдать. Рая, скоро уже вы? Можно подумать, что у вас не кролик, а целый слон...

Рая не отвечала. Олесь сел на ступеньках, вынул из кармана газету и начал ее читать: более не оставалось ничего.

А Мистер Питерс и Рома шагали дальше. Они заглянули в комнату, где имела привычку сидеть в кресле Рая: в комнате не было никого. Рома посмотрел на Мистера Питерса. Мистер Питерс взглянул на Рому. И оба прошли дальше, в лабораторию.

Да, Рая была здесь. Она весело оглянулась на них и, запирая дверь клетки, где уже сидел кролик, сказала:

*Чувал - большой мешок примерно на 5–6 пудов (Прим.перев.)

— Как чудесно сегодня работает генератор. Просто невероятно. Мистер Питерс, как я благодарна. Рома, вы чудесный парень!

Товарищи стояли, ничего не понимая. Рая, на ходу поправляя складки халата, подбежала к ним:

— Мистер Питерс, вы золото. Рома, вам просто цены нет.

Она улыбнулась, еще раз взглянула на клетку с кроликом и выбежала из комнаты. Рома посмотрел на Мистера Питерса:

— Что это такое было?

Мистер Питерс махнул рукой: мол, женщина — так чего спрашивать, все равно не поймешь никогда. Самое разумное, что мог сделать Рома, это — согласиться с ним.

Тем временем, Мистер Питерс осматривал генератор, внимательно приглядываясь к каждой его детали, словно он впервые видел всю конструкцию. Он словно проверял количество винтов, считая их быстрыми взмахами пальцев; глаза его следили за выгнутой дугой контура самоиндукции; руки спешно ощупывали поверхность кассеты, любовно притрагиваясь к ней. Рома, который успел уже сесть на свой маленький стул, с удивлением следил за Мистером-Питерсом. А тот достал уже свою карманную книжку, раскрыл ее, найдя нужные страницы, — и теперь переводил глаза со страниц на генератор и обратно, будто бы сравнивая то, что было записано на страницах, с действительным размещением деталей.

На столе лежал чистый лист бумаги. Мистер Питерс набросился на него с жадностью сумасшедшего, который только и мечтал о такой бумаге. Быстро-быстро он начал что-то записывать на нем, рисовать какой-то сложный рисунок. О Роме, он, казалось, забыл.

Наконец, Рома не выдержал:

— Мистер Питерс, — обратился он к нему, — Мистер Питерс! Как ты думаешь, существую ли я на свете? И вообще, думаешь ты когда-нибудь обратить внимание на меня?.. Что ты делаешь, хотел бы я знать?

Следствием этого страстного монолога явилось то, что Мистер Питерс взглянул-таки на Рому. А взглянув, кивнул головой, словно бы хотел сказать — «подожди, я сейчас!» И действительно, через несколько минут карандаш его перестал бегать, Мистер Питерс глубоко вздохнул и проворчал:

— Как жаль... ах, какая неприятность, хав-бэд... а впрочем, Рома, не хочешь ли ты мне помочь?

— С радостью. Только не знаю, как именно.

— Будешь выполнять то, что я тебе буду говорить. А?

— Ладно.

— Слушай. Надо вот что...

Вдруг Мистер Питерс вновь замолчал. Казалось, у него мелькнула новая мысль. Через минуту, он воскликнул:

— Три черта и одна ведьма! Сделаю из тебя, наконец, грамотного радиста. Потрачу время, но сделаю. Слушай, понимаешь ли ты, чем именно отличается наше изделие, наш генератор, от обычного?

— Н-не совсем, — неуверенно ответил Рома.

— Слушай. Когда-либо был у тебя хоть какой-нибудь радио-приемник?

— Был, но...

— Подожди.

Мистер Питерс, словно хищник, схватил Рому за плечо и потащил его к генератору.

— Слушай сюда, — угрожающе сказал он, — слушай. Знаешь ли ты, что такое контур? Контур настройки? Молчишь? Не знаешь?.. Тоже мне, современный человек... Контур настройки — это комбинация емкости и самоиндукции. Это комбинация конденсатора и катушки. Но — какой катушки?.. Ты видел в своем приемнике катушки? Ага, наконец-то замечаю, что ты хоть что-нибудь в своей жизни видел. Так вот, это были катушки с многими витками — сто, двести, триста витков. Чем больше витков, тем больше и самоиндукция. Чем больше самоиндукция, тем меньше частота переменного тока, на которую эта катушка настроена. Ай, даже стыдно говорить все это...

— Почему?

— Потому, что по нашим временам все это знает любой первый попавшийся пионер, который, безусловно, делал для себя детекторный приемник. Ну, ладно. Нам нужна очень большая, очень высокая частота. Значит, нам надо очень мало витков. Сколько, как ты думаешь?

— Н-не знаю... Может — пять?.. Три?

Мистер Питерс презрительно махнул рукой:

— Пять или три витка дадут просто короткие волны. А нам нужны ультракороткие. И катушка нам нужна примерно в полвитка. Понимаешь?

— Полвитка?..

— Да. И ни на один градус больше. А почему у нас много потерь?.. Почему мы не можем работать на полную мощность? Почему мы не можем настраиваться на первую попавшуюся высокую частоту? А?

Молчание. Рома спрятал глаза, опустив их вниз.

— Потому, что у нас для самоиндукции служит, кроме нашего полвитка, еще и каждый миллиметр наших проводников. Да и этого еще мало: по нашей старой схеме, старому принципу добытия ультракоротких волн, — мы не сможем все равно получить такую мощность, которая нам нужна. Томсоновский контур тут неприменим.

— Какой?

— Томсоновский, говорю. Ну, этот, который состоит из емкости и самоиндукции... тью, да разве не тебе я все время объяснял, что такое контур? Ой, горе мне с такими помощниками!

Он махнул рукой.

— Слушай, несчастное создание. Слушай! Томсоновский контур — прочь. И весь старый принцип — долой. Катушку, емкость, старую лампу — к черту. И переходим на совершенно новое. Понимаешь — совершенно новое. Переходим на...

Мистер Питерс сделал паузу и закончил:

— На эффект магнетрона. Вот!

Глаза его блестели, лицо пылало, как в лихорадке.

— Слушай, слушай внимательно. Это же чрезвычайно просто, гениально легко. Ну, вот ты знаешь, что в лампе с катода, с нити накала к аноду течет ток высокого напряжения? Электроны отрываются от катода и хаотично летят к аноду. Это нормальная картина. А когда мы поставим катод и анод в магнитное поле? Что тогда?

Рома скромно молчал. Но Мистер Питерс и не ожидал ответа:

— Тогда электроны будут направленно лететь к аноду. Если же мы дадим достаточно мощное магнитное поле, то они, электроны наши, даже не долетят до анода, а упадут вновь на катод. Ага?

Рома поднял глаза: что же, мол, из этого?..

— Несчастный! Если мы будем изменять мощность магнитного поля, то у нас ток между катодом и анодом будет то возникать, то исчезать. А это и будут колебания высокой частоты. А взяв их гармонику, мы получим еще большую частоту...

Рома не выдержал и зевнул. Его голова готова была лопнуть. Столько электро- и радиотехнической премудрости воспринять сразу он не был способен. Видимо, его зевота выразила это совершенно недвусмысленно: Мистер Питерс безнадежно скривил лицо.

— Не о чем мне с тобой говорить, обыватель ты никчемный... Вот когда сделаю, тогда посмотришь. Рот разинешь-то от удивления. А теперь — хватит разговоров. Надо делать. А ну, начинай. Чтобы через полчаса от нашего генератора не осталось и воспоминания. Строим новый...

— Мистер Питерс, а если не получится?

— Трус! Несчастный оппортунист! Не может не получиться. Начинаем!

Так начались события новой великой эры, которую смело можно было бы назвать «эрой изобретения Мистера Питерса». Потому что действительно, эта эра, начавшись почти с шуточного разговора Мистера Питерса с Ромой, развернулась дальше в ослепительный фейерверк новых поразительных изобретений и открытий. Лист бумаги, на котором сделал свой поспешный рисунок Мистер Питерс, вместе с его записной книжкой, — должны были войти в число самых драгоценных вещей в музее развития новой техники.

Однако, не будем опережать событий, пусть идет все своим чередом. Наша же роль — всего лишь спокойно, сдержанно и объективно записывать все то, что касается этой странной истории, этих необычайных событий, этой невероятной цепочки фактов.

С того момента и до поздней ночи Мистер Питерс и Рома передылавали генератор. И Рома, крайне увлеченный делом, поверив в огромный вес и важнейшую роль этой работы, впервые за все время опытов в этой лаборатории более-менее спокойно смотрел, как Мистер Питерс непринужденно съел большую половину его облученного мяса и запил облученным молоком. Более того,

Рома и сам поступил также, потому что почувствовал, в конце концов, сильный голод. А Мистер Питерс еще и мурлыкал:

— Друг мой, ешь, пей. Не в этом мясе, не в этом молоке счастье. Мы с тобой еще наоблучаем тонны мяса и озера молока. Дай только наладить генератор. Горы мяса и моря молока. Эвересты, Гауризанкары мяса, Ниагары, Атлантические океаны молока... ха, наоблучаем сколько угодно!

Они работали, не отрываясь ни на минуту. И, даже когда в лабораторию зашли Олесь и Рая, и принесли с собой острый и радостный запах морских волн, красного солнечного заката и свежего соленого ветра, — даже тогда Мистер Питерс с Ромой не посмотрели с завистью на Олесья и с благоговением на Раю. Они были слишком заняты. Олесь спросил:

— Что это будет?

— Видишь, переработка — и все, — ответил Рома.

Рая подошла ближе. Она заметила на столе рисунок, сделанный на листе бумаги Мистером Питерсом, и склонилась над ним. Мистер Питерс видел это и ничего не сказал, хотя раньше бы он непременно заметил хотя бы даже и Рае, что заглядывать в чужие бумаги нехорошо.

Олесь закурил, и спокойным взглядом уставшего физкультурника поглядывал на работу вокруг генератора. Рая крутилась ближе: её, очевидно, заинтересовала работа. А впрочем, трудно было ожидать даже и Рае, что на нее обратят внимание. В конце концов, она ушла прочь. Через пять минут отправился и Олесь. А еще через час Рома почувствовал, что у него ресницы словно намазали густым клеем. Раз склеившись, они не проявляли ни малейшего желания расклеиваться снова. Он клевал носом, пока Мистер Питерс не заметил этого.

— Иди спать, — строго приказал он, — иди. Ты мне сегодня все равно больше не нужен. Я закончу один.

И Рома ушел. Мистер Питерс остался в одиночестве. Он работал неустанно, позволяя себе только скрутить сигарету и зажечь ее. Он мурлыкал себе под нос и напевал что-то окончательно невнятное; однако, никто не мог бы его заверить, что это была не замечательная песня. Так шли минуты и часы. Слышно было только равномерное хлюпанье вакуумного насоса; и перед глазами конструктора поблескивало стекло Лангмюира.

Містер-Петро, прикрутивши останню гайку і переоравши во-
станне сходи, запалив люльку і з тріпотінням наткнув на за-
жіль рубльника

Перед Мистером Питерсом понемногу, медленно, но верно росла на столе странная, своеобразная и невиданная доселе конструкция. Посередине возвышалась большая и длинная стеклянная лампа. Собственно, только условно эту постройку можно было называть лампой. Правильнее было бы сказать — стеклянный длинный баллон. Вокруг странной лампы вились прихотливые сплетения медных катушек, причудливых завитков, блестящих конденсаторов. На столе был прикреплен большой реостат — изменять напряжение. А самая странная лампа стояла на каком-то сложном устройстве, что давало возможность поворачивать ее вокруг своей оси.

Мистер Питерс внимательно осмотрел лампу. В середине ее виден был длинный корытообразный анод — согнутая металлическая пластинка, которая шла вдоль лампы. Ровно посередине вдоль анода протянулась толстая нить — это был катод, нить накала. Спиральная сетка, тончайшее кружево из медной проволоочки, — обвивала нижнюю часть лампы. Она должна была создавать мощное электромагнитное поле. Колебания, по расчетам Мистера Питерса, должны были появляться между двумя краями корытообразного анода. Сам же анод служил одновременно и рефлектором: он отражал от себя только что созданные колебания и посылал их направленным потоком, пучком туда, куда надо было экспериментатору.

Генератор, построенный на использовании эффекта магнетрона, был почти готов. Оставалось проверить питание, спад напряжения и прочее...

... А тогда, когда сквозь открытое окно уже не доносилось ни звука, ибо город спал крепким предрассветным сном, когда окончательно улеглась уличная пыль, и воздух стал свежее и душистее, — тогда Мистер Питерс, прикрутив последнюю гайку и проверив последний раз схему, зажег трубку и с трепетом нажал на рычаг рубильника.

Что-то загудело, затрещало. Послышалось знакомое шипение. Однако, оно было громче обычного. Лампы засияли. Приборы показывали нормальный ход тока, нормальное его течение. Оставалось проверить частоту. Но это надо было сделать чуть позже, когда окончательно стабилизируется работа всей установки. Мистер Питерс откинулся на спинку стула и, выпуская густые клубы дыма, задумался.

И именно теперь он почувствовал, как устал. Шутка ли — простоять за конструированием аппарата почти сутки, не сходя с места, и выполняя одновременно функции — и изобретателя, и конструктора, и монтажника, и слесаря, и приемной комиссии, и экспериментатора. Мистер Питерс взглянул ставшими вдруг тяжелыми глазами на генератор. Все шло, как следует. Оставалось еще примерно две-три минуты для проверки. Мистер Питерс почувствовал, как его голова клонится вниз, как медленно вращаются все вещи, вся лаборатория вокруг его усталого мозга. Он сомкнул на минуту, только на одну маленькую минуту глаза. Ведь можно и так посидеть еще две-три минуты. Так даже удобнее глазам, они отдыхают...

Однако, Мистеру-Питерсу не повезло спокойно просидеть это время. Тревожное шипение вместе с треском заставило его нервно открыть глаза и взглянуть на генератор. Все было, как следует, если не считать... если не считать этого светового пятна на столе возле лампы, и странной окраски самой длинной и большой генераторной лампы. Вместо того, чтобы оставаться голубоватой, она нестерпимо сияла теперь ослепительным фиолетовым сиянием. И из толстой медной дуги контура над ней срывались одна за другой длинные фиолетовые искры. Они срывались с полудуги, медленно плыли в воздухе, и так же медленно растворялись в воздухе не далее, чем через метр от медной дуги.

Мистер Питерс вскочил на ноги. Усталости как не бывало. Он растерянно смотрел на это странное зрелище, не зная, как его объяснить. А искры, все так же, отрывались от медной дуги, плыли в воздухе и таяли. Ничто не менялось, очевидно — генератор стабилизировался.

— Но — что это такое? Что за искры? Ват-из-зис? — прошептал Мистер Питерс.

Ответом ему было шипение генератора и легкое потрескивание фиолетовых искр. Словно что-то вспомнив, Мистер Питерс опрометью бросился к измерительным приборам. Дрожащими руками он записал показатели, сделал подсчеты — и побледнел: получалось что-то невероятно успешное. Получалось, что... нет, надо еще раз проверить!..

Но и дальнейшая проверка привела к тем же последствиям. Генератор устойчиво работал на ультракороткой волне — но какой именно?.. Такой волне, которую никому еще не удалось осво-

ить. Мистер Питерс не верил своим глазам, но — измерительные приборы твердо говорили: генератор излучал волны длиной около трех сантиметров.

Три сантиметра!..

Неуверенным движением Мистер Питерс повернул ручку конденсатора. И сразу изменился тон шипения и треска. Он стал ниже, Мистер Питерс вновь подсчитал показатели приборов. Теперь генератор излучал волны длиной пять сантиметров.

— Невероятно, — шептали губы Мистера Питерса, — чтобы генератор с такой легкостью менял частоту на таких неслыханно коротких волнах...

Он повернул ручку конденсатора в другую сторону. Шипение и потрескивание вновь изменило тон, теперь он стал выше. Приборы отметили изменение длины волны до пяти... трех... одного миллиметров.

«Но, при такой огромной частоте, волны должны отражаться целиком от моего металлического рефлектора-анода», — подумал Мистер Питерс. Так, приборы показали отсутствие волн с рефлектора и, наоборот, волны концентрировались там, куда они отражались от рефлектора.

Мистеру Питерсу хотелось танцевать, петь: победа. Победа — да еще какая. Неслыханная победа!.. Где же Рома? Где Олесь? Где, в конце концов, Рая? Почему нет никого здесь и сейчас, в минуты его праздника?..

Издавек с улицы послышался шум автомобиля. Видимо, ехал какой-то ночной тяжеловоз — неспешно, медленно, чихая и кашля старым мотором. Мистер Питерс встрепенулся: безумная мысль возникла у него. Он быстро подвинул стол поближе к окну, подошел сзади к генератору и попытался точно рассчитать, на какое место попадут отзеркаленные от рефлектора колебания. Получалось, что как раз на середину улицы. Мистер Питерс осторожно взялся за ручки устройства, на котором стояла лампа, медленно повернул ее так, что анод был теперь направлен через окно прямо на улицу — и стал ждать.

Тем временем, шум автомобиля приблизился. Пользуясь тем, что в лаборатории был полумрак, Мистер Питерс высунулся из окна и посмотрел налево, туда, откуда приближался автомобиль. Да, это была старая машина, видимо — с магнето. Мистер Питерс

откинулся назад в комнату, улыбнулся и потер руки. Он немного волновался.

Автомобиль приближался. Это был тяжеловоз, нагруженный какими-то ящиками; рядом с шофером сидел и дремал рабочий. Автомобиль двигался медленно, как раз посередине улицы.

Секунды тянулись для Мистера Питерса, как минуты. Но вот, автомобиль так же неспешно доехал до того места, где, по подсчетам Мистера Питерса, концентрировались лучи. И в ту же секунду смолкло его чихание. Мотор остановился. С похолодевшим сердцем Мистер Питерс слышал, как выругался шофер, сказав что-то про какой-то бензин, как шофер полез под капот, как он что-то приказывал рабочему... Автомобиль стоял, шофер не мог завести мотор... И, так же не мог он догадаться, что истинная причина его остановки находится за окнами второго этажа этого сонного дома, откуда (только если очень прислушиваться, то можно было услышать) доносилось тихое шипение...

В конце концов, через несколько минут Мистеру Питерсу стало стыдно: люди работают, где-то ждут этот груз, шоферу, видимо, надо выполнить свою норму перевозок... а он тут балуется, как мальчишка, задерживает машину. Нет, этого делать нельзя.

Мистер Питерс еще раз высунулся из окна. Он крикнул:

— Эй, товарищ!

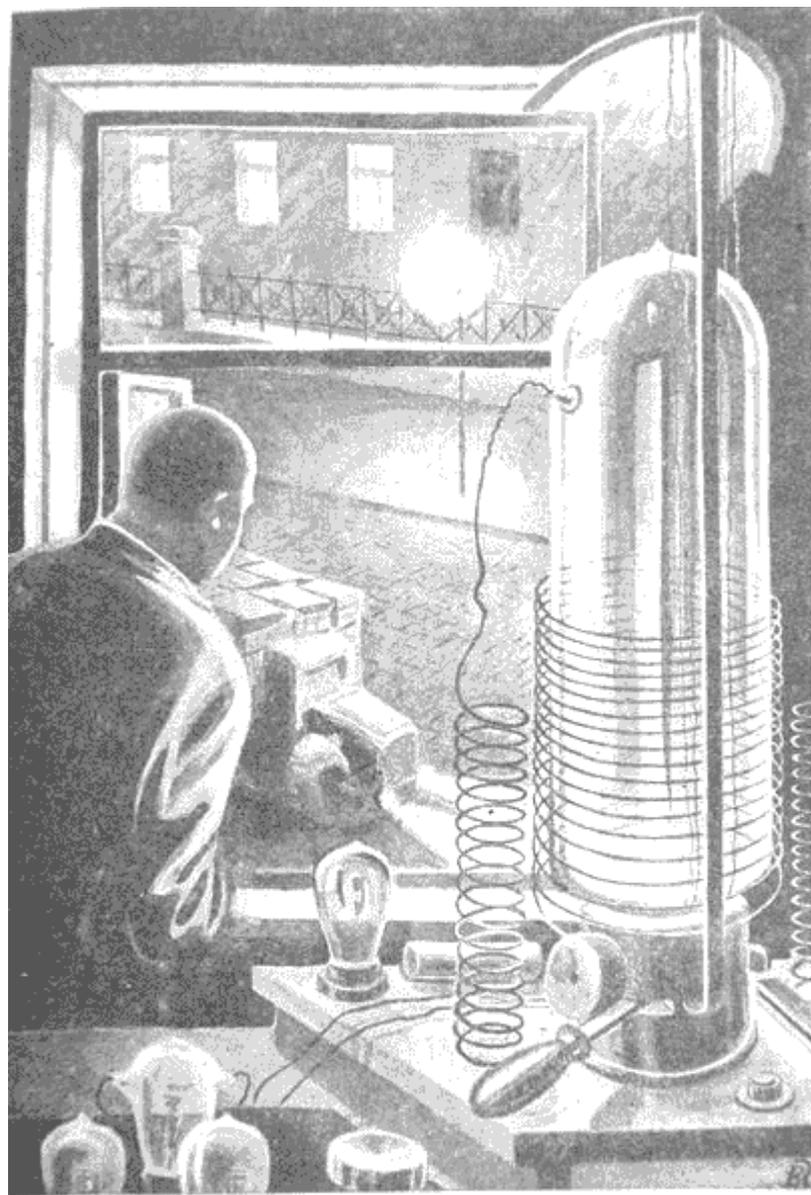
Шофер поднял голову:

— Что такое?

— Вам не помешало бы прочистить свечу первого цилиндра. Тогда и поедете. Правда, правда, у меня самого такое на фронте случилось. Эта, знаете, чертова свеча всегда так...

Шофер недоверчиво полез снова под капот, нашел свечи. Тем временем, Мистер Питерс за одно мгновение отодвинул в сторону экран. Шофер почистил свечу, на которой, естественно, независимо от всего прочего накопилось достаточно грязи. Затем он поставил ее на место, запустил мотор, тот заработал, как и всегда — и поехал, удивленно поглядывая на окно лаборатории: странный, мол, человек, что сверху видит, почему остановился мотор!..

А Мистер Питерс искренне смеялся. Он хохотал на все голоса — и тонко, и толсто, и залиvisto, и прерывисто. Он смеялся и пританцовывал, изображая какой-то странный танец. Он пританцовывал и смотрел счастливыми глазами на генератор, на фиалковое сияние его ламп, на сине-зеленый свет газотронов, на фиоле-

Автомобіль стояв, шефер не міг пустити метер...

товые огненные искры, которые срывались с медной дуги и таяли в воздухе. Но самые счастливые взгляды Мистер Питерс бросал на бумагу на столе, на бумагу, где были записаны первые его расчеты частоты: — от одного миллиметра — до десяти сантиметров.

Так, новый генератор давал такие чрезвычайно короткие волны, что для них наука еще не имела названия. Это было нечто более загадочное, чем обычные ультракороткие волны. Потому что это были уже миллиметровые волны с неслыханной частотой колебаний.

Как зачарованный, смотрел Мистер Питерс на эти записи: волны от одного миллиметра до десяти сантиметров по желанию экспериментатора... Где и когда такое случилось? Волна в один миллиметр — это значит триста миллиардов колебаний в секунду. Цифрами это будет —

— 300 000 000 000.

Волна в десять сантиметров — значит три миллиарда колебаний в секунду, цифрами —

— 3 000 000 000.

Этот генератор давал колебания в пределах трехсот трех миллиардов периодов в секунду!

Никогда и никто даже и не мечтал о возможности сконструировать такой сказочный, такой невероятный, чудесный генератор, который, свободно и безотказно, подчиняясь поворотам ручки, которая меняла напряжение, — давал колебания с разницей в двести девяносто семь миллиардов периодов в секунду.

И, наверное, даже синеглазая Рая со всеми ее несравнимыми прелестями, никогда не видела таких влюбленных взглядов, которые бросал на свой генератор этим ранним утром счастливый Мистер Питерс.

3. ТЕПЛО ГНЕЗДИТСЯ ВНУТРИ

Утро началось так.

Как и всегда, пытаясь как можно раньше попасть в лабораторию и захватить генератор под свою опеку для работы, — уже в восемь часов сюда примчались и Олесь, и Рая, и немного заспанный Рома. И все они растерянно остановились на пороге — потому что такое зрелище им пришлось видеть впервые.

Каждый из них хорошо помнил, как яростно ругал их Мистер Питерс за халатное отношение к чистоте в лаборатории:

— Помните, — четко говорил он, — что возле генератора не должно быть ни пылинки. В работе его можно быть уверенным только в условиях абсолютной чистоты...

Много чего говорил в таких случаях сердитый Мистер Питерс.

Даже отдыхать в лаборатории он не позволял, а заставлял выходить в соседнюю комнату, где стояли софа и кресла.

А сейчас?..

Три экспериментатора стояли растерянно на пороге лаборатории, поглядывая друг на друга и, в частности, — и на длинный стол у генератора. Потому что на этом длинном низком столе мертвецки спал Мистер Питерс, положив голову на руки и страшно храпя. Ноги его лежали на латунном листе. Кассета генератора была сдвинута на край стола и вот-вот готова была упасть. И, главное, этот невероятный храп...

Неизвестно, долго бы еще простояли на пороге экспериментаторы, если бы сам Мистер Питерс не проснулся вдруг, не поднял голову, не посмотрел на них взглядом, в котором еще сон боролся с сознанием. Однако, достаточно было Мистеру Питерсу увидеть товарищей, чтобы он окончательно забыл про сон. Он сел на столе, немного неловко улыбнулся, провел рукой по голове и еще раз взглянул на товарищей. И никто иной, как Рома, спросил его довольно строго:

— Как нас ругать за неряшливость, так ты всегда готов. А это что такое?

Но Мистер Питерс, к удивлению всех, еще раз тихо-мирно улыбнулся. Он слез со стола, постоял немного возле него, подошел медленными шагами к Роме и, совершенно неожиданно для всех схватив его на руки, закружился с ним по лаборатории, выкрикивая:

— Гоп-ля, какая замечательная штука! Гоп-ля, май-дыр, мой дорогой Рома! Мы победили, победили, победили!..

— Подождите одну минутку, Мистер Питерс, — умоляюще обратилась к нему Рая.

Но Мистер Питерс не унимался. Он носился по лаборатории с растерянным Ромой на руках — и только руки бедного пищевода, мотаясь в воздухе, болтались перед Расей и Олесем. Наконец, Олесь не выдержал:

— Слушай, ты, сумасшедший, — воскликнул он, — что это за фокусы? Не достаточно ли уже? Работать...

Мистер Питерс остановился. Осторожно, отдуваясь, он поставил удивленного Рому на пол, где тот и остался стоять, пошатываясь. Потом Мистер Питерс взглянул на Олеся, на Раю — и громко обратился к Роме:

— Голубчик мой, бери то, что осталось от нашего вчерашнего ужина, и иди сюда. Ставь все на стол. И кассеты — не надо.

Рая переглянулася с Олесем: действительно, казалось, что Мистер Питерс сошел с ума. Как так — не надо кассеты?.. Тем временем, Рома выполнял распоряжения. Он стыдливо отодвинул в сторону остатки жареного мяса, которое они с Мистером Питерсом вчера уминали, банку из-под молока... оставалось только сырое мясо и порезанный на куски картофель. Это он и взял.

— Клади на стол. Включай генератор, — командовал Мистер Питерс. — Однако, нет, генератор включу я сам.

Мясо и картофель лежали на мраморном столе. Мистер Питерс отошел в сторону, критически посмотрел на продукты. Прищурил глаз, отошел, посмотрел с другой стороны. Затем вернулся к генератору и внимательно направил рефлектор-анод в лампе на продукты.

— А какая же лампа чудная!.. — услышал он удивленный голос Раи.

Не отвечая, в гордом молчании, Мистер Питерс запустил генератор.

И сразу же голос Раи стал еще более удивленным:

Серед тиші зирцано було чути шкварчання м'яса.

— Мистер Питерс, чего это лампа сияет фиолетовым светом?

Олесь не спрашивал ничего. Он, широко раскрыв глаза, смотрел то на генератор, то на Мистера Питерса. А тот ходил вокруг генератора с победным видом и командовал:

— Давай экспозицию, Рома. Нечего медлить, надо работать...

Шипение генератора все усиливалось.

— Ой! — вскрикнула Рая, увидев фиолетовые искры, срывающиеся с медной дуги. Но сразу же она и другие забыли об искрах, о цвете сияния генераторной лампы. В наступившей тишине отчетливо было слышно шкворчание мяса. Так, кусок красного мяса, что лежал на мраморном столе, поджаривался сам собой, словно на плитке. Мясо шипело, пускало пузыри, шкворчало, от него шел вкусный запах — такой вкусный, что у всех присутствующих заметно начали двигаться челюсти.

Мистер Питерс и сам невольно сглотнул слюну.

— Смотри, смотри! — воскликнула Рая.

Нарезанная картошка, которая лежала рядом с мясом, так же начала шкворчати и поджариваться. Она заметно перекрасилась просто на глазах, делаясь из белой — темно-желтой, золотистой.

— И что все это значит, наконец? — сделал шаг вперед Олесь. — Какая-то странная кухня, а не лаборатория... стол превратился в плитку?

Мистер Питерс молчал, сложив руки на груди, как победитель-Наполеон. Зато ответила Рая:

— Нет, не так. Мрамор холодный. Смотри, мясо и картофель поджариваются словно изнутри...

И действительно, стол оставался холодным. Лишь там, где его касались мясо или картофель, — мрамор немного нагревался. Получалось, что таинственный источник тепла гнезвился где-то внутри куска мяса, внутри каждого кусочка картошки... Это было что-то совершенно невообразимое, — по крайней мере, с первого взгляда. Даже Рома молчал, удивленно поглядывая на стол: такого зрелища не приходилось до сих пор видеть даже опытному бывалому пищевику...

Однако, продукты поджаривались — хотя бы и вопреки здравому смыслу. Они шкворчали, они шипели, они испускали приятные ароматы. Мистер Питерс не выдержал:

— Рома, ты там как знаешь, а я люблю не очень поджаренное мясо. С меня достаточно, оно слишком вкусно выглядит.

Быстрым движением он отодвинул в сторону мясо и картофель, что и дальше шкворчали, словно набрав тепла еще на полчаса. Не обращая внимания на удивление товарищей, Мистер Питерс положил еду на тарелки, разделив все на две равные части. Одну часть он придвинул к себе, вторую подал Роме:

— Ешь, браток, прошу, плиз. Ты честно вчера заслужил эту свою порцию. А эти...

Он сделал паузу — длинную, многозначительную паузу, и посмотрел на Раю и Олеся. Но сколько в этом взгляде было презрения!.. Даже неизвестно, откуда оно взялось в Мистере Питерсе, который после паузы добавил:

— А эти гуляки, которые только и знают, что по садам шататься и на лодках кататься, пусть посмотрят на нас, как мы будем есть. Вот!

Большой сочный кусок мяса, отрезанный при последних словах, полетел в рот Мистера Питерса. Рома беспомощно поглядывал то на Мистера Питерса, то на Раю. Он мучился. Он так же хотел есть. Но — есть без Раи, не предложив и ей?.. Это было выше его сил.

Рая сама нашла достойный выход. Она повернула голову к Олеся и, будто не замечая еды, будто не видя ее, не слыша аппетитного чавканья, которое раздавалось с той стороны, где ел свою долю Мистер Питерс, спросила равнодушным голосом:

— Интересно бы мне было знать, что это за странное такое явление? Жаль, что не у кого спросить, жаль... ты не знаешь, а эти двое... (при этом она так посмотрела на Мистера Питерса и Рому, что у них пропал аппетит) —... а эти двое так заняты обжорством, что у них и спрашивать не стоит.

Молчание. Не слышно даже чавканье. Рома жалобно смотрит на Мистера Питерса. Питерс смотрит на Раю, осторожно дожевывая то, что осталось во рту. А Рая... Рая стояла, гордо подняв голову, глядя в окно и еле слышно притопывая левым каблуком. Олеся даже рот раскрыл, дивясь на Раю. Наконец, Мистер Питерс рассмеялся:

— Рачка, да разве ж я... да разве ж вы... и я рад все рассказать вам; только вам, честное слово, все это ни к чему.

— То есть, как это ни к чему? — грозно повернулась к нему Рая.

Глаза ее пылали гневом.

— Не то, чтобы ни к чему, а просто...

Он запутался и махнул безнадежно рукой. Рома тихо проговорил:

— Брось, Мистер Питерс, говори все...

— Да и сам уже вижу. Ну, ладно, вери-вэл, — и Мистер Питерс проглотил последний кусочек мяса. — Все это очень просто, очень несложно, Рая. Видите, я немного переконструировал наш генератор. Он стал значительно мощнее. Ну, и волна стала у него короче, частота выше. Ну, и облучать он стал лучше. Как, вы, наверное, знаете, высокие частоты вызывают в живом организме, внутри его, появление тепла...

— Это я очень хорошо знаю, — строго отчитала его Рая, — надеюсь, вы не будете читать мне лекцию про диатермию? Кто из нас биолог — вы, или я, хотела бы я знать?..

Рома только кашлянул в кулак: язвительная девушка!

— Да я же не читаю лекций, — оправдывался Мистер Питерс, — я только... кстати, как электротехник. Ну вот, диатермия, значит, создает в организме, внутри, тепло. А мой генератор создает значительно больше тепла. Он концентрирует его куда угодно. Ну, вот мясо и поджаривается же внутри. И все. Олл.

Рая, не глядя на Мистера Питерса, обратилась к своей левой руке, внимательно рассматривая пальцы на ней:

— Вот, знаете, есть очень интересное научное объяснение: зимой в комнате бывает тепло, потому что горит печка... Его генератор, видите ли, концентрирует где-то там, внутри мяса, тепло... хм... Олесь, не правда ли, чудесное объяснение?

Мистер Питерс со злостью взглянул на Раю и Олесь:

— Да что я вам, академик, или еще кто? Или, может, я должен вам лекции читать по ультракоротким волнам?.. Кажется, вы сами должны понимать, что здесь, как нигде, много загадок и тайн. Вот, например: я и сам не все понимаю, что здесь происходит. Понятно? Андерстенд-ю?.. Рома, пошли дальше. Давай следующую экспозицию!

Рома принужден был покориться, хотя и очень хотелось ему доказать Рае, что он отнюдь не солидаризировался с Мистером Питерсом насчет его резких выпадов. Рая презрительно пожала плечами и вышла из лаборатории. Следом за ней вышел и Олесь. Первая ссора омрачила радость демонстрации чудесного изобретения...

... Но, кажется мне, и сам я, и мои читатели — не специалисты по радиотехнике, не специалисты по ультракоротким волнам. И, нам, наверное, не помешает вспомнить кое-что из этой интересной области науки, — вспомнить, воспользовавшись с пользой паузой, пока наши экспериментаторы мирятся, позабыв случайную ссору.

Действительно, что мы знаем об ультракоротких волнах?..

Наберемся терпения, забудем на некоторое время о наших героях — точнее, вспомним о главном нашем герое, о котором все время речь идет, — о радио и о загадочных волнах. Биография этого героя, честное слово, не менее интересная.

В 1922 году, во время великой радиовыставки в Науэне*, в главном павильоне можно было увидеть карту с гордой надписью:

«Мир вокруг Науэна»

Карта показывала, как, все увеличивая длину волны своих радиоволн, Науэнская радиостанция постепенно распространяла свое влияние на мир, как ее начинали слушать по всей Европе. Конечно, разговоры обо всем «мире» — были преувеличенными.

Весь мир, как таковой, никогда не слушал, не слышал Науэна. Однако, тогда, в 1922 году, был период триумфа длинных волн.

А уже в году 1924 длинные волны были вынуждены отодвигаться на второй план, так как пришлось освободить место для так называемых коротких волн. Они, эти короткие волны, на которые раньше особого внимания не обращали, — они позволили уменьшить затраты в несколько раз, и достичь еще большего эффекта распространения радиоволн. В радиотехнике стали разделять радиоволны по длине:

- Длинные волны — от 30.000 до 3.000 метров.
- Средние волны — от 3.000 до 200 метров.
- Промежуточные волны — от 200 до 50 метров, и
- Короткие волны — от 50 метров до 10 метров.

Самым интересным диапазоном, как оказалось, был последний.

* В 1906 г. в Науэне (Германия) был построен экспериментальный радиопередатчик, который начали использовать в полном объеме с 1921 года; на сегодняшний день он является старейшим радиопередатчиком в мире (Прим.пер.)

Армия исследователей кинулась изучать короткие волны. Радиокарта мира засияла, как звездное небо, множеством красных точек, которыми отмечали появление любительских коротковолновых радиопередатчиков. Короткие волны в Америке стали модой — ими заинтересовались все. Да и как же могло быть иначе, когда с помощью маленького передатчика, несложной любительской радиостанции, — радист-коротковолновик связывался и разговаривал по радио с другими любителями на расстоянии 10-20 тысяч километров?

Между прочим, такой же путь проделал в свое время и наш знакомый Мистер Питерс. Однако, не о нём сейчас речь.

Прошло еще несколько лет. Радиотехника набралась большого опыта. И исследователи заинтересовались:

— А каково поведение еще более коротких волн?.. Тех, чья длина не превышает десяти метров?.. А тех, что не длиннее одного метра?..

Вот так и появились ультракороткие волны. Правду говоря, принципиально эти волны были известны науке достаточно давно. Возьмем разряд, электрическую искру — и она даст нам точно такие ультракороткие волны. А впрочем — это настолько капризная вещь, что исследователи, еще со времен знаменитого Герца, еще с конца прошлого века, — забросили мысли о подробном изучении таких волн.

Однако, опять-таки, еще великий Герц в своих классических исследованиях доказал, что очень короткие электромагнитные волны подчиняются тем же физическим законам, что и световые. Они так же распространяются, преломляются, отражаются и дают тень, отражаясь от непрозрачных для них вещей.

Освоив короткие волны, радиотехника перешла к ультракоротким. Это был сложный и долгий путь. Нигде до сих пор радиотехника не встречала столько трудностей. Ни один диапазон не был таким сложным, ни одно физическое явление не было таким капризным. Но — ни одно явление не было таким интересным.

Неожиданно, ультракороткие волны распространили свое влияние и на другие отрасли науки. Мало того, что ультракороткие волны дали технике возможность устанавливать действительно направленную связь, направлять в желаемом направлении узкий острый луч ультракоротких волн; мало того, что для такой связи нужна была невероятно малое количество энергии. Мало,

наконец, того, что связь через Ла-Манш, между Францией и Англией, в 1931 году была установлена при мощности генератора сантиметровых волн в 0,5 ватта, то есть, почти в 100 раз меньшей, чем мощность, которую использует 50-свечная нагревательная лампа... всего этого было мало. Ультракороткие волны начали кардинально вмешиваться и изменять науку.

Начиная с года 1930, изучать ультракороткие волны берутся физиологи и биологи. Мировые ученые — Госмер, Байорстин, Петцольд, Гомберг и другие — посвящают свои труды этому явлению. Устанавливается, что ультракороткие волны исключительно влияют на органические и неорганические вещества. Испытуемый объект помещают в электромагнитном поле генератора, или между пластинками конденсатора. И объект начинает нагреваться — при этом нагрев проходит совсем не так, как обычно.

Тепловые процессы, до сих пор, были нам знакомы достаточно хорошо. Проходили они так. Внешние молекулярные слои разогретого вещества, соприкасаясь с другим веществом с более низкой температурой, передают свое состояние сначала ближайшим молекулам, потом дальше, пока все холодное вещество не нагреется до соответствующей температуры. Продолжительность такого процесса тем длиннее, чем менее теплопроводную вещь мы возьмем.

А под воздействием ультракоротких волн все части вещества нагреваются одновременно... Это тогда, когда тело имеет одинаковую структуру, одинаковую тепло— и электропроводность. Но живой организм, например, состоит из различных ячеек. И они будут нагреваться по-разному. Более того, даже то же вещество будет нагреваться по-разному — в зависимости от того, в каком оно находится состоянии, когда мы облучаем его ультракороткими волнами.

Кучка угля в поле высокой частоты разогреется всего на 6°. Но, если мы разотрем уголь в пыль и потом облучим ультракороткими волнами — угольная пыль раскалится добела. При этом — волны разной длины по-разному влияют на вещи. Можно так подобрать длину волны, излучение будет нагревать кость пальца, не нагревая совсем мяса и кожи. Можно по желанию прогревать только желудок живого существа, не задевая других органов.

Можно, в конце концов, сварить — совсем сварить! — внутренние органы, без каких-либо внешних следов и признаков ожога кожи... Это кажется сказкой, но в Вене 1933-го года, в венском институте физиологии ученые сварили головной и спинной мозг кролика, не разрезая тела, без хирургических инструментов.

Человек болеет, у него болит рука, под кожей — бактерии. Облучим руку ультракороткими волнами определенной нужной длины — и бактерии немедленно погибнут. Облучим ультракороткими волнами зерно — и получим такие последствия, которые получили в Балтиморском институте, в Америке, ученые под руководством профессора Дэвиса — и у нас, в Московском институте инженеров питания, под руководством профессора Фролова. Такие же исследования в 1934 году проводили московская лаборатория Наркомснаба и Харьковский электротехнический институт, где работал профессор. Зейдлиц.

Везде было экспериментально доказано, что облучённое зерно растет быстрее, оно лишается вредителей. Погибают бактерии и увеличиваются запасы жизненной энергии зерна...

Удивительное воздействие лучей убивает одних — и увеличивает жизненную силу других. Удивительное воздействие лучей дает в руки человечеству новое оружие огромной силы и мощи. Загадочный свет, которого до сих пор ещё не знала наука. Только за последние годы наука немного приподняла завесу, скрывающую это загадочное явление.

И пусть теперь читатель сам ответит: разве не честно сказал Мистер Питерс, что он много чего и сам не понимает в действии своего нового генератора?

Рая, Рая, действительно напрасно вы обвиняете нашего изобретателя!..

4. СЕРДЦЕ КРАСАВИЦЫ... ПОД ВЛИЯНИЕМ УКВ

А события продолжали разворачиваться. Они разворачивались так быстро, что Рома не успевал регистрировать удивительные изменения. Начать хотя бы с того, что Мистер Питерс как будто окончательно забыл про синие глаза и золотые волосы одной девушки, которая раньше полностью владела его сердцем. Мистер Питерс видел только одно: свой генератор и исследования. Он скручивал толстые сигары, он выпускал облака дыма, он бросал сигару, чтобы зажечь трубку; бросал трубку, чтобы с наслаждением втянуть полную грудь воздуха и сказать Роме:

— Ты, дегустатор несчастный, слышишь ли ты этот замечательный запах озона, которым наполнена теперь наша лаборатория?..

И, не дожидаясь ответа, он вновь бросался к генератору — проверять новую мысль, которая только что мелькнула у него в голове. Рома в течение двух дней еще больше похудел. Он просто на глазах истаявал. Сердце его разрывалось на куски, ибо он любил и Раю, и Мистера Питерса... правда, не совсем одинаково, но...

Раньше, когда он видел, что Рая обращает внимание не на него, а на красивого Олесья, — он только хмурился и обещал себе:

— Погоди, погоди... вот мы ему покажем.

А теперь?.. Теперь Олесья отошел на задний план. Неожиданно для себя, Рома заметил, что Рая как-то по-новому смотрит на Мистера Питерса. Рома, не веря своим глазам, увидел вчера вечером, как Рая, собираясь идти к лаборатории просвечивать своего кролика, остановилась перед дверью, тщательно напудрила нос, подкрасила губы — и лишь тогда вошла. Правда, Мистер Питерс не заметил ничего. Он буркнул:

— Только, пожалуйста, плиз, поскорее, потому что мне некогда. Слышите? Квикли.

— Что? — удивленно переспросила Рая. — Квик... квик?

— Квикли, что значит — быстрее. Пора уже вам выучить английский язык.

Рая закусила губки. А сегодня утром, Рома заметил у нее в руках толстую книгу. Рая читала ее внимательно, строка за строкой. Частенько возвращалась назад и перечитывала снова только что прочитанное место.

— Что это у вас, Рая? — спросил как-то Рома.

Но Рая сразу покраснела, закрыла книгу и выбежала из комнаты. Только во время обеда Рома заметил, разглядел название книги. Это был «Учебник английского языка для взрослых»...

Вполне понятно, что Рома имел некоторые основания чахнуть. Потому что такие признаки внимания к Мистеру Питерсу со стороны Раи не оставляли повода для сомнений. Между прочим, заметил все это и Олесь. Теперь он приходил в лабораторию точно в определенное время, делал, что ему надо было, работал возле генератора, не говоря лишних слов, — и уходил. На Раю он почти не смотрел, а встречаясь с ней, был невероятно вежлив — так, что от его вежливости становилось холодно, как в большой мороз. Этой ледяной вежливости не замечала только Рая — будто ей было это полностью безразлично. Даже Мистер Питерс однажды удивленно поднял глаза на Рому и спросил его:

— Чего это он так с ней разговаривает? Поссорились они, что ли?..

Потом пожал плечами и забыл об этом.

Рома только вздохнул. Что ему оставалось делать?..

Генератор работал. Он работал так устойчиво, как не бывало этого даже со старым. Мистер Питерс установил определенный порядок проведения исследований, и у каждого теперь было свое выделенное время — и наибольшее время приходилось на долю самого Мистера Питерса. Конечно, это было вполне понятно. Кроме того, никто не имел оснований быть недовольным: ведь новый генератор позволял каждому работать вдвое быстрее — настолько он был производителен.

Итак, генератор должен был дать самые наилучшие последствия применения его именно в области радиосвязи. Мистер Питерс, выпуская сизые облака дыма, рисовал на всех попавшихся под руку клочках бумаги сложные схемы, где никто, кроме него, не мог ничего разобрать, разрывал их на еще более мелкие клочки, ругался вполголоса, снова рисовал, перечеркивал. Рома, который стал теперь его верным помощником, по распоряжению Мистера Питерса держал вахту возле генератора, следя за лампой и

указателем частоты. Он стоял и прислушивался. А Мистер Питерс саркастически шептал себе под нос:

— Конечно, они и до сих пор думают, что можно только... что определенная, устойчивая связь на ультракоротких волнах возможна лишь тогда, когда... когда передатчик и приемник находятся в видимости друг друга... оптическая видимость, ха-ха!.. никакой видимости, никакой, я говорю... вот — схема должна быть такая.

Он снова рисовал, рисовал и шептал:

— Маркони еще в году 1933-м установил устойчивую связь на дециметровой волне между Ватиканом и Кастель-Гвандольфо. Что же, неужели на расстоянии в 18 километров они могли видеть друг друга?

— А может, и видели... я, например, думаю... — осмелился подать голос Рома.

Но Мистер Питерс прикрикнул на него:

— Ты думаешь? Тебе такого по штату не положено, вот что. Хм, он думает!.. М-да, это сделал Маркони. А вот в 1934 году уже была установлена устойчивая коммерческая связь между телеграфными, печатными автоматическими аппаратами, между Англией и Францией, между Лямпне и Сент-Энглевером. Ты, дегустатор, как думаешь, видели ли они друг друга между Лямпне и Сент-Энглевером, а?

Рома обиженно молчал.

— Ни черта они не видели, потому что эта связь была установлена уже на расстоянии 56 километров. А длина волны какая была? А? Слушай: семнадцать сан-ти-мет-ров. Ты понимаешь?

Не дожидаясь ответа, Мистер Питерс вновь склонился над рисунком своей запутанной схемы. Неожиданно он воскликнул:

— Какая волна сейчас, а?

— Два с половиной сантиметра, — ответил Рома.

— Можешь работать со своей едой, — распорядился Мистер Питерс, — мне надо кое-что купить. Только чтобы волна оставалась такой же. Понимаешь?

— Это мне еще лучше, — отозвался Рома, — потому что на двух с половиной сантиметрах я еще не работал.

— Значит, работай. Я пошел.

И Мистер Питерс исчез за дверью. Рома посмотрел еще раз на показатель частоты: все было в порядке. Он взял из шкафа свои

продукты. На белом фоне густой сметаны-ряженки цвели зеленые пушистые цветки: это была активная плесень. Позавчера Рома сам посадил на ряженку культуру этой плесени. Сегодня он решил облучить ряженку, чтобы узнать, как это повлияет на плесень. Лучи должны были убить культуру плесени и не дать ей дальше распространяться.

Рома поставил мраморный столик поудобнее. Между кассетами он поставил чашку с ряженкой. Повернул ручку: шипение усилилось. Рома внимательно стал считать:

— Раз... два... три... четыре... пять...

Дойдя до десяти, он выключил ток. Чашка с ряженкой едва заметно нагрелась. И именно в эту минуту Рома услышал голос Раи:

— Можно войти?..

Ах, какой это, действительно, был чудесный, ласковый и нежный голос! Разве только флейта, в руках великого музыканта, могла бы издавать такие же чарующие звуки...

— Прощу, прошу, дорогая Рая, заходите. Мистер Питерс ушел, значит, можно заходить, сколько хотите. Я так рад, что вы...

Чудесный, ласковый, нежный голос прервал Рому:

— Как так нет Мистера Питерса? А где же он?

— Ушел куда-то, — неуверенно ответил Рома, — заходите, прошу. Вот, видите...

— Ничего не вижу... И вообще, нечего мне здесь видеть.

Чудесный, нежный, ласковый голос... он говорил дальше:

— Я не понимаю вообще, товарищ Рома, чего вы хотите от меня. У меня слишком мало времени, чтобы тратить его на разговоры с вами, вот что. Прощайте.

Чудесный, нежный, ласковый... И в волосах ее навеки запуталось солнце... нет ни голоса, ни солнца... Рома один-одинёшенек в лаборатории, со своей ряженкой и культурой плесени... Рая, чудесная, золотоволосая Рая, неужели вы не видите, как страдает, как кровью обливается сердце несчастного Ромы?..

Сердце обливается кровью, и кровь застывает в жилах, как эта вот плесень застывает широкими кругами на поверхности сметаны-ряженки. Но довольно слез, довольно ненужной лирики. Золотоволосая ушла, даже не взглянув на Рому. Ладно, он сдерет с своего сердца эту кровь — так же, как счистит со сметаны плесень. К генератору, к труду!..

— Що ви робите, Ремо?

Рома решительно вернулся к столу, где стояла чашка со сметаной. Он уже протянул руку, чтобы сразу взять чашку. Но — но рука Ромы повисла в воздухе, а глаза широко раскрылись.

Рома стоял, пошатываясь, слыша, как равномерно и однообразно шипит генератор. Простите, но где же сметана? Куда она делась? Вот стоят банки, вот даже чашка — знакомая фаянсовая чашка с немного отбитым краем. А сметана?.. Вместо сметаны — пустота. Ничего.

Неуверенно Рома заглянул внутрь чашки: чисто. Как корова языком слизала... Может — это чертовы лучи испарили сметану? Сердитым движением Рома выключил генератор. Шипение исчезло. И все же — что-то осталось. Какие-то неясные, непонятные звуки тревожили Ромины уши. Он оглянулся в ту сторону, откуда, казалось, доносились эти звуки.

Новая неожиданность!

В углу, за маленьким столиком сидела серая кошка. Откуда она взялась, какими путями попала сюда — мы никогда не узнаем. Однако же, факт оставался. Кошка сидела в углу — неизвестная серая кошка.

Широко раскрытыми глазами Рома смотрел на это существо. Кошка много чего повидала, наверное, на своем веку. Одно ухо ее было надорвано, оно болталось, как неживое. Серая шерсть была грязной, на нее налип мусор. Да и сама кошка была довольно худая и облезлая. Тьфу!..

Рома хотел уже перестать смотреть на кошку, как вдруг заметил нечто странное. Он наклонился поближе к кошке, которая продолжала так же спокойно сидеть и умываться — словно прожила в этом углу всю свою жизнь.

Что это такое белое и зеленое на кошачей морде?..

— Негодница! Мерзавка! Грязное животное!

Все эти ласковые названия Рома выкрикнул со скоростью пулемета. И мы не можем его ни в чем обвинить — потому что эти белые и зеленые пятна на кошке были следами только что съеденной сметаны. Пока Рома разговаривал с Раей, кошка с молниеносной скоростью съела облученную ряженку...

— Подожди... подожди, гадина... — рявкнул Рома, вмиг превратившись в охотника.

Кровь его вскипела. Он почувствовал в себе заглушённый до сих пор голос опытного дикаря-охотника, который привык охо-

титься на диких животных. Атавизм?.. Можете называть, как хотите. Однако, уверяем вас: ни один темнокожий индеец, ни один Чингачгук или Зверобой, или даже сам Последний-из-Могикан не смог бы ползать с такой змеиной осторожностью к своей назначенной жертве, как полз к серой кошке разъяренный Рома.

Только с бешеным стуком билось его сердце — бедное сердце, которое перенесло сегодня столько горя; и еще с боевой яростью раздувались ноздри и горели сумасшедшим задором глаза.

— Р-раз! Есть!

Как пружина, Рома вкочил на ноги. В его правой руке, крепко схваченная за загривок, — висела кошка. Она только беспомощно шевелила лапами — защищаться она не могла.

— Гнусная тварь, — шептал Рома, — сейчас я тебе покажу, как жрать объекты научной работы... может, я и сам готов был бы съесть эту замечательную сметану. Но не ел, хоть и имел на это полное право. А ты... негодница, сейчас я тебя...

Кошка только выгибалась и конвульсивно двигала лапами. И совсем неизвестно, что сделал бы с ней разъяренный исследователь, если бы не услышал сзади ласковый, приятный голос, укоризненно говорящий ему:

— Что это вы делаете, Рома? Ведь этой бедной кошечке, наверное, довольно неприятно находиться в таком состоянии...

Рома замер на месте. Да, это была Рая. Очаровательная золотоволосая, синеглазая Рая смотрела на Рому, на кошку — и лицо ее становилось все печальнее.

— Что вы делаете, Рома?.. Ах, бедная киска, что случилось?

— Видите, она, эта дря... нет, я не это хотел сказать... эта тварь съела мою ряженку, — пробормотал Рома, не выпуская из рук кошку, которая именно в это мгновение жалобно мяукнула.

— Она скушала сметану? А что же, по вашему мнению, ей железяки кушать, или, может, катушки с генератора? Кошки любят именно молоко, сметану и прочие молочные блюда, — спокойно, с железной логикой ответила Рая. — Давайте ее сюда.

— Но...

— Никаких «но». Давайте сюда кошку, — приказала Рая.

И, хотя вROME бушевали бури и штормы ярости на мерзкую грязную животину, хоть и был он оскорблен предыдущим отношением к нему голубоглазой красавицы, — но руки его покорно

протянули к Рае кошку. А губы смогли лишь предупредительно прошептать:

— Только бы она не поцарапала вас, Рая...

Однако, Рая уже не слушала его. Она держала кошку на руках, она гладила ее.

— Бедная моя кошечка... скушала плохую заплесневелую ряженку... И откуда ты взялась здесь?.. Видимо, через окно влезла... тебе холодно? О, мы сейчас согреем тебя.

Быстрым движением Рая повернулась к Роме:

— Включите генератор.

— Но... — заикнулся было Рома.

— Кажется, я просила вас что-то сделать? — гордо спросила его Рая.

И Рома покорно включил генератор.

Фиолетовым светом засияли лампы, в воздухе разлился знакомый запах озона. Генератор заработал.

Рая поднесла кошку к кассете и посадила ее там:

— Садись, садись, — приговаривала она, — здесь тебе будет тепло и приятно. Садись, кисонька...

Кошка спокойно села. И действительно, ей, видимо, было достаточно приятно в теплых лучах генератора. Ведь сейчас генератор излучал волны, которые не жгли, не были очень горячими, а только грели — именно такие волны нужны были Роме для его сметаны.

— Рома, смотрите, она умывается! — воскликнула Рая.

Действительно, кошка умывалась. Она словно со времени своего рождения привыкла сидеть под лучами ультракороткого генератора. Она ласково мурлыкала, она намывала себе лапы и бока.

— Не повредит ли ей, Рая, слишком долгое пребывание под лучами? — робко спросил Рома.

Рая оглянулась на него:

— Интересно бы мне знать, кто из нас двоих биолог, вы или я? — язвительно спросила она: — И вообще, что может понимать пиццевик в биологических делах? Сиди, сиди, кисонька, он ничего не понимает...

Рома отошел. Никогда-никогда Рая не будет относиться к нему с такой благосклонностью... Что ж, ничего не поделаешь... он с головой окунется в науку, он забудет про свою несчастную

любовь... он даже больше не будет обращать вообще никакого внимания на Раю; вот что...

— Рома...

Нет. Он не будет обращать внимания. Нет!

— Ро-ма...

Пусть зовет. Нет, он занят, он не...

— Ро-ома...

— Простите, Рая, я не слышал... из окна, знаете ли, такой шум идет...

Рома, Рома, где твоя мужская гордость?.. Нет ее, потому что вот уже ты у Раи, вот уже ищешь, чем бы угодить ей...

— Смотрите, Рома, мне кажется, что кошка просто на наших глазах делается пушистее...

— Что?

— Она становится всё более пушистой! Смотрите!

Это становилось совершенно невероятным. Серая шерсть неизвестной бродячей кошки медленно распушалась. Она становилась блестящей, густой и гладкой. Казалось, это была уже совсем не та кошка, что сидела в дальнем углу, и была тощей и потрепанной. Это сидела — сытая кошка с блестящей густой шерстью, в которой отражались солнечные блики из окна.

Рома не верил своим глазам. Он смотрел то на кошку, то на Раю, та тоже ничего не понимала. Однако, она весело улыбалась:

— Ага? Видите? А вы говорили — не повредит ли ей...

— Что повредит? Кому? Хав-ю-си?.. Ват-тол-ю? Как и что вы говорите? — послышался густой голос Мистера Питерса, который незамеченным вошел в лабораторию.

Он быстро подошел к столу, взглянул на кассеты и удивленно остановил взгляд на кошке:

— Что это такое? Откуда это животное? Это вы, Рая, облучаете уже не кроликов, а кошек?

Рая покраснела:

— Собственно, Мистер Питерс, я не то... она съела сметану... а Рома ее то... ну, я взяла и вот... а она делается всё пушистее... А Рома говорил, не повредит ей...

Рома слушал и удивлялся: куда делась Раина уверенность, язвительность... как смущённо разговаривает Рая с Мистером Питерсом... И как по-доброму, если сравнивать с её же манерой разговаривать с ним, с Ромой...

— Ха-ха, — рассмеялся Мистер Питерс, — значит — решили все-таки облучить кошку? Ну что ж, это неплохо... Ит из вери интересинг, это очень интересно. Говорите, становится пушистой? Так и должно быть. А впрочем, не надо утомлять ее. Рая, вы замените её на ваших кроликов. Увидим, что из этого получится. Андерстенд-ю? Понимаете ли вы?..

— Йез, ай андерстенд, — ответила Рая, немного краснея.

В комнате стало тихо. Мистер Питерс недоверчиво посмотрел на Раю. Рома вытаращил глаза: Рая отвечает Мистеру Питерсу на английском языке?.. И вдруг он вспомнил об «Учебнике английского языка для взрослых». Так, так...

— Раечка, что я слышу? Вы разговариваете на английском языке, ю спик инглиш?

— Э литл, Мистер Питерс, — ответила Рая.

Но дальше она не выдержала. Сильно покраснев, она схватила кошку и выбежала из комнаты.

Мистер Питерс обратился к Роме:

— Ты слышал? Она ответила «э литл», что значит «немного». Вот так девочка...

Рома молчал. И Мистер Питерс вынужден был добавить после паузы:

— Я даже думаю, что иногда женщины бывают значительно способнее некоторых мужчин... как ты думаешь, Рома?.. Я, конечно, не намекаю ни на кого, тем более на тебя. Но...

А так как Рома все так же молчал, хмуро поглядывая в окно, то Мистер Питерс вздохнул и приступил к своей работе, даже не спросив, успел ли Рома закончить облучение своих продуктов. Вполне возможно, что этого не стоило было и спрашивать: что значили работы Ромы, или Олесья, или даже Раи, — по сравнению с работами самого Мистера Питерса, изобретателя замечательного генератора? Ведь Мистер Питерс еще не завершил своё изобретение. И Рома готов был превратиться на некоторое время в помощника Мистера Питерса. Это сулило большие перспективы в будущем.

И очень хорошо, что Рома совсем и не подозревал, чем именно сейчас занята Рая. Если бы он мог заглянуть в ее комнату — его настроение было бы окончательно испорчено. Настолько испорчено, что вряд ли хватило бы у него мужества дальше спокойно работать. Даже Олесья — и тот не выдержал бы такой картины.

Ибо Рая лежала на своей кровати и серьезно, упорно изучала что-то, читая толстую книгу в зеленой обложке.

И если бы кто имел возможность подслушивать, он услышал бы, как Рая тихо шептала, пытаясь вложить как можно больше выразительности в странные слова:

— Ай-лов-ю... ай-лов-ю...Май-дир Мистер Питерс, ай-лов-ю...

Конечно, ни Рома, ни Олесь не изучали никогда английского языка. А впрочем — они поняли бы эту фразу. Потому что каждый из нас, даже не зная чужих языков, хорошо помнит неизвестно откуда взятые несколько фраз на разных языках. Несколько фраз, которые в конечном итоге определяют всегда то же самое.

— Ай-лов-ю — на английском,

— Же-ву-зем — на французском,

— Их-либе-дих — на немецком.

И все эти фразы, повторяем, определяют только одно — то самое, что можно очень легко выразить русским —

— Я люблю вас...

Следовательно, даже лучше, что Рома и Олесь не знали ничего, не слышали ничего. Потому что это наверняка помешало бы им работать. Неприятно, знаете, когда девушка, в чувствах которой вы заинтересованы, учится говорить «я люблю вас», добавляя к этому имя не ваше, а совсем другого человека...

Того самого человека, который известил Рому и Олесь спокойным, уверенным тоном:

— Имейте в виду, друзья мои, что завтра сюда прибывают наши уважаемые профессора во главе с академиком Антохиным.

— Зачем? — спросил Рома.

— Они придут по моему приглашению — ознакомиться с моим новым генератором. Его свойствами, действием и тому подобным. Нам надо подготовиться, чтобы показать им кое-что интересное. Такое, чего они еще никогда не видели, — ответил Мистер Питерс, лукаво улыбаясь.

И больше он не добавил ничего, как не поглядывал в его сторону заинтересованный Рома, как не расспрашивал его Олесь.

Спрятавшись в клубах пахучего дыма огромной самокрутки, Мистер Питерс молчал, что-то сосредоточенно обдумывая.

5. ПРОФЕССУРА ИМЕЕТ ОСНОВАНИЯ УДИВЛЯТЬСЯ

Утро это, правду говоря, тоже ничем не отличалось от всех других. Оно было такое же солнечное, такое же приятное, как и множество других. Были, может, лишь крохотные мелкие черточки другого цвета на сложном рисунке этого утра. Речь шла только о том, что Мистер Питерс с самого утра был уже немного уставший — он не ложился спать всю ночь, работая у генератора. И еще — знали об этом и Рома, и Олесь, и даже Рая, — сегодня должны были прийти в лабораторию, к новому генератору почтенные профессора.

Они должны были прийти во главе с академиком Антохиным. А этот самый академик Антохин был, безусловно, своеобразным человеком.

Небольшого роста, весь седой, всегда с взъерошенными волосами, которые развевались вокруг его головы, как сияние, с седой же круглой бородкой; сухой и живой, вспыльчивый, но очень добрый, остроумный и веселый, ходячая энциклопедия по совершенно всем вопросам электричества — академик Антохин был человеком, которого уважали все, кто его знал. Даже те, кого он побивал вдребезги во время научных споров, — даже и те вспоминали о нем с большим почтением.

Скажем больше. К академику Антохину относился с заметным почетом и уважением даже институтский сторож Андрей Антонович, — фигура, возможно, не менее известная среди ученых и студентов, чем академик Антохин.

Сколько лет было Андрею Антоновичу — не знал никто. А сам он никогда не отвечал на вопросы об этом. Он смотрел на неосторожно спросившего из-под своих седых бровей колючим взглядом, и говорил:

— И наверняка больше, чем тебе, голубчик мой... наверное, больше.

Лысый, как колено, но с длинными седыми прядями волос возле ушей, — всегда чисто выбритый, чисто одетый, с хорошей волосистой шваброй в руках, с неизменной самокруткой в пожелтевших от возраста и табака губах, — Андрей Антонович ко всем относился хоть и вежливо, но скептически. Что могло удивить его — человека, который в свое время знал даже старейшего профес-

сора молодым студентом, мальчиком, который частенько просил у этого же Андрея Антоновича одолжить на два дня двадцать копеек?.. Что могло поразить человека, которая знал всю жизнь института, его профессоров и студентов?..

И единственным человеком, которого безмерно уважал Андрей Антонович — был академик Антохин. Знали они друг друга очень давно. И любили друг друга. Не бывало случая, чтобы академик Антохин, встретив Андрея Антоновича, не поприветствовал его, не подошел к нему пожать сухую его руку, не спросил:

— Ну, как живешь, Андрей Антонович? Как оно — курится?..

На что Андрей Антонович неизменно отвечал:

— Ничего, Иван Петрович, курится, пока не погас...

И они расходились, очень довольные друг другом. Откуда Андрей Антонович узнал, что сегодня в лабораторию к Мистеру Питерсу придет академик Антохин, — не знал никто. А впрочем, это было и не важно. Андрей Антонович с самого утра появился в лаборатории с тряпкой и шваброй — наводить порядок. И когда Мистер Питерс удивленно посмотрел на него и спросил:

— Чего это сегодня вы так принялись убираться, Андрей Антонович?..

Тот важно ответил:

— А что, в грязной лаборатории будем принимать Ивана Петровича, что ли?

Мистер Питерс пожал плечами: если Андрей Антонович взялся убираться, не надо было ему мешать.

Андрей Антонович убирался втщательно, убирался вплоть до того самого момента, когда в дверь лаборатории кто-то постучал — четко и сухо. Тогда он быстро оглянулся, увидел, что все как следует, — и удовлетворенно услышал, как из-за двери раздался голос академика Антохина:

— Мы пришли. Принимайте гостей, товарищи-лаборанты.

Двери раскрылись. Да, это был сам Иван Петрович Антохин — и с ним еще четверо профессоров. Они вошли в лабораторию, как входят в комнату смеха или в балаганную комнату ужасов. Профессора, конечно, уверены были, что никто и ничто не покажет им ничего такого, чего бы они не видели раньше. На то они и были профессора. Но — академик Антохин, идя сюда, говорил им:

— Готовьтесь увидеть удивительные вещи, уважаемые товарищи. Этот Мистер Питерс — такой упрямый человек, он всегда своё докажет.

Итак, профессора входили в лабораторию, как скептики, однако, обеспокоенные, взволнованные скептики. Они оглядывались, они осматривали всё вокруг себя, ища что-то удивительное.

Академик Антохин был такой, как и всегда. Он весело подошел к Андрею Антоновичу и сказал ему, улыбаясь:

— Ну, как живем, Андрей Антонович? Как оно — курится?..

Лицо старика расплылось в довольную улыбку:

— Ничего, Иван Петрович, курится, пока не погас...

Академик уже шел дальше:

— Готовы, товарищ Петр? Можно начинать? Смотрите, мы настроены очень скептически.

— Я готов, Иван Петрович, — ответил Мистер Питерс. — Садитесь, прошу. Рома, подвинь стулья.

Профессура расселась. Рома и Олесь стояли позади. Мистер Питерс остался возле генератора. Рая была у Мистера Питерса наготове выполнить любое его поручения. И даже Андрей Антонович стоял у дверей, слегка заинтересованный: столько профессоров в одной комнате!.. Это уж, наверное, что-то важное, в том числе и потому, что здесь сам Иван Петрович...

— Позвольте начинать, Иван Петрович? — спросил Мистер Питерс.

И, получив положительный ответ, он положил руку на рубильник и начал:

— Я не хочу задерживать вашего внимания на описании всех наших опытов, нашей работы вокруг конструирования этого генератора. Позволю себе лишь напомнить вам, что наш старый генератор, как и все известные до сих пор ультракоротковолновые генераторы, построенные на принципе Томсоновского контура, был очень маломощным. Причины этого вам известны: отсутствие необходимых специальных ламп, трудности построения такого генератора, побочные влияния токов ультравысокой частоты. Мне повезло, все же, сконструировать новую систему ультракоротковолнового генератора, построенную на эффекте магнетрона. Этот генератор, вы его здесь видите, прежде всего, очень мощный. Мы можем благодаря этому облучать объект его лучами не только кассетным способом, вкладывая облучаемый объект между поло-

винками кассеты, но и просто направляя на объект лучи этим рефлектором-анодом...

— Кхе-кхе... гм-м...

Мистер Питерс оглянулся; что это за выражение откровенного недоверия и скепсиса?.. Он оглядел свою необычную аудиторию.

Академик Антохин сидел вполне спокойно. Он немного склонил свою седую голову набок, и внимательно прислушивался к словам Мистера Питерса. Остальные профессора так же внимательно слушали — и на их лицах можно было заметить лишь подчеркнутое, свойственное им всегда равнодушие и уверенность в своих собственных знаниях. Кто же это хмыкал?

Не найдя ответа на свой вопрос, Мистер Питерс продолжал:

— Таким образом, мы теперь можем просвечивать объекты не только в лаборатории, но и направляя лучи куда-то за пределы помещения...

— Кхе-кхе... гм-м... — послышалось в комнате еще отчетливее.

Мистер Питерс вспыхнул: что за невежливость? Он, однако, решил не обращать на это внимания. Пусть хмыкает до определенного времени этот невежливый скептик...

— Кроме того, мой новый генератор дает излучения очень высокой частоты. Достаточно сказать, что сейчас оно отрегулировано на волну длиной пять миллиметров...

Аудитория вздрогнула: пять миллиметров?..

— Да, — продолжал Мистер Питерс, — но, по моему желанию я могу переставить генератор на волны длиной миллиметр и десять сантиметров. Таковы границы диапазона частот моего генератора. Как вам, безусловно, известно, генераторы с таким диапазоном частот до сих пор никем построены не были. Добавьте к этому еще большую мощность...

— А именно?

— При волне длиной один миллиметр — полкиловатта. При волне десять сантиметров длины — пять киловатт.

— А чем вы меняете частоту колебаний?

— Изменением напряжения анода. У меня это напряжение меняется в пределах от двенадцати до восемнадцати тысяч вольт. В зависимости от этого, автоматически меняется и частота колебаний, их дает генератор. Итак, вы видите, что я не напрасно по-

тревожил вас, пригласив сюда. Если вы готовы, начнем испытания.

Мистер Питерс остановился. В комнате царил тишина. Профессора сидели, словно набрав в рот воды. Молчал даже академик Антохин. Рая озабоченно оглянулась на Мистера Питерса: чего, мол, они все молчат?.. Однако, вот встал профессор Терещенко, одновременно снимая с носа свое неизменное пенсне:

— Э... я хотел бы сразу же попросить нашего уважаемого... э... изобретателя доказать нам фактами его... э... утверждение о возможности активного облучения его... э... генератором объектов на расстоянии, а не кассетным способом...

И он сел, задиристо надевая пенсне и победно поглядывая на Мистера Питерса, который хладнокровно спросил его:

— Уважаемый профессор хотел бы увидеть влияние на живые существа, или на какие-то другие объекты?

— Э... как первую попытку, я могу предложить вот что. Я подниму палец, а вы поймаете его вашими лучами... э... с помощью экрана...

Профессор Терещенко, действительно, поднял палец. Он сидел неподвижно — и за стеклянными окошками его пенсне пряталась презрительная улыбка. Это почувствовала даже Рая. Она жала кулаки: ах, как надо проучить этого профессора!..

Мистер Питерс спокойно включил генератор. Академик Антохин даже приподнялся, увидев фиолетовый цвет света ламп. Вот сорвались первые фиолетовые огненные искры. Вот они поплыли по комнате. Вот воздух наполнился характерным запахом озона. Профессор Терещенко держал приподнятым свой сухой желтый палец. На его лице можно было заметить лишь подчеркнутое равнодушие.

— Уважаемый профессор желает какого именно воздействия? — вежливо спросил Мистер Питерс, возвращая устройство с лампой.

— Какого хотите, э... скажем, наиболее эффективного, — ответил профессор, уже не скрывая презрительной улыбки.

Взгляды аудитории перебежали с генератора на палец профессора Терещенко: что же будет?..

Мистер Питерс покрутил ручки контуров. Он внимательно посмотрел на профессора Терещенко, на остальных:

— Внимание, товарищи! — произнес он.

И почти сразу профессор Терещенко вскрикнул. Порывистым движением он дернул руку вниз, пряча палец и одновременно рассматривая его расширенными глазами. Остальные склонилась над ним. Мистер Питерс повернул устройство в сторону.

— Итак? — спросил он.

Профессор Терещенко молчал, злобно поглядывая на него. Его палец потемнел, вместо желтого он стал коричневый, как будто его чем-то обожгло.

Академик Антохин ответил за профессора Терещенко:

— Я думаю, что мы перейдем к более научным экспериментам, а?.. — спросил он Мистера Питерса.

Тот с готовностью отозвался:

— Я лишь исполнил желание профессора продемонстрировать пример эффективного воздействия моего излучения на расстоянии без кассет.

Тем временем профессор Терещенко закрутил палец носовым платком и теперь сидел совершенно неподвижно, словно невинно обиженный человек. Его рот наглухо закрылся.

— Если позволите, Иван Петрович, — продолжал Мистер Питерс, — я показал бы вполне своеобразное влияние моих лучей теперь уже на расстоянии метров пятнадцати. Конечно, на таком расстоянии лучи уже никого не опалят. Мы просто на некоторое время создадим препятствие для движения на той стороне улицы.

Рая незаметно посмотрела на профессоров: на их лицах застыло удивление. Даже академик Антохин широко открыл глаза.

— Это очень несложный эксперимент. Мои лучи создадут на той стороне улицы мощное электрическое поле, которое будет отталкивать каждого, кто попытается пройти сквозь него, — объяснял дальше Мистер Питерс, — это совсем просто, и мы сделаем это, повторяю, на минутку. Прошу уважаемых гостей к окнам.

Первым поднялся академик Антохин. Он не скрывал своей заинтересованности. Покручивая по старой привычке седую прядь волос на правом виске, академик подошел к окну. За ним следом перешли к окнам и остальные наблюдатели. Рома и Олесь посмотрели на Мистера Питерса: что это за новые фокусы?

По тротуару на той стороне улицы шли люди. Они проходили мимо, они поглядывали на витрины, кое-кто спешил, кто-то шел, рассматривая встречных. Вполне обычная картина.

Чоловік з портфелем спримував не раз підійти до громадянки, заспокоїти її, допомогти їй сівшити собаку.

— Внимание, внимание! — проговорил Мистер Питерс, направляя рефлектор сквозь окно на ту сторону улицы.

Однако, вряд ли стоило призывать зрителей к вниманию — ибо и без того никто не отрывал взглядов от улицы. Как раз напротив окна, на той стороне улицы, висела большая афиша городского театра. Она немного отклеилась, и ее концы свободно качались под дуновением ветра. К афише приближался высокий крепкий мужчина с портфелем в левой руке. Он шел уверенно размашистой походкой, — как ходит уверенный в себе и безусловной необходимости своего существования на свете управделами какого-нибудь треста. Вот он непринужденным движением поднял руку и покрутил ус, увидев в нескольких шагах от себя хорошо одетую гражданку с маленькой собачкой на цепочке. Расстояние между мужчиной с портфелем и гражданкой уменьшалось. Вот их уже отделяла только афиша. Собачка бежала впереди гражданки.

— Внимание! — произнес громко еще раз Мистер Питерс.

И, внезапно, мужчина с портфелем остановился. Он остановился, словно его кто толкнул в грудь. Он отпрянул назад и удивленно посмотрел перед собой. Он ничего не понимал. Кто толкнул его?..

Не менее внезапно остановилась и дама. Ее собачка все еще тянула ее вперед, изо всех сил натягивая тонкую цепочку. Но гражданка словно оперлась грудью на какую-то невидимую преграду. Лицо ее покраснело, рот недоумённо раскрылся. Гражданка испуганно дергала цепочку к себе и махала руками:

— Джимми, назад... Джимми!

Мужчина с портфелем попытался еще раз подойти к гражданке, успокоить ее, помочь ей остановить собаку. Он поднял ногу, чтобы сделать шаг вперед и снова отклонился назад.

На лице его отобразилось окончательное недоумение. Непонимающими глазами, беспомощно, вмиг утратив всю свою важность, — мужчина с портфелем смотрел на гражданку, та продолжала топтаться на месте, пытаясь оттянуть назад свою собаку. Возле них остановилось еще несколько людей — удивленных невероятным событием. Уже слышались крики:

— И что это, снится, что ли?

— А вы попробуйте, может, пройдёте...

— Какое-то чудо Господне, как будто ангел встал с мечом...

С середины улицы уже приближался милиционер. Он шел уверенной походкой хозяина улицы, которому должны подчиняться все — от пешехода до самого роскошного автомобиля.

Академик Антохин вздохнул:

— Невероятно... электрическое поле такой мощности!

— Как видите, Иван Петрович, — весело отозвался Мистер Питерс, старательно поправляя рефлектор.

Остальные профессора молчала, внимательно глядя в окно.

Милиционер спокойно приблизился к небольшой толпе, откуда доносились возгласы удивления.

— Что случилось, граждане?.. — спросил он вежливым, но ледяным голосом.

— Вот сейчас добавит «разойдитесь», — прошептал Роме Олесь, пряча улыбку.

— Что случилось, граждане? — повторил милиционер. — Ну-ка, прошу, разойдитесь, не мешайте движению.

Рома прыснул смехом, услышав, как исполнилось предсказание Олесья, но сразу же остановился. Потому что на него уставился злобным взглядом сам профессор Терещенко.

— Тише, прошу, — прошипел он, — вы мешаете, товарищ!

А на улице происходило следующее. Мужчина с портфелем стал подробно объяснять милиционеру, что именно случилось, и почему он лишен возможности выполнить распоряжение хозяина улицы и «разойтись»: ведь его путь вдоль улицы почему-то закрыт, так же, как и путь гражданки, которая шла ему навстречу. Гражданка же только кивала головой, подтверждая слова мужчины с портфелем, и тянула к себе собаку, которой, очевидно, очень понравились ступеньки у ног мужчины с портфелем.

Милиционер скептически посмотрел на обоих: он отнюдь не склонен был верить в чудеса. Его зоркий обзор упал на собаку.

— Вот вы говорите, что пройти здесь не можете, — сказал он иронично, — а как же тогда ваша собака прошла?..

Мужчина с портфелем смутился: действительно, объяснение выходило глупым. Собака прошла, а человек не может! Однако, повторять еще раз он не хотел.

— Не знаю, товарищ милиционер, собака действительно прошла. А вот попробуйте вы, — поклонился он.

Именно в этот момент послышался вопль. Это академик Антохин, забыв про осторожность, забыв о излучении, что проходи-

ло мимо его головы сквозь окно, подвинулся в окне на середину. И сразу же действие лучей дало себя почувствовать. Прядь, седа прядь волос академика Антохина вдруг почернела. Ухо под ней покраснело — и академик отпрянул назад, на середину лаборатории, держась за обожжённую сторону лица.

Мистер Питерс быстро повернул рефлектор слева:

— Иван Петрович, простите...

— Вы не виноваты, товарищ, не виноваты, — бормотал академик, растирая красное ухо, — это я сам, я сам...

А милиционер, тем временем, спокойно пошел вперед. На него остолбенело смотрели и человек с портфелем, и гражданка с собакой, и вся толпа. Потому что милиционер спокойно прошел от мужчины с портфелем до гражданки, повернулся, прошел назад, прочитав еще и текст афиши. А вернувшись, он сказал презрительно:

— Я же просил разойтись, граждане. Совершенно нечего было останавливать движение. Вам пригрезилось. Проходите, проходите!..

Он пошел назад, на середину улицы. Мужчина с портфелем, механически переступая с ноги на ногу, пошел вперед. Гражданка с собакой тоже пошла ему навстречу, беспомощно оглядываясь на странное место тротуара. Понемногу разошлись и все свидетели чудесного события — все, кроме тех, что наблюдали это событие из окон лаборатории института. Эти наблюдатели по-разному реагировали на эксперимент. Академик Антохин потирал руки и повторял:

— Такой мощности, а?.. Такой мощности...

Профессора сдержанно гудели, как смущенные пчелы. Сам Андрей Антонович, знаменитый Андрей Антонович с шваброй в руках, был удивлен крайне. Такого он не видел еще за всю свою жизнь....

Рома наклонился к Олесю и спросил его:

— Слушай, я только вот чего не понимаю...

— Ну?

— Да ты не нукай, ты лучше выслушай. Почему это маленькая собачка на цепочке смогла пробежать зону облучения — и лучи ее не остановили? Вот странно, словно бы она в броне какой-то была...

Олесь пожал плечами:

— Черти её знают... Я вообще мало сейчас понимаю.

Он не закончил фразы, потому что кто-то ласково взял его за ухо. Олесь порывисто повернулся. Это был академик Антохин. Он улыбался, он слышал диалог между Ромой и Олесем. Рома покраснел:

— Кхе... не совсем понятно, Иван Петрович...

— Это вы просто не додумали, — сказал Антохин, улыбаясь еще веселее. — Видите, совсем необязательно искать для выяснения простых вещей самые сложные мотивы. Собака свободно прошла не потому, что имела какой-то странный панцирь или что-то еще. Она свободно прошла только потому, что очень маленькая и оказалась в тени. Так низко на тротуаре лучи не доставали, их влияние начиналось выше. Вот и все.

И он отошел в сторону, оставив приятелей. Им хорошо видно теперь было его поджаренное ухо и сожженную прядь волос. Кто-то толкнул Рома в сторону.

— Товарищ Рома, — прошептал, старательно выговаривая слова своим беззубым ртом, Андрей Антонович, — товарищ Рома. Как это так получилось, что вы покрасили волосы Ивану Петровичу?

— Спросите, Андрей Антонович, у самого Мистера Питерса, я не знаю, — ответил Рома.

Андрей Антонович недовольно мотнул головой. Он хотел спросить еще что-то, но услышал голос академика Антохина.

А этого было достаточно, чтобы Андрей Антонович замолчал окончательно: разве можно было мешать уважаемому Ивану Петровичу?

Академик Антохин остановился, тем временем, у генератора, любовно погладил его большую медную катушку своими тонкими пальцами, поглядел на слушателей и заговорил:

— Я не считаю нужным проводить дальнейшие эксперименты произвольного типа. Мне кажется, что мы имеем дело с весьма важным явлением. Это явление, по моему мнению, действительно совершит революцию в науке.

Вновь послышался шум: это заворчали профессора, услышав такое категорическое утверждение академика Антохина.

— Да, совершит революцию в науке, — повторил еще громче Иван Петрович. — И не так следует проводить его испытания. Мы не дети, нам не пристало баловаться, останавливая пешеходов или

обжигая пальцы уважаемого профессора Терещенко, или... даже мое собственное ухо, — засмеялся академик собственной шутке.

Мистер Питерс почесался. Он хотел напомнить академику Антохину, что профессор Терещенко сам требовал обучения пальца. Что же до ушей Ивана Петровича? А в этом случае был виноват исключительно сам академик, ибо — кто же просил его лезть под лучи?.. Однако, объяснять все это не было времени, потому что Иван Петрович уже говорил дальше:

— Я хочу еще раз напомнить вам, что ультракороткие волны, в частности, такой чрезвычайно высокой частоты, какую нам продемонстрировали здесь, — почти совсем неизученное явление. Наука до сих пор успела поднять лишь краешек завесы, которая покрывает тайной эту чрезвычайно интересную и важную область электротехники. Что мы знаем об ультракоротких волнах вообще?.. Чрезвычайно мало. Напомню вам.

Академик Антохин оперся поудобнее о генератор. Рома প্রশপতাল Олесю:

— Ну, держись, академик поговорить хочет...

— Тише, тише, — откликнулся Олесь, — погоди, он слышит все равно, как микрофон, молчи...

Действительно, Иван Петрович посмотрел на Олеся и Рому. Рома почувствовал, как бешено застучало его сердце. Но академик не сказал ничего. Он погладил себя по седым прядям и продолжал:

— Ну, о значении ультракоротких волн для связи я ничего не скажу вам, ибо вы все хорошо знаете это. О том, что именно ультракороткие волны словно предназначены природой для телевидения — так же говорить не буду. Подчеркну лишь, что, по моему мнению, только ультракороткие волны решат окончательно проблему телевидения — так же, как и проблему тесноты «жилплощади» в эфире для общего радиовещания. Однако — все это вполне понятно.

Я хочу остановить ваше внимание на другом, а именно на биологическом влиянии ультракоротких волн. На влиянии ультракоротких волн на живых существ...

Невольно академик Антохин почесал обожженное ухо. Он посмотрел в сторону и увидел, как профессор Терещенко растирает себе палец. Академик весело усмехнулся:

— Кое-кто из присутствующих (в том числе и я лично) уже имел возможность убедиться на собственном опыте, как эффективно воздействуют ультракороткие волны на части их организма... Мое, скажем, ухо, так же, как и палец моего коллеги, профессора Терещенко, — наглядные доказательства такого эффективно воздействия на коротком расстоянии. Однако (и это очень важно) — мы и до сих пор еще не знаем, как следует, механизма и окончательных последствий такого влияния. Простите, не только такого, но и того влияния, которое давали до сих пор старые, известные, маломощные генераторы. Является ли это тепловое явление, так сказать, механическим?.. Или к нему примешиваются другие принципиально виды влияний и действий?.. Этого мы еще не знаем. Не знаем мы также и того, какими путями пойдет развитие живого существа под регулярным воздействием ультракоротких волн — в частности, этих, невероятно, я бы сказал, коротких...

Иван Петрович вновь улыбнулся.

— Чтобы не задерживать вашего внимания, товарищи, перейду сразу же к моим выводам. Я считаю нужным организовать широкие исследования над живыми животными, мы будем облучать их с помощью этого нового генератора. Конечно, это отнюдь не исключает возможности проводить и другие опыты; однако, на первое место мы поставим облучение живых существ и зерна. Для этого я, от имени института приглашаю всю бригаду наших молодых научных работников...

Академик Антохин сделал небольшую многозначительную паузу, оглядывая присутствующих.

— Да, бригаду наших молодых научных работников, — перейти для опытов, вместе с этим замечательным генератором, в наш институтский совхоз «Победа». Там уже есть неплохая лаборатория, и там к их услугам будут: большой крольчатник, большая молочная ферма, развернутое птицеводческое хозяйство, большое количество зерна. Кстати, мы уже решили следующую посевную кампанию в нашем совхозе провести исключительно облученным зерном. Итак, прежде всего, надо будет облучить зерно, чтобы помочь совхозу выполнить программу посевных работ. Что скажете, наши молодые друзья?

Мистер Питерс посмотрел своих товарищей. Рая смотрела на него с готовностью, Рома сиял от радости. Даже Олесь улыбался: такой простор для опытов!

— Уважаемый Иван Петрович, ваше предложение... — начал Мистер Питерс, но сразу же бросил торжественный тон. — Да конечно, мы только рады такой замечательной мысли. Хоть завтра поедем. Правда, а, ребята?..

— Едем! — единодушно откликнулись все.

— Очень рад, очень, — ответил академик Антохин, — вижу, что мы уже обо всём условились. А теперь я пойду, с вашего позволения, все же смажу свое ухо вазелином. Советую сделать это же и профессору с его пальцем, — он поклонился профессору Терещенко.

А когда академик Антохин уже совсем выходил из комнаты, к нему, вопреки всем институтским традициям, подошел Андрей Антонович. Он приблизился к академику и остановился, цепко держа свою неизменную швабру. Академик посмотрел на сторожа:

— Что такое, Андрей Антонович? — спросил он удивленно. — Что случилось?..

Андрей Антонович с мольбой посмотрел на академика:

— Я, Иван Петрович, с просьбой к вам... большую просьбу имею.

— Прошу, прошу, Андрей Антонович. Что такое?

— Вот, ребята в совхоз поедут, работать...

— Ну?

— Так вот и я с ними хочу поехать... в отпуск, или как там...

Академик удивленно посматривал на сторожа:

— Зачем, Андрей Антонович? Не лучше ли вам куда-нибудь в дом отдыха?.. Ну, например, мы вас можем на курорт отправить... в Крым...

Андрей Антонович решительно покрутил головой:

— Нет, Иван Петрович. Такая у меня к вам просьба... позвольте с ребятами. Дело там у меня есть одно...

— Какое?

Но Андрей Антонович уже замолчал. Такая длинная беседа была для него слишком непривычной и тяжелой. Академик взглянул на него еще раз и махнул рукой:

— Ладно, езжайте в совхоз, Андрей Антонович!

6. ЕСЛИ БЫ ОЛЕСЬ ЗНАЛ...

Одного большого грузовика хватило на всех — и даже на дополнительный чемоданчик Раи, которой, конечно, никак не могло хватить общей нормы. Норма нагрузки не превышала одного чемодана на человека, однако, никто не стал с этим спорить. Ведь Рая, вполне логично, записала дополнительный чемодан на счет Андрея Антоновича, который брал с собой только маленькую корзинку.

А впрочем, все это казалось мелочью рядом с проблемой перевозки самого генератора. Тут крылась настоящая опасность. Не говоря уже о возможности разбить драгоценные лампы в генераторе, — никто не мог гарантировать, что генератор после его сборки в совхозе начнет работать так же безупречно, как работал он до сих пор в институтской лаборатории.

— Ты только пойми, андерстенд-ю, какая это сложная штука — ультракоротковолновый контур, — бормотал Мистер Питерс, разбирая на отдельные части генератор. — Ну вот, я и разобрал всё. Ладно. Теперь, приехав, надо будет собрать. А вдруг, какая-нибудь ерунда изменится...

— Какая?.. — раскрыл глаза Рома.

— Какая хочешь. Вот, например, — и Мистер Питерс показал на медный стержень, который именно в этот момент он откручивал с шасси.

Рома недоверчиво посмотрел на стержень.

— Чтобы эта побрякушка изменилась?.. — протянул он голосом, полным сомнения. — Ну, знаешь, для этого надо этот стержень, я думаю, умышленно молотком бить... И не раз, а долго.

Мистер Питерс вспыхнул:

— И когда только я научу тебя, несчастного, понимать что-то в таких деликатных вопросах, как ультракороткие волны... Фуул, честное слово, фуул!

Рома только посмотрел укоризненно; это слово он помнил достаточно хорошо.

— Чем ругаться, хороший человек объяснил бы, — проговорил он, качая головой.

— Слушай, несчастный. Может оказаться, что определенная часть эффекта моего генератора зависит от того, что этот стер-

жень именно так, а не иначе покрыт тоненьким слоем зеленого окисла. Ты же хорошо знаешь, как идут токи высокой частоты?.. А, может, для моей частоты именно и нужен этот слой? И, если я его сниму, эффект будет уже другой? А, может, наоборот, от влаги слой этот увеличится — и опять-таки изменит сопротивление стержня... Разве я знаю?

— Хотел бы я знать, чего ты требуешь от него, когда и сам этого, как следует, не знаешь? — язвительно спросил Олесь, который, войдя, прислушался к разговору.

— А, и ты здесь, землеройка, — отозвался Мистер Питерс. — Не приставай, пожалуйста, потому что могу обругать.

— Прошу, прошу, кстати, вот еще один слушатель подошел. Ты, давай, крепче ругайся, — рассмеялся Олесь, видя, как входит в комнату Рая.

Не замечая, как сжал зубы Мистер Питерс, Рая обратилась к Рома:

— Вы, не видели, Рома, моей киски?..

— Зачем она вам? Ведь же мы сейчас поедем? — искренне удивился Рома.

— Она поедет со мной в совхоз. Я так привыкла к ней...

... Так получилось, что грузовой автомобиль привез в большой институтский совхоз «Победа», вместе с разобранным мощным генератором, еще и шесть живых существ разного возраста, пола и настроений. Мрачного, строгого Мистера Питерса с трубкой во рту; длиннущего Рома, который всю дорогу шутил, будучи очень рад тому, что рядом с ним сидела самая очаровательная в мире девушка; серьезного, загорелого Олесья, который, наоборот, совсем даже не замечал присутствия одной из представительниц той половины человеческого рода, которая считает вероломную измену в любви вполне нормальным явлением; наконец, саму причину и источник многих недоразумений, что держала в своих чудесных ручках большую сытую кошку с пушистой блестящей шерстью. И, чтобы закончить наше коротенькое описание, вспомним еще про неизменного Андрея Антоновича, который, несмотря на замечательное время года, на ослепительное горячее солнце, приехал в совхоз в большой меховой шапке.

Вот таких гостей увидел перед собой, выйдя навстречу грузовику, Даниил Яковлевич Сидорин, директор совхоза «Победа».

Они вылезали из автомобиля по одному, поглядывая на совхозные здания и любясь сельскими пейзажами. Только один из гостей, крепкий мужчина с трубкой во рту, не смотрел ни на что, кроме деревянных ящиков, которые снимали с грузовика рабочие.

— Полегче, полегче, — покрикивал он, — осторожнее!

— Так, — проговорил Даниил Яковлевич, — так. Приехали, значит. А кто же у вас тут, товарищи, самый главный? Бригадир, или как там?

Рая указала ему на Мистера Питерса, который наконец слез и сам с грузовика.

— Так, — повторил Даниил Яковлевич, — так. Значит, ты и есть бригадир? Ладно. Это, значит, о тебе писал мне Иван Петрович?

Иван Петрович? Академик Антохин? Достаточно было вспомнить эту фамилию, чтобы заинтересовались сразу все — от Андрея Антоновича до самого Мистера Питерса, который повернулся к директору и спросил:

— Что же он написал?

— Чтобы помочь вам. Отдать вам лабораторию и устроить всё. А вы, мол, будете работать здесь. Ну, а я, как директор совхоза, буду помогать вам. Зовут меня Даниил Яковлевич, будем знакомы.

И директор искренне пожал руки всем прибывшим. Взгляд его на мгновение остановился на кошке, которую держала Рая.

— Хорошая кошка, добрая, — сказал он, — у нас таких нет. Ну что же, и ей работа найдется. Крыс у нас, знаете ли, много. Просто с ног сбивают, такая прорва.

— Потравить надо, — откликнулся Олесь.

— Травили, травили... а их всё много. Ну, ничего. Вот, ваша кошка еще поможет... если ей самой крысы хвоста не отгрызут... нет, нет, я пошутил, честное слово, пошутил, товарищ, — поспешил он успокоить Раю, которая уже посмотрела на него злыми глазами, — пойдите в дом, я покажу вам лабораторию.

Лаборатория была совсем даже неплохая. Даже сам Мистер Питерс признал, что она мало чем отличалась от институтской.

Сюда сразу же перенесли ящики с генератором — и вся бригада немедленно приступила к работе. Хватало чего делать даже Андрею Антоновичу. Он вычистил шкафы в лаборатории, выслал их свежими, чистыми листами бумаги. Но, еще перед этим, Ан-

дрей Антонович снял свою меховую шапку, положил ее на подоконник, старательно причесал свои длинные седые пряди, которые окружали его лысую и блестящую голову, посмотрел в ту сторону, где Мистер Питерс собирал генератор — и многозначительно произнес:

— Ну, вот и начинается дело. Поглядим, поглядим...

Он погладил рукой лысину (хотя каждый согласился бы, что там совсем нечего было приглаживать) — и только потом приступил к уборке.

Опасения Мистера Питерса были напрасны, сборка генератора прошла без проблем. Генератор словно дал обещание всё время работать безупречно. И, после первого испытания, Мистер Питерс решился даже пригласить на «открытие генератора» директора Даниила Яковлевича. Но, хоть обстоятельства и были столь торжественные, это «открытие» прошло совсем не так, как задумывалось. Просто — Мистер Питерс нажал рубильника, вспыхнула фиолетовым светом лампа; через полминуты, когда генератор стабилизировался, с его медной дуги, этой своеобразной антенны сорвались первые длинные фиолетовые искры. В воздухе запахло озоном. Генератор заработал.

Директор, Даниил Яковлевич, внимательно и с уважением посмотрел на генератор, проследил глазами за фиолетовыми искрами, понюхал немного боязно воздух с незнакомым запахом озона. Потом вынул из кармана кисет с табаком, скрутил сигарету, зажег ее и спросил:

— Как я вижу, ваша машинка работает. Иван Петрович мне про нее такое писал, что я и не знаю...

— Можем показать, Даниил Яковлевич, — засмеялся Олесь, — по вашему желанию можем вам тут мяса поджарить, или, скажем, пальцы прижечь... Одному профессору, знаете, так прижигали, ай-яй...

Но это не произвело впечатления на Даниила Яковлевича. Он покрутил в руке сигарету, еще раз посмотрел на генератор и ответил:

— Ты мне, приятель, такие штуки не показывай, они мне ни к чему. У меня другие заботы, мне фокусов-покусов не надо. Вот Иван Петрович писал, что ваша машинка должна всё наше зерно для посевной просветить. Я, правда, не знаю, что получится, но очень-то доверяю. Как-то оно...

И он покрутил в воздухе пальцами, дополняя тем незаконченную мысль. Этого было достаточно. Мистер Питерс, который до этого момента слушал не очень внимательно шутивную беседу, повернулся к директору. Глаза его заблестели, брови сошлись. Это были грозные признаки.

— Так вы говорите, что не очень доверяете, товарищ директор? А? Что вы хотели сказать этим вашим «как-то оно...»? — начал Мистер Питерс. — И вы знаете, что осмеливаетесь брать под сомнение, а?

Он надвигался на директора. Его рука с трубкой описывала в воздухе широкие круги. Даниил Яковлевич немного отступил:

— И не то, чтобы совсем, но...

— Э, нет, простите, — наседавал Мистер Питерс, — на каком основании вы осмелились такое говорить? И знаете ли вы, что опыты по облучению зерна ультракороткими волнами начались уже несколько лет назад? Знаете ли вы, каких результатов уже успели достичь ученые? А знаете, что еще в 1930 году берлинский профессор Гильдебрандт проводил такие опыты? Вы знаете, чего он достиг еще тогда?

— Да подожди ты, подожди, — пробормотал Даниил Яковлевич, отступая еще дальше.

Но разъяренного Мистера Питерса невозможно было остановить. Он размахивал обеими руками и выкрикивал:

— Этот профессор Гильдебрандт облучал семена простыми дециметровыми волнами, всего-то от одного метра до тридцати сантиметров длиной. Это же ерунда, по сравнению с нашими миллиметровыми волнами, понимаете? И знаете, чего он достиг?.. Семена обыкновенной месячной редьки, которые он облучал всего лишь пятнадцать секунд, уже через две недели дали плоды. А от обычного семени никогда не удавалось получить плоды раньше, чем за четыре, понимаете, че-ты-ре недели. Вот как. Вдвое быстрее. Вдвое, а?

— Да я же... — попытался вновь оправдаться Даниил Яковлевич.

— Нет, нет, это далеко не все. Другие опыты дали еще лучшие результаты. Семена подсолнечника, облучаемые так же, в течение всего лишь пятнадцати секунд, выросли, дали большое растение, которое дало плоды, — в течение всего шести недель. Понимаете? Подсолнух из семян за шесть недель? Вы можете такое сделать?..

Мистер Питерс гневно остановился. Даниил Яковлевич использовал эту паузу:

— Конечно же нет, я не могу. Голубчик мой, я же никогда не говорил, что я против твоих волн. Я вполне за. И руками, и ногами. Облучай, спасибо тебе скажу. Я только...

— Подождите, — строго прервал его Мистер Питерс, — я забыл еще про один случай. Вот, скажем, тыквенные семечки. Сколько времени тыква у вас здесь растет, созревает, дает плод?.. Целые месяцы, не так ли?

— Да, — согласился Даниил Яковлевич.

— А облучённое ультракороткими волнами семя растет, созревает и дает тыквы диаметром аж сорок сантиметров! Понимаете? Тыква диаметром около полуметра.

— Да и у нас бывают такие, даже еще больше...

— И за какое время? За месяцы. А здесь всего за шесть недель. Я же сказал.

— Не сказал ты... то есть, нет, всё сказал, всё, — смутился Даниил Яковлевич, заметив, как снова нахмурился Мистер Питерс.

Даниил Яковлевич даже махнул рукой на него. Он отошел в сторону, к столу, где Рома и Рая раскладывали кассеты и другие приборы, посмотрел на них, почесал затылок и сказал, осторожно оглядываясь на Мистера Питерса:

— Горячий он у вас... этот, как его... пылкий какой-то...

Рома усмехнулся, вспомнив о бесконечных «фуули», которые он ежедневно получал от Мистера Питерса. А Рая гордо ответила:

— Но ведь он прав. Знаете, Даниил Яковлевич, ультракороткие волны — это такое странное явление. Вот, например...

— Э, нет, простите, мне пора идти, — испугался Даниил Яковлевич, поспешно выходя из лаборатории, — вы здесь по очереди будете читать мне лекции, а у меня есть еще другие дела. Вы лучше начинайте зерно облучать, время не ждет...

И он вышел под звуки веселого смеха. Улыбнулся Мистер Питерс. Но сразу же он вновь посерьезнел. На минуту он задумался, потом решительно выключил генератор и повернулся к товарищам:

— А ну, плиз, прошу сюда на небольшое совещание. Оунли-файф-миньют, всего пять минут. Надо точно установить, кто из нас что будет делать здесь.

Все посмотрели на него с удивлением: как так установить? Ведь и так хорошо известно, кто какую имел профессию? Однако, Мистер Питерс стал говорить дальше:

— По моему мнению, я правильно понимаю Ивана Петровича. Самое главное из тех задач, которые мы сейчас имеем, это облупить зерно. Олесь должен начать это делать прямо сейчас. Перед ним много работы. А впрочем, один он не успеет всё сделать. Мы, по очереди, будем помогать ему. Остальные работы пока что пойдут во вторую очередь.

— Мои кролики во вторую очередь? — удивленно и жалобно произнесла Рая, наклоня голову.

— Мои продукты... во вторую очередь? — переспросил Рома.

— Да, во вторую. А так же куры, и яйца, и коровы, и всякий другой скот, другие животные. Прежде всего — зерно. Этого требуют производственные планы совхоза, требуют потребности поселка. Как бригадир, я напоминаю вам об этом. Пока что все. Олесь приступит к работе сегодня же. А я пошел поговорить с директором. Рома, ты, видимо, пойдешь со мной. Вам, Рая, я советовал бы ознакомиться со здешними условиями, в которых находится скот. А Олесь будет готовиться. Пошли.

Странно, но никто и не подумал удивиться по поводу того, что Мистер Питерс неожиданно взял на себя функции распределителя работ и главного начальника. Может, произошло это потому, что такое состояние дел было обусловлено всеми предыдущими событиями. Кому же, действительно, как не уважаемому изобретателю и конструктору нового генератора, и следовало взять на себя такие права?..

Важно вышагивал Мистер Питерс по двору в сопровождении Ромы. Они шли молча, невольно поглядывая по сторонам. Точно ли действительно интересовался чем-то гордый Мистер Питерс — неизвестно; однако, Рома с интересом осматривал совхозные постройки, сельскохозяйственный инвентарь и машины, которые они встречали на своем пути. Рома не очень-то часто бывал на селе. Главный продукт сельского хозяйства, который хорошо знал и любил Рома (кроме свежего и душистого хлеба, конечно), была сметана. И вот, теперь Рома с особым интересом поглядывал на больших красивых коров, возвращавшихся с пастбища и солидно переступавших с ноги на ногу, неся полное густого молока вымя.

— Хорошие коровки, добрые... — начал Рома.

Но, посмотрев на Мистера Питерса, сразу замолчал, потому что тот смотрел совсем в противоположную сторону. Проследив за его взглядом, Рома увидел, как возле одного из домов прошла невысокая девушка в красном платье и белой повязке на голове. Девушка шла медленно. Она несла в руках маленького желтого пушистого цыпленка, с любовью поглаживая его, словно успокаивая. Из-под белой косынки выбивались черные блестящие волосы.

— Ага, — пробормотал Рома, — так вот о чём задумался уважаемый Мистер Питерс. Понимаю, понимаю, — и он иронично улыбнулся.

А когда девушка повернула к ним свое лицо — ироническая улыбка сбежала с лица Ромы. Рот его оставался открытым, и только глаза растерянно моргали. Потому что действительно здесь было на что посмотреть...

Как описывать женскую красоту? Какие краски для этого надо иметь, какое перо и какие чернила?..

Скажем просто: это была девушка несравненная. Черные блестящие волосы идеально дополняли правильной формы лицо загорелой, полнокровной и весёлой украинки. Простой тонкий нос стоял на своем месте, над красными губами, такими, что рядом с ними побледнели бы от зависти спелые черешни. И белые, ослепительно белые зубы, которые на миг показались, когда девушка, заметив ребят, быстро улыбнулась, сверкнула длинными и загнутыми вверх ресницами — и исчезла.

Да нет, разве удалось нам передать здесь хотя бы одну десятиллионную долю того, что увидели удивленные глаза Ромы возле одного из совхозных зданий?..

Рома остановился. Он стоял бы так неизвестно сколько времени, если бы не толкнул его под бок Мистер Питерс:

— Может, пойдем уже, Рома?..

Тяжелый вздох был ему ответом. Ах, зачем Рома увидел чернооую девушку?.. Зачем смутила она его чувства, в которых до сих пор царила лишь золотоволосая Рая?.. Рая, Рая, наверное, не чувствуете вы сейчас этого. Вы изучаете местные условия, вы знакомитесь с состоянием крольчатника... Разве же можно приравнять каких-то кроликов к Роме?.. Ведь даже просто на рост и вес: сколько кроликов можно было бы сделать из самого Ромы?..

Не чувствовала этого Рая, не чувствовал этого и соперник Ромы — Олесь, который уже облучал в лаборатории зерно.

Олесь усердно работал. Одна за другой, вокруг стенки, вдоль нее выстроились *чувалы* с зерном. Зерно из *чувалов* высыпалось на большой стол перед генератором. Золотой поток зерна покрывал деревянный стол. Сытое тяжелое зерно шуршало, рассыпаясь — и блестело странным светом под загадочным лучом генератора. Недолго длился сеанс просвечивания, всего тридцать секунд. Через тридцать секунд сильные руки рабочих снова ссыпали облученное зерно в *чувалы*. Оно было уже заметно тёплым; казалось, оно словно набухало, увеличивалось, словно просыпалось ото сна, и теперь уже вполне было готово к посеву.

Сколько раз брал в руки Олесь облученное зерно, пересыпал его с ладони на ладонь — и каждый раз ему казалось, что в его руках словно вибрирует скрытая под твердой оболочкой, но буйная жизнь. Зерно было теплое, от него слышался острый сладкий запах, и его невольно хотелось немедленно положить в землю, старательно укрыть мягким влажным черным одеялом рыхлого чернозема, чтобы поскорее увидеть эти бледно-зеленые ростки, острые кончики листьев долгожданного растения...

А, может, все это чувствовал Олесь лишь потому, что любил он бескрайнюю землю и все то, что от земли шло?.. Ведь не зря и профессию избрал он себе — агроном...

Так или иначе, Олесь работал с наслаждением. Полной грудью дышал он острыми сладкими ароматами горячего зерна, смешанными с не менее острым запахом озона, которым насыщен был воздух лаборатории. *Чувал* за *чувалом* проходил, рассыпаясь и вновь наполняясь, мимо генератора. Время шло совсем незаметно.

Вот в лабораторию заглянул Даниил Яковлевич, посмотрел на Олеся, на рабочих, на *чувалы*, потянул ноздрями воздух, покрутил головой:

— Вот и я понимаю, идет работа... да, да, будет дело... — И исчез.

Вот зашел Мистер Питерс с Ромой. Мистер Питерс посмотрел на генератор, проверил приборы, записал себе, что показывали измерительные аппараты, и тоже ушел. Заглянула Рая — но Олесь не обратил на это внимания. Он решил работать с зерном, не тратя времени ни минутки. Внимание Олеся привлек к себе только Ан-

дрей Антонович, который пришел в лабораторию совсем поздно ночью, когда Олесь уже отпускал рабочих.

Андрей Антонович внимательно проследил за тем, как выходили рабочие, и, очевидно, собирался что-то сказать Олесю. Однако, Олесь не склонен был к праздным разговорам. Он решил работать дальше сам, без помощи рабочих.

Андрей Антонович посмотрел, посмотрел, потом вздохнул, потер свою лысину рукой и отошел в сторону.

Именно и это заметил Олесь.

— Что такое, Андрей Антонович? Хотите что-то сказать? Так говорите, потому что я не могу оторваться от работы.

Андрей Антонович недовольно покачал головой:

— Так и будешь работать? А отдыхать когда?

— Нет времени, Андрею Антоновичу. Зерно не ждет, посевная вот-вот. А что вам надо-то от меня?

— Да нет, где там надо, когда ты как бешеный крутишься. Пойду я...

— А, может, скажете, Андрей Антонович?..

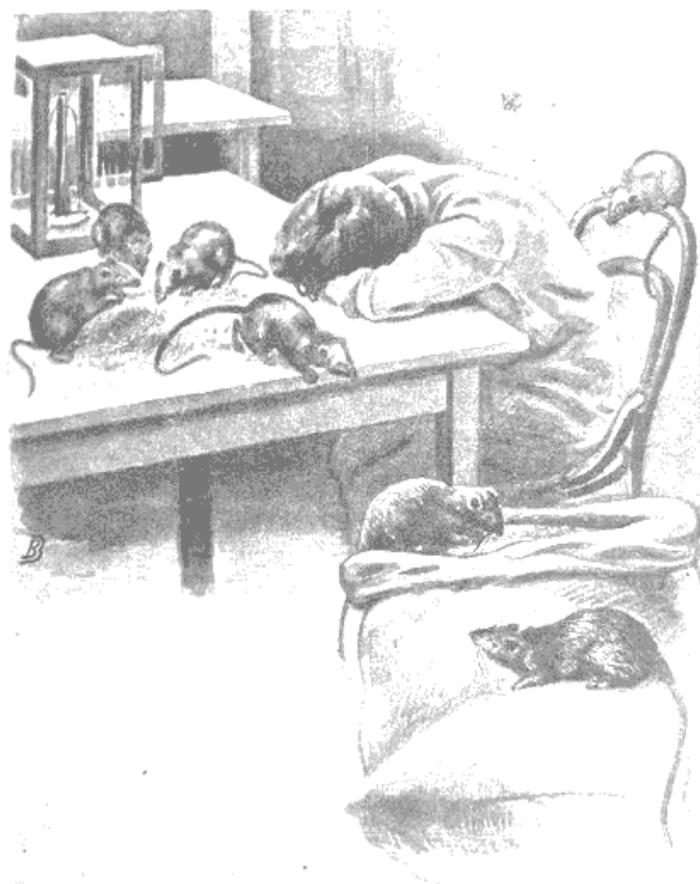
— Нет, не скажу. Бывай.

И Андрей Антонович ушел из лаборатории, — очевидно, чем-то очень недовольный. Однако, Олесю не было времени размышлять о причинах, которые заставили его интересоваться генератором; Олесь работал.

И лишь около полуночи Олесь почувствовал, как он устал. Руки были словно не его, тягуче ныли плечи. А впрочем, это не смущало Олесья. Он увидел, как разогрелся медный провод у главной генераторной лампы. Это был тот самый провод, который когда-то уже раплавил Рома.

Стержень сиял, раскаленный добела. Быстрым движением Олесь выключил генератор. Лампы погасли. Исчезло привычное шипение, в лаборатории стало удивительно тихо: ведь уши Олесья привыкли к этому шипению, и тишина показалась звенящей. Провод медленно остывал. Вот он стал вновь темный. Олесь с облегчением вздохнул: беда прошла стороной, не задев его. Что было бы, если бы Олесь испортил генератор сейчас, во время напряжённой работы?

Еще раз Олесь осмотрел обеспокоенным взглядом генератор. Казалось, все было в порядке. Однако, Олесь все-таки решил дать генератору ещё немного передохнуть.

Не чув він і хрумкіття зерна, що його ситіють де-які зерні-варини...

«Да и сам я отдохну минут с десять», — подумал Олесь. Он сел у стола, отодвинув в сторону облучённое зерно, положил на стол руки и склонил на них голову. Ах, как он устал!.. Голова лежала на руках, как свинцовая; глаза закрылись, и жаль было пытаться их раскрыть, потому что они словно склеились.

«Смешно: глаза склеились...»

Это было последнее, о чем подумал Олесь. Через несколько секунд он уже спал сладким и крепким сном крайне утомленного молодого человека. Можно было гарантировать, что он не проснулся бы даже от доброго пинка.

Тем более, не слышал он топот быстрых лап, что бегали вокруг него во всех направлениях. Не слышал он и звуков, которые издавали некие животные, которые бегали сначала по полу, а потом быстро забрались на стол. Животные эти радостно жрали вкусное теплое зерно. Они шевелили длинными усами, их становилось все больше и больше — словно первые из них подали сигнал остальным, которые оставались до того под полом.

Так, Олесь спал сладким сном в окружении крыс. Тех самых крыс, на которых жаловался директор Даниил Яковлевич:

— Крыс у нас море...

Крысы бегали мимо лица Олесья, почти касаясь своими длинными усами и хвостами его головы. Олесь спал.

Вот две крысы напали друг на друга. Они запищали — и вцепились друг в друга. Крысы дрались, вгрызаясь друг другу в спины. Шуршало зерно, которое они сбрасывали со стола. Наконец, одна крыса победила, вторая соскочила со стола и исчезла в норке. Первая победно понюхала воздух, пошевелила усами и принялась снова жрать зерно.

Олесь спал — и только один раз пошевелился, когда какая-то сытая крыса, вместо того, чтобы спрыгнуть сразу на пол, поленилась, спрыгнула ему на колени, и только потом скатилась на пол.

И только перед самым рассветом закончился крысиный пир. Розовые лучи утреннего солнца, робко заглянув сквозь окно в лабораторию, не увидел крыс. Крысы исчезли, нажравшись.

Положив голову среди разбросанного зерна, в лаборатории спал один Олесь. Если бы он знал, что он наделал!

Если бы он знал...

7. ЛЮБОВЬ И ГЕНЕРАТОР

Плохо спал в эту ночь Рома. Сердце его разрывалось на части. От любви. Его с неудержимой силой притягивала к себе черноглазая девушка в белой косынке. Черноглазая девушка улыбалась бедному Роме во сне — и таяло от той очаровательной улыбки его сердце. Но оставалась еще вторая часть чувства, вторая половина сердца. И здесь царила золотоволосая Рая. Разве мог Рома так быстро выбросить ее из своего сердца?..

И если таяло от наслаждения одной своей половиной Ромино сердце под теплыми лучами чарующей улыбки черноглазой красавицы, — вторую половину словно морозили льдом. Рома просто прямо перед собой видел презрительную улыбку Раи — той Раи, которую он почти предал.

А под утро, когда так приятно снятся последние сны, когда страшно даже подумать о необходимости встать, одеться и попрощаться с золотыми снами, — утром, повторяем, Рома услышал знакомый голос Андрея Антоновича, который будил его:

— Вставай, вставай, хватит уже. Приказали, чтобы ты вставал.

— Кто приказал?..

— Кто надо, тот и приказал.

— Скажи, кто, или не встану.

— Бригадир твой. Сердится, ругается...

Ничего не поделаешь. Роме пришлось встать. Кстати, было уже совсем не рано, и когда Рома сел на кровати, его голову окутал ослепительный солнечный луч. Андрей Антонович скептически смотрел на него.

— Чего смотрите, Андрей Антонович? — спросил Рома полусонным еще голосом. — Ведь когда вы были молодым, так же, видимо, вам не хотелось вставать...

Удивительно, но на этот раз Андрей Антонович не ограничился незатейливой шуткой, как всегда. Наоборот, он широко улыбнулся, сел около удивленного Ромы и, поглаживая лысину, заговорил:

— Просьба у меня есть к тебе. Попросил бы вашего бригадира, да сердитый он какой-то. Девочку вашу просить неудобно, не ее это дело. А Олесь, видимо, сегодня весь день будет спать.

— Почему?

— Работал допоздна. Я к нему зашел — куда там... Только знает, что зерно переворачивать... Вот, я к тебе пришёл. Слушай, тут такое дело...

Он еще раз погладил лысину и пряди волос вокруг нее. Голос его зазвучал очень таинственно:

— Облучи ты мне ее...

— Кого? — крайне удивился Рома.

— Её... — Андрей Антонович выразительно погладил лысину.

Рома широко раскрыл глаза:

— Лысину?.. Но зачем?

Андрей Антонович хитро улыбнулся:

— Хе, знаю, знаю... Ивану Петровичу облучили волосы — они цвет изменили. Раз. Правда же?

— М-да, — согласился Рома.

— Я же и говорю — раз. Кошку просветили — пушистой стала, да? Даже там, где шерсть была вырвана, даже там новая выросла. Правда?

— И это правда, но...

— Ну, облучи, я же тебя прошу. Я тебе еще скажу, я же специально для этого сюда поехал. Чтобы моя старуха не говорила мне больше, что я лысый дед...

Рома еле сдерживался, чтобы не рассмеяться — такой смешной казалась ему мысль об облучении лысины Андрея Антоновича. Однако, старик так просил, его глаза так ласково смотрели, что Рома, в конце концов, согласился:

— Ну, ладно, Андрей Антонович. Только, понимаете, что это надо делать, чтобы наши не знали. Вы приходите в лабораторию, когда я буду работать. Мы и сделаем. Но...

— Что такое? — засмутился Андрей Антонович.

— Я же не могу вам сказать, что из этого выйдет. Так, потом меня не ругайте, в случае чего...

Так возник таинственный заговор Ромы со старым Андреем Антоновичем. И никто из них даже подумать не мог, какие последствия даст в будущем этот полшутливый заговор. Однако, разве не бывает, что из какой-нибудь малости, на которую с первого взгляда и внимания обращать не стоит, — возникает, в итоге, не только что-то важное, а даже грандиозное, гигантское открытие?.. Разве не открыл гениальный Ньютон закон земного притя-

жения благодаря тому, что перед ним с дерева упало тяжелое спелое яблоко?.. Разве не изобрел великий Уатт паровую машину, наблюдая, как подпрыгивала на кипящем чайнике крышка, подбрасываемая паром?..

Конечно, нам могут возразить, что все это, так сказать, только внешние причины больших открытий и изобретений. Правильно, соглашаемся: перед тем, как Ньютон заметил свое яблоко, он собрал в своем мозгу все достижения науки того времени. Яблоко лишь заставило его подвести роскошное «все» в графе «достижения коллективного разума» в огромной бухгалтерской книге культуры человечества. Так же было и с Уаттом — жизнь двигается неустанно, и если бы в этой строке выпала из набора даже самая необходимая буква, наборщик просто заменил бы ее другой, такого же значения. За Уаттом уже шли Стефенсон, что поставил его паровую машину на рельсы, и Фультон, который поместил ее на судне. Предположим на мгновение, что Уатт умер ребенком: разве задержало бы развитие техники? Разве остановило бы это Стефенсона и Фультона?..

Нет. Нашелся бы кто-нибудь другой, кто изобрел бы паровую машину, возможно, с небольшой поправкой; этот «кто-нибудь», изобрел бы паровую машину, наблюдая уже не за чайником, а, допустим, за кипевшим котлом, накрытым крышкой. Однако, разве это не одно и то же?..

Так же и у нас. Мистеру Питерсу не пришла в голову лысина Андрея Антоновича. Не задумались о ней ни Олесь, ни Рома, ни Рая, ни даже сам Иван Петрович. Но начальный толчок все же возник — от самого Андрея Антоновича. И теперь, напрасно бы старались все силы природы задержать свободное развитие событий. Яблоко упало, крышка на чайнике начала подпрыгивать, Рома оделся и пошел в лабораторию, даже не представляя себе, какое гигантское яблоко он несет с собой, чтобы уронить его в нужную минуту возле генератора.

В лабораторию Рома зашел именно тогда, когда Мистер Питерс гневно рассматривал рассыпанное по полу зерно и прогрызенный крысами *чувал*. Заметив Рому, он повернулся к нему:

— Вот, пожалуйста. Плиз, посмотри. Крысы лакомились нашим облучённым зерном. Это просто черт знает что. Мало того, что мы разбрасываемся драгоценным научным материалом. Мало

того, что мы подкармливаем отвратительных животных. И ты знаешь, что из этого может выйти?

Рома пожал плечами:

— Не знаю, да меня это и не касается. Я здесь не работал.

— Должен знать. Исследования, которые проводились в Париже, наглядно доказали, что рост животного увеличивается, если его кормить облучённым кормом. Вот что. Животное становится крупнее. Понимаешь?

Рома рассмеялся:

— Выходит, крыс мы посадили на усиленное питание? Ну что же, надо и крысам побывать в санатории...

— Нечего смеяться. Из этого, знаешь...

Легкий стук в дверь заставил его остановиться.

— Кто там? Войдите, — откликнулся Рома.

Он посмотрел на дверь — и упал в обморок.

На пороге стояла черноглазая девушка в белой косынке. Правда, сегодня она была уже не в красном платье, а в белом с черными горохами, — и это отнюдь не уменьшало ее красоты. Девушка стояла на пороге, поглядывая то на Мистера Питерса, то на Рому. И что удивительно, хоть лицо её и было вполне себе спокойным и серьезным, каждый, взглянув в ее глаза, увидел бы, что где-то неглубоко в тех девичьих глазах запряталась веселая, задорная улыбка...

— Что... что вам надо?.. — заикаясь, спросил Рома.

— Меня к вам директор, Даниил Яковлевич послал. Он говорит, что вы собираетесь наш скот облучать. Так вот, с кем надо договариваться?

Девушка говорила вполне серьезно, однако из ее глаз вот-вот готова была выпрыгнуть улыбка.

Рома вздохнул:

— Это... это мы занимаемся облучением. Мы... с этим вот товарищем, — показал он рукой на Мистера Питерса.

— Вы? — переспросила девушка, глядя на обоих. — Ладно. Так вот, мне надо знать, кто будет иметь дело с нашими коровами, когда их готовить и так далее.

— А это... это, значит, вы будете помогать нам облучать? — с надеждой спросил Рома.

— А хоть бы и я, разве это не всё равно?

— Що... що вам треба?... заїкаючись сонгав Рома.

Рома не выдержал. Он с мольбой подмигнул Мистеру Питерсу и ответил девушке:

— С коровами, знаете, я буду работать. Да, да, я. Очень рад с вами познакомиться. Мое имя — Рома. А ваше?

Улыбка все еще пряталась в глазах девушки, когда она сдержанно ответила:

— Меня зовут Анна. Очень приятно.

Рома поклонился, затем указал на Мистера Питерса:

— Это наш бригадир — товарищ Петр, а мы его называем Мистер Питерс. Это ничего, что он строгий, он очень хороший.

Мистер Питерс с удивлением посмотрел на Рому: чего это он так разошелся?.. Однако, он поклонился Анне и посмотрел на нее именно в ту секунду, когда она сказала:

— Очень приятно. Значит, я передам Татьяне, что с коровами будет работать товарищ Рома. А с курами?

— О... простите, какой Татьяне? — смутился Рома.

— Нашей заведующей молочным хозяйством.

— А... а вы, что же? — растерянно не унимался Рома.

— А я веду птицеводством. Я здесь на практике. Так кто же будет с курами?..

Вот теперь из глаз Анны прыснули лучики смеха — веселого и задорного. И каждому, кто видел эти глаза, хотелось в ту же минуту смеяться самому, такой замечательный был этот смех. Каждому, но не Роме, который растерянно смотрел на Анну, моргал и бормотал:

— Вы... вы с курами... а с коровами мне... облучать...

Наконец, он кинулся к Мистеру Питерсу:

— Слушай, я... я ошибся... я мечтал именно о работе с птицами... с курами...

Однако, Мистер Питерс безжалостно ответил:

— Может ты еще о чем-то мечтал, то это твое дело. А кур беру себе я, я же выполнил твою просьбу, насчет коров?.. Пойдем, товарищ Анна, посмотрим. Вы покажете мне, какие у вас здесь породы кур?

— Охотно.

И они вышли из лаборатории; Анна приветливо махнула Роме рукой, но он не успел даже ответить, потому что Мистер Питерс слишком быстро и плотно закрыл за собой и Анной дверь. Рома вздохнул:

— И чего только я такой несчастный?.. У людей, как у людей: они любят, их любят... И все идет, и все в порядке. А тут... Кто там?..

В дверях показалось желтое лицо Андрея Антоновича. Старик осмотрел лабораторию, убедился, что в ней, кроме Ромы, никого нет и, счастливо улыбаясь, вошел, старательно прикрывая дверь:

— Ну, вот, наконец, никто не помешает... голубчик мой, начинай!

Рома вновь вздохнул. Однако, обещание надо было выполнять. Андрей Антонович уже сел возле стола, сложил на животе руки и повернулся лысиной к генератору:

— Ты ее облучи как следует, — бормотал он, — чтобы взяло...

Рома не слушал его. Он автоматически включил генератор, подождал, пока не появились фиолетовые искры — и направил рефлектор на голову Андрея Антоновича. Тот пошевелился на стуле:

— Вот, вот... Слышу, теплеет...

— Да сидите уже, не шевелитесь. Потому что могу обжечь, — строго сказал Рома.

Он посматривал на стрелку часов, рассчитывая:

— Если мы зерно просвечивали слабым лучом тридцать секунд, то и голову надо просвечивать таким же лучами не дольше... черти его знают, как... а впрочем, пожалуй, сорока пяти секунд вполне хватит. Ладно, пусть будет сорок пять.

Часы мирно отсчитывали секунды. С шипением срывались с антенны искры. Вот уже тридцать секунд... тридцать три... Андрей Антонович проявил признаки беспокойства:

— Ой, как припекает...

И именно в этот момент Рома случайно взглянул в окно. Он увидел: по двору проходили Мистер Питерс и Анна, черноглазая красавица Анна. Они весело о чем-то разговаривали, смеялись. Видимо, Мистер Питерс сказал нечто очень остроумное, потому что Анна рассмеялась и махнула на него рукой. Но Мистер Питерс, вместо того, чтобы остановиться, подхватил Анну под руку и повел дальше. Рома с отчаянием покрутил головой:

«У всех, как следует... Вот Мистер Питерс уже ухаживает. А чего это он около Анны, а не я? Вот такое мое цыганское счастье...»

Почему именно «цыганское» — Рома не успел подумать. Потому что Андрей Антонович подпрыгнул, как мяч, и откатился к двери, схватившись за голову. Лицо его было красное, он кричал:

— И что, ты сжечь меня хочешь?.. Ой!..

Стрелка часов показала, что Рома немного увеличил срок облучения, увлекшись созерцанием в окно и собственными мыслями: просвечивание длилось больше минуты. Андрей Антонович пританцовывал на месте, горько стеная:

— Ой, сжег... ой, горе мое...

— Подождите, Андрей Антонович. Это не то... я... — растерялся Рома, подбегая к нему.

— Где там ждать... ой... обжег всю голову, ой!

Но Рома уже взял себя в руки. Он рассматривал лысину Андрея Антоновича так же спокойно и с таким же интересом, как осматривал бы любой другой облучаемый объект. Более того, не слушая Андрея Антоновича, Рома силой оттянул его руки в стороны, присматриваясь к обожжённой коже. Вот, Рома осмотрел голову, — и, наконец, усмехнулся:

— Андрей Антонович, не ругайтесь. Все в порядке.

— Как так в порядке, охламон ты эдакий?

— Даже больше, чем просто в порядке, — продолжал Рома, — подойдите к зеркалу, посмотрите.

Заложив руки в карманы, Рома надменно смотрел, как Андрей Антонович, охая и стеная, подошел к зеркалу; как он присматривался к своему отображению в зеркале, поворачиваясь то направо, то налево. Удивительно, но Андрей Антонович уже не стонал.

В зеркале ярко видно было, как потемнели длинные пряди этого седых волос, что свисали с лысины. Да и лысина потеряла цвет желтоватой слоновой кости, она покоричневела. Даже не притрагиваясь к ней рукой, можно было заметить, что кожа покрылась мягким нежным пушком. Это было что-то вроде наинягчайшей шерстки молодого кролика. Коричневый пушок укрыл сплошь всю лысину, он пробивался даже между старыми волосами, придавая лысине странный вид.

Рома гордо кашлянул:

— Гм... а вы еще ругались, Андрей Антонович!

Старик повернул к нему радостное лицо. Странно, но казалось, что морщин на нем стало меньше, кожа как бы разгладилась. Андрей Антонович подошел к Роме, горячо пожал ему руку:

— Вот, это действительно... спасибо! Теперь и я понимаю.

Это были какие-то неясные слова, видно было, что старик не находил нужных ему слов, путаясь и улыбаясь, и Рома понял это:

— Ладно, ладно, Андрей Антонович! Приходите в другой раз, мы еще облучим... Да вы не волнуйтесь... нет, нет, если вы уже хотите надеть эту вашу шапку, то *перед* будет у неё совсем с другой стороны... ага, вот теперь так. Бывайте, бывайте!

Старик будто ошалел от радости. Он вышел из лаборатории, вновь вернулся, хитро подмигнул Роме — «эге, мол, эге...» — и только после этого окончательно исчез. Рома еще раз улыбнулся, но сразу же вновь погрузился, вспомнив об Анне. Он сел у окна, оперся на руку и задумчиво стал смотреть на двор.

Там шла работа. Рабочие проносили *чувалы* с зерном, вот провезли большую сеялку в направлении мастерской — видимо, что-то ремонтировать. Проехал воз, накрытый мешковиной. Где-то громко пропел петух.

Низенькая, коренастая женщина прошла мимо окна. Она повернула к Роме широкое красное лицо, посмотрела на него маленькими глазками, которые, словно изюминки, сидели над щеками, как в тесте, которое хорошо подошло. Во взгляде ее было заметно любопытство. Она поправила платок, посмотрела в сторону; потом взгляд ее вновь вернулся к Роме.

«Тю, что за пышка такая, — подумал Рома, — да еще и присматривается», — и он изменил позу, глядя теперь в другую сторону, будто заинтересовавшись чем-то.

Женщина пошла дальше. Оглянулась. Словно вспомнив о чем-то, она повернулась и быстро пошла обратно. Она будто изучала Рому, ласково на него поглядывая. Рома сидел неподвижно. И вот, он услышал ласковый голос;

— Простите, товарищ, не вы будете товарищ Рома?..

Так, коренастая женщина стояла под окном, с удовольствием глядя на Рому, и чуть приоткрыв рот в ожидании ответа.

— Да, это я, — принужден был согласиться наш герой, — а что?

— Мне говорили, что вы будете с коровами в нашем совхозе работать, — продолжала женщина, — и что вам нужно все о них знать. Вот я...

Рома широко открыл глаза:

— Так, значит, вы та самая... Татьяна?

Бригада коло корів—Рома і Тетяна Гаврилівна.

— Ага, она самая, — радостно согласилась женщина, — Татьяна Гавриловна Гарбузенкова, она самая. А вам, товарищ Рома, уже говорили обо мне? Ах, я и не знала...

Женщина зарделась; она, кокетничая, прикрыла рукой глаза. Но они с интересом выглядывали из-под ее толстых пухлых пальцев.

«Ну и тетка, — подумал Рома, глядя на Татьяну, — видимо, такая маху не даст».

— Слушайте, товарищ Татьяна Гарбузенкова, — произнес он уже громко, — я еще не знаю, буду ли я с коровами работать, или не я. Вам, знаете, скажут. Простите, мне сейчас очень некогда.

И он вернулся в комнату, как раз успев увидеть Мистера Питерса, который входил в лабораторию в сопровождении Анны и Даниила Яковлевича. Они продолжали начатый разговор:

— Хорошо, хорошо, вери-вэл, — говорил Мистер Питерс, — только имейте в виду, что вам придется внимательно слушать. Это, знаете ли, такая наука, что достаточно пропустить одну какую-нибудь мелочь — и дальше уже все будет непонятным.

Даниил Яковлевич махнул рукой:

— Знаю я твои мелочи и примеры. Вот, жаль, Анны не было, когда ты завел свою лекцию.

— Какую лекцию?..

— Ведь я, однажды, не то, чтобы не поверил, — засмеялся Даниил Яковлевич, — а так, просто высказал сомнение... А он как налетит на меня, как начнет сыпать научными словами, как из мешка... я едва смог убежать от него. Заговорит, ей-право, заговорит он тебя, Анна.

— Ничего я не боюсь, — Анна весело улыбнулась, — оно мне кажется очень интересным. Правда, Мистер Питерс?

— Да, — отозвался тот, — я надеюсь. А если мне повезет построить генератор с приемником, чтобы принимать изображение, вот тогда посмотрим, что запоем Даниил Яковлевич. Видимо, сам первый прибежит просить: пожалуйста, мол, ликвидируйте мою безграмотность!..

Даниил Яковлевич задумался. Он потер себе нос, потом ухо, осмотрел Мистера Питерса с ног до головы, словно прицениваясь к нему. Далее, он посмотрел на Рому, который молча прислушивался к разговору. И, наконец, ответил, теперь уже вполне серьезно:

— Относительно техники, то мне пока этого не надо. Я люблю, чтобы все шло по порядку. Ты вот лучше расскажи нам, что всякие там ученые, ну, научные работники, или как там, что они успели сделать до сих пор.

— Да мы лучше сделаем, — засмеялся Мистер Питерс.

— Э, нет, то, что ты с ребятами сделаешь, мы увидим. А вот интересно знать, что именно до тебя сделано. Вот что. А мы тогда сравним все. Понимаешь — чтобы было чем его контролировать, — подмигнул Даниил Яковлевич Анне, — а то он сделает здесь то же самое, что до него делали, а нам скажет, что это он изобрел, хе-хе!..

Мистер Питерс совсем уже готов был обидеться и вспыхнуть, разразиться гневом. Но, увидев веселую улыбку Анны и лукавое лицо Даниила Яковлевича, он решил принять это оскорбление как шутку. Поэтому он повернулся к Роме:

— Ишь, как в работу берут. Ты не думай, что это только меня одного. Это и к тебе относится, и к Олесю, и к Рае.

— А что? — переспросил Рома.

— Нечто вроде социалистического соревнования хотим устроить. Получается, что мы будем работать бригадами. Олесь вокруг зерна, ты с товарищем Татьяной...

Рома закашлялся так сильно, что аж покраснел. С Татьяной... С Татьяной Гарбузенковой... С этой крупной женщиной — будет работать Рома... Вот, когда не везет, то и вправду ничего не получается!

Но Мистер Питерс спокойно говорил дальше:

— Ты с товарищем Татьяной — с коровами. Она здесь главная начальница в этом деле. А ты, ведь, как раз любишь сметану, а?

— Ты попроси, — засмеялся Даниил Яковлевич, — наша Татьяна Гавриловна такое тебе даст, чего ты еще никогда не ел...

Что Роме оставалось делать, как не попытаться выжать из себя какое-то подобие слабенькой улыбки? Он так и сделал.

— Рая будет работать с кроликами. И ей найдётся помощник. Я лично берусь за кур вместе с Анной...

— Хм.. — попытался выразить свое отношение к этому Рома.

— Ты не хмыкай — строго оборвал его Мистер Питерс, — а слушай, вот эти бригады и выходят на соцсоревнование — кто достигнет наилучших результатов. Понимаешь, андерстенд-ю?.. А для начала, чтобы всё для всех стало ясно, мы устроим небольшую лекцию, беседу, или как там...

— О влиянии ультракоротких волн на живых существ, — добавила Анна.

— Правильно, — подтвердил Даниил Яковлевич. — Вот, собирайтесь все после обеда у меня. Только приходите вовремя, не опаздывайте. Пусть все ваши приходят, а я своих соберу.

Во так и было достигнуто соглашение о соцсоревновании в работе с ультракороткими волнами в совхозе «Победа». Всё разворачивалось, как следует. И только Рома тоскливо думал:

«Соцсоревнование... это, конечно, очень хорошо... Но... но... насколько лучше и приятнее было бы соревноваться в одной бри-

гаде с девушкой, которой, в момент победы, можно было бы сказать эти замечательные слова «ай-лов-ю»...

Кого именно Рома понимал под словом «девушка» — нам неизвестно. Но мы уверены, что не Татьяну Гавриловну. Нет. Однако, и в этом случае можно было увидеть влияние Мистера Питерса даже на Рому. Ведь — почему бы Роме не употребить простое «я люблю вас» вместо заморского — «ай-лов-ю»? Как видно, с этой точки зрения дело сильно осложнялось...

8. СИЛЫ ОКОНЧАТЕЛЬНО РАСПРЕДЕЛЕНЫ

— Уважаемые товарищи! Сегодня мы с вами остановимся вкратце на одной из областей использования ультракоротких волн, лишь на одной, повторяю. А именно — использовании УКВ для воздействия на живых существ.

Мистер Питерс сделал паузу и оглядел аудиторию. И во время этого он так мотнул головой, что старый Андрей Антонович аж хмыкнул: по его мнению, невежливо было до такой степени копировать профессора Терещенко. Тем временем, Мистер Питерс сунул левую руку в карман, а правой оперся на стол.

— Ну и лектор из него, — прошептал Анне Даниил Яковлевич.

— Прошу внимания, товарищи, — строго продолжал Мистер Питерс. — Скажем так. Ультракороткие волны вышли теперь окончательно из лабораторий радиотехники, лабораторий связи и заняли почетное место в биологии. Это не значит, что они потеряли свой вес в отрасли связи; наоборот, их использование для связи все время увеличивается. Однако, мы будем говорить сегодня, как я уже сказал, об УКВ в биологии. Собственно говоря, до открытия современных УКВ ученые мало обращали внимания на высокочастотные токи, на их влияние...

— Простите, а д'Арсонваль?.. — не выдержала Рая, что давно уже с неудовольствием наблюдала обмен дружескими взглядами между уважаемым лектором и неизвестной ей черноокой девушкой по имени Анна.

— Что же д'Арсонваль? — вспыхнул Мистер Питерс. — Он делал не совсем то. Конечно, д'Арсонваль еще в 1891-го года объявил результаты своих опытов по воздействию высокочастотными токами на организм человека. Однако — какие это были волны, я вас спрашиваю?.. Это были почти длинные волны. С таким же успехом, можно вспомнить и диатермию. Нет, уважаемая товарищ, это были не УКВ. Здесь надо сказать, что впервые влияние УКВ на живые организмы было замечено лишь тогда, когда генераторы ультракоротких волн уже стояли в лабораториях радиотехников-связистов. И замечено был это влияние на собственных

организмах. Вот что. Разве я не помню сам, как у меня во время работы с УКВ появлялась головная боль, как у меня повышалась температура, и прочее?.. А я тогда еще не знал ничего о влиянии УКВ на живые организмы. Итак — все это родилось в радиотехнических лабораториях. И д'Арсонваль нечего здесь вспоминать.

Сокрушив попытку вмешаться в сферу, которая была сейчас исключительно в его компетенции, Мистер Питерс успокоился.

— Наука зарегистрировала, в первую очередь, те явления, о которых я упомянул. Лица, работавшие рядом с генераторами УКВ, систематически испытывали головные боли, у них повышалась температура тела. Это были первые признаки долгого воздействия ультракоротких волн. Далее, у экспериментаторов замечены были такие последствия влияния УКВ, как: повышенная сонливость, или, в зависимости от индивидуальных свойств человека, наоборот, состояние повышенной возбужденности. Все это заставило биологов заинтересоваться ультракороткими волнами. И вот, впервые настоящие научные опыты в этой области поставил в Вене ученый Шлифаке; он пользовался генератором УКВ, который специально для этого построил венский профессор физики Эзау. Вот кто — Шлифаке и Эзау, а не д'Арсонваль, уважаемая товарищ! — строго закончил свой исторический экскурс Мистер Питерс.

Аудитория сосредоточенно слушала. И наивнимательнейшими слушателями были, безусловно, неопиты этого дела — Анна, Татьяна и Даниил Яковлевич.

— Мощность генератора Шлифаке и Эзау была очень небольшая. Но результатов они достигли, на то время — чрезвычайных. Мухи, внесенные в поле конденсатора колебательного контура, сразу же, как только включали генератор, падали замертво, словно сраженные молнией. Мыши, внесенные в поле, погибали за несколько секунд, а крысы — за четыре-пять минут...

— Вот бы наших крыс так... — мечтательно проговорил Даниил Яковлевич, — может, ты бы у нас что-нибудь такое сделал?

— Охотно, — усмехнулся Мистер Питерс, — для этого мне надо очень мало. Пожалуйста, приносите мне крыс — и я их буду убивать с помощью моего генератора еще быстрее, чем Шлифаке и Эзау.

— Поймав крысу, я уже и сам как-нибудь убью её, — не унился Даниил Яковлевич, — ты сделай так, чтобы их не ловить...

— Пока что не могу. И, вообще, прошу не мешать мне посторонними разговорами. Я продолжаю. Опыты Шлифаке и Эзау повторили советские ученые Шерешевский и Плотников. Плотников, например, работал с волнами от 12,5 до 50 метров длиной. Он установил, что сильнейшими были лучи с длиной волны от 14,5 до 30 метров. Облучённые такими волнами клопы и носатики... или как их называют?..

— Долгоносики, — отозвалась Анна.

— Ага, долгоносики. Так вот, клопы и долгоносики умирали в зависимости от длины волны за время от нескольких секунд до одной минуты. Таких же результатов достигли, повторяя опыты, и другие советские ученые, Церветинов и Гильдебранц. Теперь, уважаемые товарищи, я на несколько минут передам слово нашему уважаемому товарищу Роме, чтобы он рассказал о влиянии УКВ на различные вещества. Это его отрасль. Прощу внимания.

Рома не умел принимать эффектные позы. Даже сейчас, он не смог воспользоваться таким признанием своего научного веса, — даже сейчас, когда ему так хотелось завоевать чувства некоторых присутствующих. Рома сказал просто:

— Я не задержу вас долго. Вот главные из тех, кто проводил опыты в этой области: Шлифаке, Эзау, о которых уже упоминалось, затем Коварчик, Радовиц, Рейнболт и Гессель. Они установили, что растворители вообще не нагреваются в поле высокой частоты, то есть, под воздействием ультракоротких волн. Зато сильно нагреваются растворы. Например, чистая дистиллированная вода не нагревается совсем. Но, если к ней добавить немного соли, сделать раствор, то такая соленая вода нагревается достаточно сильно.

— Почему? — спросил Даниил Яковлевич.

— Этого мы еще точно не знаем. Далее, целые куски угля или других веществ почти не нагреваются. Но, если растереть их в тонкий порошок, — они нагреваются сильно. Некоторые сложные вещества под воздействием УКВ просто распадаются. Например, ртуть-оксид под воздействием УКВ распадается на чистую ртуть и кислород. И главное, что на разные вещества наиболее эффективно влияют лишь отдельные волны различной длины. Мы можем, например, положить на стол различные вещества. Изменяя длину волны, по нашему желанию, мы подвергнем распаду только нужные нам вещества, оставляя неизменёнными остальные.

— Достаточно, — сказал Мистер Питерс. — Теперь мы попросим товарища Раю рассказать нам об особом воздействии УКВ на животных. Она специалист в этой отрасли.

И он вежливо поклонился Рае, которая немного покраснела, когда на ней сосредоточились все взгляды. Однако, Рая достаточно хорошо знала своё дело, чтобы сказать самое главное быстро:

— Первым, кто проводил опыты такого характера, был профессор Елинек, — начала она, — этот ученый облучал ультракороткими волнами мышей. И он установил, что шерсть облучённых мышей была лучше, гуще и длиннее, чем у непросвеченных.

Андрей Антонович прикоснулся к своей облучённой голове. Кожу немного саднило, как обожженную. Но пальцы его ощутили приятные на ощупь мягкие волосики на бывшей лысине — и он удовлетворенно улыбнулся: что там мыши, мол, вот у меня какая история получается... Но своих мыслей Андрей Антонович никому не открыл. А заметив, как посмотрел на него Рома, — старик быстро спрятал улыбку, делая вид, что он внимательно слушает.

— Подвергнутые облучению мыши, — продолжала Рая, — росли значительно быстрее, чем контрольные, не облучённые. Они набирали вес процентов на двадцать быстрее. Из облучённых яиц во время опытов Елинека цыплята вылуплялись значительно раньше обычных...

— Слышите, товарищ Анна? — сказал ей Мистер Питерс, — а вы еще осмеливались высказывать сомнения относительно ваших кур.

Анна пожала плечами:

— Увидим...

Рая, закусив губу, подождала, пока не закончился этот обмен репликами, и спокойно, с явной иронией спросила:

— Позвольте продолжать? Конечно, если это не помешает вашей беседе...

Мистер Питерс нахмурился, но ничего не ответил. Однако, Рая и не ждала ответа. Она нанесла последний удар:

— А впрочем, я считаю, что самое главное я уже сказала. Мы работали с этой отрасли вместе с Олесем. Итак, пусть он дополнит. Олесик, помоги, пожалуйста.

И она одарила Олеся такой лучистой улыбкой, таким очаровательным взглядом, как будто они с ним только что вернулись с самой приятной прогулки. Даже Рома, погруженный в свои мыс-

ли, заметил это. Он с отчаянием покрутил головой: черт побери, сколько счастья всем, кроме него... А Олесь уже встал. Он немного растерялся — никак не ожидал он такого проявления доброжелательства от коварной предательницы.

Некоторую напряженность состояния Олеся заметил и Даниил Яковлевич, вполне, как мы знаем, постороннее лицо. Он скосил одну бровь и прислушался: ну, что?..

— Собственно, по моему мнению, следует сказать еще о влияние ультракоротких волн на бактерии, — произнес Олесь, глядя только на Даниила Яковлевича, как на наименее нейтральное лицо, — потому что о бактериях здесь ещё не упоминалось. Я скажу только об опытах наших ученых Ойвина и Лауфера. Они изучали влияние УКВ на так называемую кишечную палочку — достаточно распространенный вид бактерий, а так же и влияние на «инфузорию туфельку». Были получены интересные результаты. «Туфельки» погибали очень быстро, за время от минуты до трех. Вода, в которой они находились, нагревалась за это время до пятидесяти пяти градусов. Бактерии держались значительно дольше — от девяти до десяти минут. Однако, это можно объяснить тем, что Ойвин и Лауфер пользовались генератором, который не мог давать волны меньшей длины, чем четыре метра. Из этого ясно, что на бактерии следует влиять значительно более короткими волнами. Ведь колебания различной частоты по-разному влияют на объекты. Отсюда вытекают огромные возможности для медицины.

Олесь остановился. Он заметил удивление в глазах некоторых слушателей.

— Да, да, для медицины, — повторил он. — Представьте себе такую картину. Перед нами больной какой-нибудь опасной болезнью. Лечить его обычным способом мы почему-либо не можем. Ну, например, больной туберкулёзом легких. Чтобы его лечить, — надо давать больному много жирной, хорошей, сытной пищи. А у него, допустим, еще и желудок плохой, не может переваривать все это. Что делать?.. Мы знаем, что ультракороткие волны способны убить возбудителей туберкулёза — «палочку Коха». Но — какие волны, какой длины, в условиях какой именно экспозиции?.. Делаем опыты с культурой туберкулёзных палочек. Устанавливаем, что их, за мгновение, убивают волны, допустим, в пять сантимет-

ров длиной. И эти же волны никак не влияют вообще на организм...

— Ну, этого не может быть, — заметил Мистер Питерс, — какой-то вид воздействия должен быть.

— Да, это я слишком упростил, — согласился Олесь. — Эти волны воздействуют непосредственно и на организм больного, но как? Они, в условиях краткосрочного облучения, на несколько минут снижают способность белых кровяных телец, лейкоцитов, противостоять инфекционным возбудителям. Ну, так что же из этого?.. Мы облучаем больного нужными нам волнами, сразу убиваем в его организме все «палочки Коха» — а потом выдерживаем человека определенное время в стерильных условиях. И все, готово. Человек выздоровел, в нем не осталось ни одной «палочки Коха». Разве это не чрезвычайно важно для медицины? Надо только изучить влияние различных волн на различные бактерии, различных возбудителей болезней...

— Для чего у нас теперь есть все основания, ол фьюндаментс, — громко закончил за Олесь Мистер Питерс. — У нас есть наш новый генератор — и мы работаем с ним. Итак, общую часть нашей беседы считаю оконченной. У кого есть вопросы? Кто хочет что-то спросить? Прошу.

Вопрос был только у Даниила Яковлевича. Он сказал:

— Хотелось бы узнать, чего вы уже достигли с помощью этой вашей новой машины?

Мистер Питерс улыбнулся:

— Еду себе на столе лучами поджаривали. Палец профессору Терещенкообожгли — и, вместе с тем, ухо нашему уважаемому Ивану Петровичу Антохину, правда, совершенно случайно. Людей на улице останавливали, автомобили задерживали, драной кошке язвы залечили и шерсть новую вырастили... многого добились... правда, не достаточно, я бы сказал, систематизировано и научно, однако, убедительно.

— Так, так, — отозвался Даниил Яковлевич, — не совсем систематизировано. Я же говорил, фокусы-покусы делали. Нет, это мне не нужно. У нас здесь другая цель. Так и Иван Петрович мне писал. Вот только о шерсти... не верится мне, что это так. Откуда возьмется новая шерсть?..

— Выросла новая шерсть, — сказал Мистер Питерс.

— Хм.... — выразил сомнение Даниил Яковлевич. — Странно... что-то оно не того... может, она, как раз, линяла тогда, эта ваша кошка?

Рома почувствовал в его тоне недоверие. Он поднялся во весь свой рост. Пошатываясь от волнения, он грозно спросил:

— Вы думаете, что она линяла? И что это не было влияние нашего излучателя? Что это случайное стечение обстоятельств?

Даниил Яковлевич отметил:

— Думается мне, что так...

Тут Рома не выдержал. Он поднял руку, словно собираясь что-то схватить в воздухе, и спросил еще:

— Ладно, а если бы вам показали новую, так сказать, растительность на существе, которому точно не свойственна линька, тогда бы вы поверили?..

— Хм... тогда, конечно, что скажешь...

Аудитория с интересом слушала. Она увидела, как Рома после этих слов Даниила Яковлевича порывисто протянул свою длинную руку над головами Олеся и Татьяны Гавриловны. Татьяна отшатнулась с перепугу:

— Ой!..

Но рука прошла мимо ее головы. Рука на мгновение повисла над головой Андрея Антоновича, как коршун упала вниз, схватила в свои когти знаменитую меховую шапку, которую никогда не снимал дед, — и подняла ее вверх. Андрей Антонович побледнел. Он схватился обеими руками за голову, словно пытаясь прикрыть ее, и ахнул:

— И что ты делаешь?..

Было уже поздно. Победный голос Ромы звучал в стихшей комнате.

— Так вот, уважаемый Даниил Яковлевич, вы имеете перед собой живое существо, которому отнюдь не свойственно линять. Вот он перед вами. Наш старый знакомый Андрей Антонович, который до сих пор лишь мог претендовать на звание лучшей модели для рекламы типа «я был лысым». Приходилось ли вам, товарищи, видеть когда-нибудь более безнадежную лысину? Это же была настоящая Сахара, а не голова. И вот — смотрите!

Рома почти силой отвел в сторону руки Андрея Антоновича, который продолжал стыдливо закрывать голову. А, так как Андрей Антонович сопротивлялся, Рома ласково произнес:

— Ничего, ничего, Андрей Антонович. Вы теперь все равно есть научный объект. Ничего не поделаешь. Зато результаты какие сказочные. Смотрите, товарищи, на эту бывшую пустыню Сахару.

Да, это было действительно новостью не только для неофитов, как Даниил Яковлевич, Анна или Татьяна Гавриловна. Нет, удивление охватило всех без исключения. Рая поглядывала то на голову Андрея Антоновича, то на Рому, словно не веря своим глазам. Олесь открыл рот и так застыл. Мистер Питерс подошел ближе и присматривался, еле сдерживая в себе желание потрогать этот новый объект рукой.

И действительно, здесь было на что посмотреть.

Бывшая лысина Андрея Антоновича изменила цвет. Она сделалась коричневой. И на ней, закрывая ее словно ровным густым газоном, кучерявились новые волосы около полсантиметра длиной. Это был уже не пушок, какой Рома видел утром; нет, это были волосы, настоящие густые новые волосы. Рома вскрикнул:

— Ох, как выросло!..

Мистер Питерс не сдержался. Он осторожно прикоснулся пальцем к роскошной молодой шевелюре и повернулся к Ромы:

— И скажи ты, когда это получилось? Что за секреты?

На Роме собрались все взгляды — удивленные и заинтересованные. Но пыл уже покинул Рому. Он почувствовал неловкость, слова начали путаться в его рту:

— И это мы сегодня... Андрей Антонович очень просил... ну я и облучил его лысину... вот и все...

— Утром? Сегодня? — переспросил Даниил Яковлевич.

— Ага, — смущенно согласился Рома.

— Ну, так... это так... — не нашел слов директор.

Но Мистер Питерс не мог не использовать такое явление.

Он подвел итоги всему этому:

— Поскольку, уважаемый Даниил Яковлевич не отрицает, что Андрею Антоновичу не свойственна линька как таковая, ему придется признать и предыдущее: новая шерсть на кошке выросла, как результат облучения. Только здесь мы имеем значительно более эффективный пример. Потому что эти новые волосы выросли в течение всего одного дня. Рома, можешь взять патент на мощнейшее средство лечения облысения. Это ты правильно вспомнил про рекламу «я был лысым». Андрей Антонович, по-

здравляю вас. Вы стали объектом очень интересного открытия. Ваше имя с почетом и благодарностью отныне будут вспоминать миллионы лысых всего мира. А за то, что мне, в свое время, так же придется воспользоваться вашим способом, заранее выражаю мою искреннюю благодарность.

И Мистер Питерс важно пожал руку Андрею Антоновичу. Старик слабо сопротивлялся, бормоча:

— И чего вы все прицепились... да ну вас...

Но лицо у него было радостное и счастливое. Он радовался, как ребенок, которому подарили новую игрушку.

Даниил Яковлевич осмотрел комнату. Он заметил, как улыбается Мистеру Питерсу черноокая Анна, заметил злое лицо Раи. И, в то же время, он заметил и то, какими глазами смотрит на Рома Татьяна. Наверное, в воображении этой женщины Рома был магом и волшебником... Даниил Яковлевич заговорил:

— Ничего не поделаешь, ребята, действительно в вашем распоряжении — большая сила. Так вот, начинайте работать. Зерно мы в основном уже облучили, теперь очередь за скотом. Ты говоришь, Мистер Питерс, что бригадами будете работать?..

Рая прислушалась повнимательнее: о бригадах она до сих пор ничего не слышала.

— Ага, — ответил Мистер Питерс. — Бригадами будет лучше. Сейчас мы окончательно утвердим их состав. Так вот, бригада, работающая с коровами — Рома и Татьяна Гавриловна. Нет возражений?

Какие возражения? Рома окончательно выдохся во время своего зажигательного выступления. Он беспомощно взглянул на Татьяну — и встретил там такое выражение надежды, такие полные лаской глаза, что казалось странным, как они вместили столько ласки. Итак, Рома молчал.

— Вторая бригада — Олесь. Он будет работать с... кем именно, Олесь?

Олесь засмеялся:

— А у меня нет никого. Мне рабочих надо будет выделить.

— Хм... — Мистер Питерс задумался. — А впрочем, пусть. Если нужен будет кто-то, скажешь. Третья бригада — мы с товарищем Анной работаем с птицами. Нет возражений?

— Третья бригада — мы с товарищюю Ганною...

Собственно, возражать могла бы только Рая. Но она гордо молчала. Оскорбленные чувства заставляли ее не говорить ни слова.

— Да, — продолжал Мистер Питерс, — именно так. Ну, и, наконец, Рая. Ей, сколько мне известно, помощников не надо. Итак, пусть она пользуется услугами уважаемого Андрея Антоновича. И, конечно, заведующего кролиководством. Правильно, Даниил Яковлевич? Ол райт!

Даниил Яковлевич не имел ничего против. И дело можно было бы считать вполне законченной, если бы не слова Раи:

— Я думаю, что лучше будет, когда мы некоторое время будем работать с Олесем. У него сейчас работы будет немного, с зерном он почти закончил. А у меня есть некоторые вопросы, их он сможет решить в полном объеме. Так вот, мы с ним немного поработаем... если он ничего не имеет против.

Олесь согласился — правда, несколько удивленно. Он был единственный, кто до сих пор не понимал нового соотношения сил. А впрочем, это его мало интересовало. Он был рад самому факту примирения с Раей.

Так закончились своеобразные организационные сборы, которые выявили окончательную расстановку сил вокруг чудесного генератора. Даниил Яковлевич уже надел свою неизменную фуражку, собираясь выходить вместе со всеми из комнаты, как в комнату вбежал запыхавшийся рабочий. Он остановился в дверях и запричитал:

— Даниил Яковлевич... там такое...

— Что такое?

— В наши ловушки попались такие крупные крысы, каких мы и не видели никогда. Как кошки... нет, почти с собаку ростом.

Лицо Даниила Яковлевича посерьёзнело. Он надвинул фуражку:

— Пойдем, покажешь.

Они вышли. Мистер Питерс взглянул на Рому, на Олесья. Потом он поманил их пальцем к себе:

— Слушайте, — сказал он шепотом, — не произошло ли это вследствие того, что крысы нажрались облучённого зерна?..

— Не может быть, — возразил Рома, — так быстро?

— А кошка?.. А лысина Андрея Антоновича? Ведь мы ничего еще не знаем о сроках начала воздействия нашего излучателя.

Рома и Олесья молчали. Хуже всего чувствовал себя Олесья — именно он, в конце концов, был виноват в том, что крысы получили возможность кушать облучённое зерно.

— Пойдем, — распорядился Мистер Питерс строго.

— Куда?

— Посмотрим на крыс. Может, это еще не то, о чем мы думаем. Рая, — громко позвал он, — если хотите, пойдёмте с нами. Мы пошли смотреть на крыс, это интересно.

Но Рая не захотела:

— Я не переносу даже упоминания об этих мерзких животных. Нет, не пойду...

Приятельи нашли Даниила Яковлевича возле ловушек. Действительно, крысы были очень крупные. Конечно, рабочий в западе несколько преувеличил. Можно было говорить только о величине большой кошки, а не собаки. А впрочем, и этого было достаточно. Крысы были около тридцати сантиметров в длину, — и почти на столько же тянулся длинный облезлый хвост. Рома даже съезжился от отвращения:

— Бр-р... — пробормотал он, — не переносу такую гадость.

Мистер Питерс внимательно наблюдал за происходящим. Он услышал, как распорядился Даниил Яковлевич поставить ещё ловушек, как приказывал завтра же поехать в город и привезти сильнодействующего яда, чтобы как следует заняться истреблением крыс. Конечно, так и должен поступать директор. Мистер Питерс отошел в сторону.

— Нет, — сказал он приятелям, — нет, это не то. Это просто большие крысы, и более ничего. Пойдем. Это не наше дело.

Однако, уходя, он еще раза два оглянулся; и шел угрюмый и погруженный в свои мысли. Все-таки у него не было уверенности в том, что большие крысы – «дело рук» генератора. Попрошавшись с Ромой и Олесем, Мистер Питерс пошел не в свою комнату, а в лабораторию. Там он запер за собой дверь, разложил на столе бумаги, привезенные с собой, и углубился в них.

Это были сложные, запутанные схемы каких-то аппаратов. Опытный глаз радиолюбителя узнал бы в них знакомые черты генераторов, приемников, телевизоров. Мистер Питерс что-то искал. Наконец, он стукнул кулаком по столу:

— Все равно, будет по-моему. Я докажу, докажу. И никакие крысы не помешают мне сделать это.

Больше он не проронил ни слова. Он работал, обволакивая бумаги, и самого себя, и все вещи в лаборатории облаками ароматного дыма из трубки.

9. РАДИОТЕХНИКА И СКОТ

Читатель вправе согласиться с нами: не наше, в конце концов, дело, описывать так подробно все бытовые обстоятельства жизни четырех экспериментаторов в совхозе «Победа». Так же, не можем мы останавливаться каждый раз и на интересных психологических анализах настроений и сердечных пристрастий Ромы, как бы ни сочувствовали мы этому очень симпатичному юноше. Даже образ Раи, золотоволосой Раи, которую мы оставили в предыдущей главе в состоянии душевного разброда и обиды, даже этот волшебный образ Раи не может заставить нас взяться за описание капризных тайн её женского сердца.

Перед нами поставлена другая, тяжелая и ответственная задача — внимательно и пристально следить за развитием событий, тесно связанных с чудесным генератором. В конце концов, что такое любовь, ревность и другие личные дела по сравнению с важными научно-техническими открытиями?.. Скажем — влечение к черноглазой красавице Анне можно ли сравнивать с серьезным трудом по облучению коров?.. Конечно, Анну можно время от времени вспоминать, вспоминать с каким-то сладким и болезненным вздохом... Однако, коровы — это вполне реальная вещь. И Татьяна Гавриловна - тоже. В частности, тогда, когда человек, который вздыхает по Анне, очень любит сметану, молоко и другие молочные продукты, а догадливая Татьяна Гавриловна сразу видит это и начинает кормить этого человека наигустейшими сливками и вкуснейшей сметаной. И этот человек... однако, зачем выдавать секреты? Скажем просто, Рома нашел замечательный способ контролировать влияние облучения ультракороткими волнами коров. Каждое утро он испытывал образцы молока и сливок от облучаемых коров — и каждое утро замечал определенный эффект: молоко заметно густело, сливки жирнели и становились всё более сладкими, Татьяна Гавриловна улыбалась всё приятнее — и лицо её, почему-то, делалось всё симпатичнее...

Олесь заканчивал облучать зерно. Необлучённым оставалось только то зерно, которое решено было использовать для контроля, высеяв рядом с облучённым: ведь так легче всего будет оценивать результаты эксперимента.

Кролики, с которыми работала Рая, росли прямо на глазах. Вчера — еще совсем малюсенький кролик — сегодня важно шевелил длинными усами, и даже пытался в меру своих сил и возможностей — флиртовать с крольчихами. И из этих облучённых кроликов медленно, но верно создавалась новая порода больших и крепких животных с густой шерстью, очень плодовитых и быстрорастущих.

Но не это было главной задачей Раи. Выведение больших кроликов — это больше дело специалиста в животноводстве. Кролики нужны были Рае лишь как объект для биологических исследований. Еще в городе Рая стала изучать возможности локализации воздействия УКВ на различные органы и системы живых организмов. Так облучить живой организм, так подобрать длину волны, продолжительность облучения и мощность излучения, чтобы, скажем, всё влияние колебаний сконцентрировать, например, на желудке, ничуть не касаясь сердца и даже кишок.

Кое-чего Рая уже достигла. Рома с восторгом наблюдал в лаборатории, как Рая взялась вылечить гнойную опухоль на ноге охотничьей собаки Даниила Яковлевича. После двух - трех облучений, которые прошли для большой собаки почти незаметно, опухоль значительно уменьшилась и практически не беспокоила животное. А, до этого, собака скулила каждый раз, как только кто-нибудь чем-либо прикасался к опухоли.

— Бактерии в опухоли убиты, — задумчиво сказала Рая, — в этом я уверена. Однако...

Она задумалась:

— Что «однако», Рая?

— Надо проверить это. Но как? Оперировать собаку, вырезать у неё опухоль? Это не мое дело... к тому же здесь нет нужных условий... в рану может попасть инфекция.

Долго думать Рае не пришлось. Небольшое совещание бригады — и выход из положения сразу был найден. И этот выход назывался «электрический скальпель». Удивительный, но простой прибор.

При операции, которую производили при помощи этого самого «электрического скальпеля», присутствовал и Даниил Яковлевич. Он не скрывал волнения: ведь на столе лежала его любимая собака.

Рая примірилася—і легко, вневсінним рухом доторкнулася до шкіри собаки, немов окреслюючи на ній місце гулі...

Однако, общее спокойствие и уверенность повлияли и на него. Даниил Яковлевич с интересом наблюдал, как Рая взяла в руки деревянную ручку, на конце которой был закреплен небольшой кусочек серебряной проволоки. Этот кусочек был соединен проводом с одной обкладкой конденсатора в генераторе. Вторая обкладка соединялась другим проводком с широким листом латуни, подложенным под собаку. Оперлируемый пациент спокойно лежал на столе, крепко привязанный ремнями, с уже выбритым боком. На его розовой коже ярко выделялась бывшая опухоль, — а теперь лишь небольшая шишка.

Рома возле генератора, Олесь возле собаки, Мистер Питерс и Даниил Яковлевич, как наблюдатели — вот и все свидетели этой странной операции.

Рая оглянулась:

— Вроде, всё в порядке? Рома, давай ток!

Знакомое шипение генератора даже собаку не обеспокоило. Рая примерилась — и легко, уверенным движением дотронулась до кожи собаки, словно очерчивая на ней место шишки. По комнате поплыл запах гари.

— Фу-у, как неприятно воняет, — сказал Олесь, брезгливо отвернув нос.

Но сразу же получил от Раи такой презрительный взгляд, что немедленно вернул обычное положение носу, словно и не чувствовал неприятного запаха вообще.

Серебряный кончик «электроскальпеля» легко разрезал кожу и живое мясо собаки, отделяя то, что было нужно Рае. Вот уже почти вся шишечка отделилась от тела; Рая осторожно приподняла ее пинцетом и отделила «электроскальпелем» оставшуюся перемычку между шишечкой и телом собаки. Одна... две... три секунды — и пинцет положил на стол удалённую из собаки шишку. Ни капли крови, ничего! Собака словно бы и не почувствовала ничего; только нос её немного взволнованно принюхивался к странному запаху...

Даниил Яковлевич аж в ладоши захолопал:

— Прекрасно! Но как же так — без крови, и чтобы собака ничего не чувствовала? Я такого, душа моя, не понимаю...

Разрезая удалённую шишку на отдельные срезы для микроскопического исследования, Рая спокойно ответила:

— Все это потому, что «скальпель» этот, собственно, не режет. Он сжигает тело токами высокой частоты в том месте, к которому прикасается. Кроме того, наш нож имеет свойство вызывать коагуляцию, то есть, под его влиянием весь белок сразу сворачивается. В сосудах создается тромб — сгусток белка, который останавливает кровь. И все. Вполне асептическая операция, во время которой пациент не теряет ни капли крови...

— А не больно, почему?

— Это же просто. «Скальпель» сразу прижигает нервные волокна. Они не успевают ничего передать центральной нервной системе, они словно внезапно умирают. И все. А другие нервные клетки, не чувствуя сигналов от убитых нашим ножом, считают, что все в порядке. И молчат себе...

Даниил Яковлевич рассмеялся:

— Неплохо придумали, черти... вот наука!

...«Электрический скальпель» помог Рае точно установить главное: в срезанной шишке, бывшей опухоли, не осталось ни одной живой бактерии. Все были убиты. Микроскоп нашел лишь много тел бактерий, которых не успели уничтожить белые кровяные клетки — лейкоциты.

Однако самые интересные, самые удивительные результаты дало облучение кур и яиц. Прошло всего несколько дней с начала работы. Через поле высокой частоты чудесного генератора прошли с десяток кур и множество яиц для инкубатора. Однако, Мистер Питерс предложил, для ускорения действия облучения, произвести повторное облучение. Он сказал:

— Мы возьмем яйца из-под наседки, которой осталось сидеть на яйцах всего несколько дней. Облучим эти яйца и посмотрим, как это повлияет на будущих цыплят. Дадите мне такую наседку, Анна?

— Конечно, дам, — согласилась Анна.

Так и сделали.

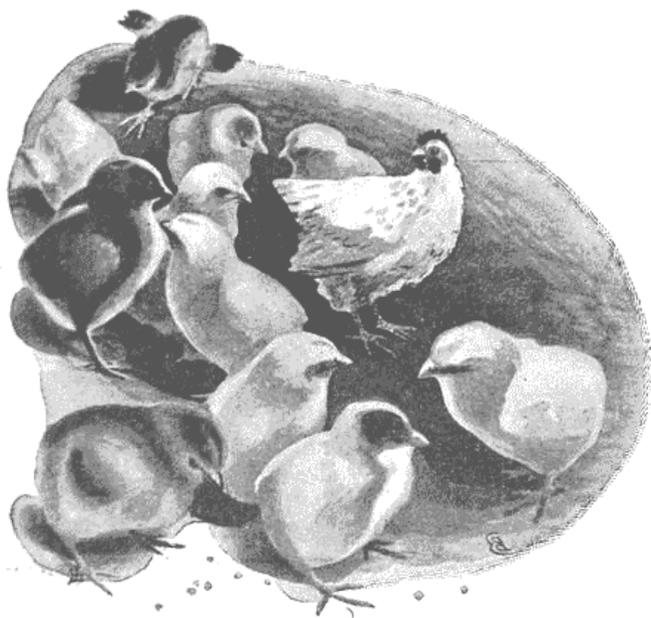
И вот, одним прекрасным утром, на главном дворе собралась целая толпа. Крестьяне, приехавшие по своим делам в совхоз, тёрли глаза, не доверяя им. Рабочие совхоза, привыкшие уже к чудесным результатам работы генератора, на этот раз удивлялись не меньше, чем крестьяне. Даже сам Даниил Яковлевич, строгий

директор совхоза, который проходил по двору, остановился, удивленный, и сказал Анне:

— Ну, знаешь, это... м-да, отлично вы это сделали!

Посередине двора суетилась небольшая белая птица.

Она обеспокоенно испуганно кудахтала, созывая своих желтых пушистых цыплят, которые впервые вышли гулять. Бедная встревоженная наседка заметно волновалась, она пыталась защитить своих деток. Она созывала их к себе, широко раскрывая крылья, чтобы цыплята спрятались под ними от возможной опасности — ведь столько людей собралось здесь, во дворе... Однако, цыплята упорно не желали прятаться под крыльями. Даже когда наседка пыталась прикрыть крылом того цыпленка, который пробегал мимо неё, — из этого ничего не вышло: у курицы получилось только задеть цыпленка крылом, и она вновь принялась озабоченно кудахтать. Потому что цыплята были такие большие, что ни один из них не мог влезть наседке под крыло...

Вот один из них инстинктивно попытался залезть головой под крыло — и наседка обрадованно закудаhtала. Но — крыло накрыло одну только голову, цыпленок целиком остался снаружи. Это ему не понравилось, и он побежал дальше.

Даниил Яковлевич покачал головой:

— Ну и великаны...

Цыплята бегали по двору, ростом такие же, как и их мать. Они клевали зерно, они искали пищу. Один из них нагло подбежал к сапогу Данилы Яковлевича и клюнул его. На черной коже сапога остался заметный след клюва. Вокруг рассмеялись:

— Даниил Яковлевич, сапог проклюёт...

Директор усмехнулся:

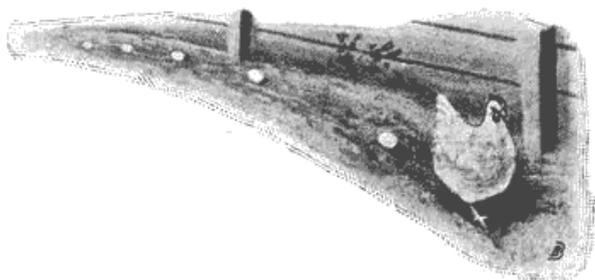
— М-да... так, так... здорово клюнул. Ты, Аня, унеси их куда-нибудь, потому что это же опасно. Они так скоро настоящими великанами станут...

И Даниил Яковлевич пошел дальше, что-то обдумывая. Однако, через несколько шагов он остановился.

— Анна, — крикнул он удивленно, — а это что такое?..

Вдоль двора степенно и гордо шла большая курица.

Она была такая надменная, так уверенно держала голову, что уже и этим привлекала к себе внимание. Однако, дело было не в этом. И Даниил Яковлевич, и Анна, и все, кто был во дворе, почти испуганно смотрели в направлении, откуда двигалась курица. С интервалами в два-три шага — там ровной линией лежали большие белые яйца.

— Кто это разложил... — начал гневно Даниил Яковлевич, но сразу остановился. Он видел: курица на мгновение остановилась, как-то особенно кругнула хвостом, чуть пригнула его к земле. И сзади у нее легко и свободно выпало большое белое яйцо. Оно упало на землю и осталось на ней лежать, продолжая странную линию, которую образовывали все предыдущие яйца. Курица оглянулась, посмотрела на яйца, кивнула рассеянно и презрительно головой и двинулась дальше, неся голову так же гордо и важно.

Даниил Яковлевич аж закашлялся. Он посмотрел на яйцо, на Анну, на рабочих, которые не менее удивленно смотрели на курицу. А та шла дальше. Но через два-три шага она вновь остановилась. С молниеносной скоростью курица снесла еще одно яйцо, и несколько секунд спустя скрылась за углом дома. Линия из яиц лежала неподвижно. Это было невероятно: казалось, что все это снилось. Однако, доказательства — большие белые яйца, — лежали на земле...

Первой пришла в себя Анна. Она взяла большую корзину и начала собирать неожиданный урожай яиц. Даниил Яковлевич почесал нос и спросил у Анны — так, между прочим:

— Слушай, ты, куриная начальница... это же что, все куры у тебя, как пулемёты, несутся?

Анна не успела ответить. Веселый голос Мистера Питерса ответил за нее.

— Прежде всего, уважаемый Даниил Яковлевич, несутся они уже тогда не как пулемёты, а как яйцёмёты.

— Как?

— Яйцёмёты, говорю. Однако, разве это плохо?

— А что же здесь хорошего? — сердито произнес Даниил Яковлевич. — Ведь это не машина, а курица. Вот она снесёт еще несколько яиц — и конец ей придёт. Она же истощается. Ты что, не понимаешь этого?

Мистер Питерс поднял палец вверх:

— А я думаю, что ничего страшного здесь нет. Если бы курица не обретала в то же время новых пополнений силы, то, конечно, ей бы пришел конец. Но тут дело сложнее.

— Ну, ну, говори.

— Мы же не только пробудили ее, не только повысили посредством облучения ее яйценоскость. Мы активизировали весь её организм. Следовательно, она будет кушать больше, пить больше.

Затраты силы она компенсирует очень быстро — только давайте ей пищу. Понимаете, Даниил Яковлевич, курица начала быстрее работать, ну, как машина.

— Ну, вот я и говорю...

— Да нет, от этого ей хуже не будет. А хозяйству полезнее. Даже, если мы предположим, что эта курица будет жить не так долго, как обычная, необлучённая, — и это не важно. Она за свой короткий век даст вам больше пользы. Однако, все это мы еще проверим — ведь она еще не собирается умирать.

Даниил Яковлевич не спорил. Он видел, что на его глазах происходят странные изменения в природе. Это было нечто принципиально иное, нечто такое, что отличалось кардинально от всех предыдущих средств повышения интенсивности хозяйства. Он решил понаблюдать: во всяком случае, начало обещало интересное продолжение.

А Мистер Питерс, дав некоторые распоряжения Анне, отправился в свою комнату. Вот уже третий день он выходил из нее только для того, чтобы немного пройтись и размять затёкшие ноги. На все вопросы он отвечал коротко:

— Не могу ничего сказать. Ждите, увидите сами.

И лишь однажды вечером, когда все практиканты собрались в красном уголке слушать по радио концерт из Москвы, зайдя к ним, как говорится, на огонек, Мистер Питерс прислушался к голосу певицы и сказал мечтательно:

— Это всё еще не то...

— А что? — спросил Олесь.

— Всё это можно сделать лучше. Вот, я думаю...

И он умолк. Олесь взглянул на него:

— И над чем ты работаешь, скажи, пожалуйста? Хочешь, чтобы куры еще быстрее неслись?.. Так Анна и этим довольна.

— Неостроумно, — рассердился Мистер Питерс. — Что у вас у всех за манера — обязательно подмешивать всякие глупости к серьезным делам? Тю!.. Ю-ар-э-хут, вот как.

— Что?

— Вы — шляпа, сказал я. Ты — шляпа.

А так как Олесь рассердился — ведь к их разговору прислушивались и девушки, — то Мистер Питерс добавил:

— Конечно, на английском языке это совсем не оскорбление. Это даже больше смахивает на комплимент.

И шепотом добавил еще:

— Ты, Олесь, забыл, что я все-таки — электротехник, связист. Все эти опыты в совхозе, конечно, очень интересная история. Но...

— Что но?

Однако Мистер Питерс больше ничего не хотел сказать, кроме уже знакомого:

— Подожди — увидишь.

Самым счастливым человеком из всех был, безусловно, старый Андрей Антонович. Его счастьем ничто не мешало. Прежде всего, он снял раз и навсегда свою знаменитую шапку. Теперь он ходил всюду с непокрытой головой. Он гордо нес её, словно всё время ощущая свою чудесную новую шевелюру. И действительно, ему было чем похвастаться.

Лысины как не бывало. Даже седые старые волосы, словно стесняясь новых соседей, и сами покоричневели. Густая новая растительность покрыла всю голову. Уже теперь можно было сделать пробор на том месте, которое еще несколько дней назад блесло под светом, как зеркало. Но Андрей Антонович был против пробора, хоть Рая и предлагала ему свои услуги в роли опытного парикмахера. Она весело говорила:

— Только пробора не хватает, Андрей Антонович. Давайте, я вам сделаю. Ей-право, каждая девушка тогда влюбится.

Андрей Антонович неумолимо отклонял эти лестные предложения, и только улыбался в ответ. Однако, у него появились новые знакомые и приятели. Два старых сторожа совхоза, один кладовщик и еще какой-то старый рабочий частенько встречались с Андреем Антоновичем, и о чем-то совещались с ним. Эти разговоры длились долго, Андрей Антонович что-то подробно рассказывал приятелям, они с уважением смотрели на его новые густые волосы. А старик хвалил на все лады удивительное событие, следствием которого была роскошная шевелюра. Один только вопрос не удалось разрешить Андрею Антоновичу, откуда взялись новые волосы.

— Ну, вот, значит, вылезли. Старые, значит. А там, в коже, значит, остались такие дырочки. Из-под волос. Только они ма-

ленькие такие, что волосам там никак не пролезть. Они бы с охотой, а хода им нет...

Приятель внимательно слушали, покачивая лысыми головами.

— Ну, а эти лучи, — продолжал Андрей Антонович, — эти лучи раскрыли те дырочки. И чего ты уставился? Не понимаешь? Ну, вот как в бане. Там пар раскрывает тебе всё, размягчает кожу — и весь пот выходит. Так и лучи, как пар. Только вместо пота — волос вылезает. Он же там был, только ходу ему не... сквозь дырочки не было...

Но именно этого никак и не понимали недалёкие собеседники. Они с завистью посматривали на голову Андрея Антоновича, качали своими старыми головами, — но не понимали. Откровенно говоря, не совсем понимал все это и сам Андрей Антонович. Но — разве мог он сказать это приятелям, он, полноправный представитель науки в этой аудитории?.. Конечно, не мог.

Мы можем утешиться только тем, что странное явление вызвало определенные сомнения даже у самых молодых работников науки. Олесь спорил с Ромой, не прекращая своих гимнастических упражнений. Он делал стойку и, вытягивая ноги вверх стрелкой, доказывал Роме:

— Конечно, чудесного здесь ничего нет. Однако... однако...

— Да встань ты как человек, — горячился Рома, — не могу я спокойно разговаривать, когда твой голос раздаётся откуда-то с пола, а вместо лица перед глазами ноги болтаются...

— Наоборот, этим я доказываю тебе правильность моих мыслей, — откликнулся Олесь, делая два шага на руках.

— То есть?

— Очень просто. Вот, тебе кажется странным, что на бесплодной пустыне, на лысине выросли волосы. Мол, там все уже волосяные луковички умерли: и корни исчезли...

— А разве не так?

— Конечно, да, иначе бы не было лысины. Но...

— Становись на ноги, я тебе говорю! У тебя, чертяка, все лицо покраснело как свёкла. Вся кровь в голову ударила.

— Это и есть мое доказательство. Слушай, Рома. Наше лучи так интенсифицировали кожу на голове Андрея Антоновича, что заставили снова начать работать те волосяные луковички. Вот, как к моей голове сейчас прилила кровь, так и лучи, активизируя

кожу и луковички, притянули к ним свежие соки. Ну, и начался бурный рост волос. Гоп!..

Он ловко перевернулся, стал на ноги и, делая завершающие гимнастические упражнения, закончил:

— Вот, я гоню кровь с головы обратно. Еще минута — и всё будет хорошо, всё станет на свои места. А вот там, на голове Андрея Антоновича, — там мы не знаем, как оно пойдет дальше. Или долговечная будет его новая шевелюра, или нет?.. Понял, наконец, мою теорию?.. Разве не хорошие идеи я подал тебе?

— Идеи, конечно, неплохие, красочные... но не полностью научные. Активизация, интенсификация, новые свежие соки... Некий витализм... Нет, Олесь, гимнастику ты делаешь лучше, чем подаешь идеи.

— А если тебе мои идеи не нравятся, — иди в коровник. Там тебя наверняка свежая сметана ждет.

— И совсем не остроумно...

— Скажи остроумнее.

— Да ну тебя совсем!

И Рома вышел из комнаты, оставив Олесьа заканчивать гимнастические упражнения в одиночестве.

Следовательно, если даже научные работники не могли найти объяснений, которые бы удовлетворили всех и подвели бы настоящую научную почву под странное событие с лысиной Андрея Антоновича, то разве мы имеем право смеяться над объяснениями самого владельца новой шевелюры? Конечно, нет. Тем более, что теория Олесьа с его активизациями, интенсификациями и тому подобным, и вправду мало чем отличалась от рабочей гипотезы Андрея Антоновича о дырочках; а пример с кровью, которая прилила к голове, был очень подобен примеру Андрея Антоновича, в котором фигурировала баня с горячим паром.

Чтобы закончить все разговоры о бытовом, так сказать прикладном применении ультракоротких волн в совхозе «Победа», вспомним еще про один странный случай с нашей очаровательной знакомой, Раей. О, безусловно, здесь совсем было не причём внезапное увлечение вероломного Мистера Питерса черноокой красавицей Анной с ее черными кудрявыми волосами и нежной загорелой кожей, которую покрывал едва заметный нежный пушок,

совсем такой, какой бывает на оранжевых персиках. Вовсе нет: это нам даже и не могло прийти в голову. Просто, Рая почему-то очень увлеклась мыслью о том, что загар ей очень пойдёт.

И действительно, разве не красиво: золотые волосы вокруг слегка загорелого лица? Ведь это только подчеркнёт её тонкий румянец... нет, не такой резкий, как у некоторых...

Так или иначе, дело было решено. Для осуществления такого замысла достаточно было просветить лицо ультракороткими волнами — конечно, не такими короткими, как для просвечивания животных, а самыми длинными из всех, что давал генератор. Как это сделать, Рая знала. Надо только реостатом изменить напряжение в цепи генератора. Уменьшить ее до края, до двенадцати тысяч вольт, и всё.

Рая осторожно передвинула движок реостата, который менял напряжение, до самого края. Генератору пришлось выдать самую длинную волну. Однако, включив генератор, Рая еще раз проверила приборами: да, длина волны около десяти сантиметров...

Очень осторожно Рая подставила под лучи сначала одну сторону лица, потом вторую. Нежное тепло хлынуло ей в лицо — вот как бывает, когда человек, находясь в тени, подставляет лицо под золотой солнечный луч. Рая внимательно считала секунды: облучение должно длиться не более десяти секунд. Вот готова одна половина лица... вот и вторая. Рая улыбнулась:

— Просто организуй институт красоты с этим генератором. Волосы он выращивает, смуглость предоставляет... ах!

Ах, Рая забыла запереть дверь, и в комнату, в лабораторию вбежал Рома. Он беспомощно остановился на пороге, удивленный картиной, которая открылась перед ним. Рая себя облучает... что такое?.. Однако, Рая уже овладела собой. Она спокойно вытащила карманное зеркало, спокойно же посмотрела в него и, презрительно повернув к Роме голову на одну четверть, спросила:

— Что случилось, Рома? Чего это вы такой удивленный?

— О... простите, Рая, но...

Лицо Ромы было такое беспомощное, он так колебался. Он дотронулся рукой до своих волос и робко спросил:

— Ведь не волосы же вам?.. кхм...

Рая подчеркнуто спокойно рассмеялась:

— Так, так, ваши догадки очень интересны. Нет, Рома, волосы у меня такие, что в облучении они не нуждаются.

— Так вот, так вот и я говорю, — обрадовался Рома.

— Я скажу вам, Рома. Мне очень некогда было принимать солнечные ванны. А загар — не только очень красивая штука вообще, она, по моему мнению, в то же время и очень полезная. Например, профессор... профессор Филинбери...

— Как?.. Тилимбери?..

— Ага, Тилинбери. Это же, вы знаете, известный физиолог. Так вот, он доказывает, что пигмент загара очень нужен человеку, он, этот пигмент, играет роль аккумулятора витаминов. Вот, я решила...

— Понимаю, понимаю. Теперь понимаю. Да вам загар и хорошо подходит, Рая.

— Конечно, хорошо. Всякому человеку хорошо, когда он загорелый. Вот вы, например: белый, как ваша любимая сметана. Даже неприятно смотреть. Однако, пока, мне уже пора идти.

Неожиданно разговор превратилась в одну сплошную неприятность для Ромы: «даже неприятно смотреть, такой он белый»... Ну и не везет!

Рая уже закрывала за собой дверь, когда Рома бросился ей вдогонку:

— Рая... Рая...

— Что такое?

— Одну минутку. Скажите, сколько вы просвечивали лицо, чтобы возник такой чудесный цвет?

Рая лукаво улыбнулась:

— Недолго. Всего двадцать секунд на каждую половину лица. Сначала одну, потом вторую.

И она исчезла. А Рома стоял возле генератора, шепча:

— Двадцать секунд на каждую половину лица... сначала одну, потом вторую... профессор Тилимбери... Филинбер... не слышал никогда о таком...

А Рая, быстро идя к выходу, думала:

«Да и фамилию аляповатую придумала. Что то за Тилимбери? Только такой протак, как Рома, и мог поверить».

Однако, Рома уже забыл о странной фамилии. Он спешил догнать Раю. Аккуратно вытер он платком правую сторону лица и подставил её под лучи, громко отсчитывая секунды:

— Пять... девять... двенадцать... ой, жжет! Пятнадцать... фу-у, припекает... восемнадцать... ой!

Он отскочил от генератора, но было уже поздно, потому что кожа на его лице покраснела и отекла. Ее жгло, словно огнем. Рома дотронулся пальцем до щеки — и вскрикнул:

— Ой!.. Что-то не так... нет, это просто такой сильный эффект. Ведь Рая-то выдержала...

И он героически подставил лучам другую щеку, закрыв глаза: чтобы быть красивым, надо страдать.

Но в эту секунду он услышал громкий крик за окном:

— Рома!.. Рома!.. Скорее сюда!

Это кричал Мистер Питерс. Рома подбежал к окну:

— Что случилось?

— Скорее сюда! Крысы... Появились гигантские крысы!

Этого было достаточно. Рома забыл о боли в правой половине лица, забыл о недооблучённой левой щеке. Быстрым движением он выключил генератор, выпрыгнул за дверь и побежал на улицу.

Мистер Питерс был очень взволнован. Он схватил Рома за руку и, не замечая разноцветности его лица, проговорил:

— В совхозе появились огромные крысы. Не такие, как те, что мы видели раньше... Они сделали набег на крольчатник. Пойдем! Я так боялся этого!

Они быстро шли двором. И Мистер Питерс, наклонив голову к Роминой голове, добавил шепотом:

— Я уверен, что это наша вина.

— Как?..

— Помнишь то облучённое зерно, которое пожрали крысы? Вот это оно и есть. Те крысы превратились в гигантов. Э, что говорить! Сейчас сам увидишь...

10. ХИЩНИК НА СВОБОДЕ

И правда, для шуток места не оставалось. Наперегонки с Мистером Питерсом и Ромой бежали рабочие, неся с собой ружья. Встревоженные лица, быстрые движения, сосредоточенность — все это указывало на серьезный характер события. Солнце зашло за горизонт, по земле расстилались синие сумерки. Электричество еще не зажгли. Мистер Питерс ускорил хода:

— Там что-то делается. Рома, ходу!..

За углом они увидели Анну. Она бежала им навстречу:

— На помощь! — воскликнула она, пробегая дальше. — Там опять крысы. Они напали на кроликов, а теперь бросаются и на людей. Я бегу звонить...

Куда звонить — она не успела сказать. Из-под помоста, на котором стоял состав, выпрыгнула большая серая уродина. С молниеносной скоростью чудище помелькнуло перед исследователями, сделало несколько прыжков — и исчезло в направлении крольчатника. Вскрикнув, Анна бросилась бежать дальше. Мистер Питерс остановился, глядя вслед серому чудовищу: его брови сдвинулись, он до крови закусил зубами нижнюю губу.

— Ты видел? — взволнованно обратился к нему Рома. — Это была... это была...

— Крыса, — сказал Мистер Питерс, — скорее, пошли!

От крольчатника раздались одиночные выстрелы. Рома и Мистер Питерс издали увидели, как прыгнула вверх большая серая тень и исчезла на крыше крольчатника. Они подбежали ближе. У самого входа стоял с винтовкой в руках Даниил Яковлевич. За ним было еще несколько вооружённых рабочих. Олесь так же держал наготове ружьё. Он заметил товарищей, посмотрел на них и безнадежно махнул рукой.

— Что? — спросил у него Рома...

— И тут такое...

— А, вы уже здесь, ребята, — проговорил Даниил Яковлевич, — ладно. Нашего полку прибыло. Стрелять умеете, надеюсь? Хорошо, хорошо. Вон, берите ружья у тех вот двух. И слушайте. Вот что мы будем делать.

Он оперся на ружье:

— Сейчас в крольчатнике их штук пять-шесть. Они задрали на куски нескольких кроликов. Но дальше они не могут ничего

сделать, потому что остальные кроликов успели запереть во второй половине крольчатника. Вбежали сюда крысы через эти двери. Так. Второго выхода нет. Следовательно, им некуда бежать. Так. Понимаете? Мы должны сейчас взять их атакой и убить. Так?

— Так, Даниил Яковлевич. Но как?

— И никаких разговоров пока. Времени нет. Ну, ребята, за мной. Смотрите, стреляйте внимательно — только тогда, когда я подам сигнал. За мной, вперед! Тихо, без шума.

Он распахнул дверь и прошёл вперед. За ним бросились остальные, держа винтовки наготове.

В крольчатнике было полутемно и тихо. Широкий коридор вёл до второй половины, где были заперты кролики. Дверь слева была подперта деревянной лопатой, и закрывала гигантским крысам дорогу обратно. Даниил Яковлевич осторожно отодвинул лопату, немного приоткрыл дверь и посмотрел внутрь. Тихо. Невысокие деревянные изгороди для кроликов, кормушки — все было пусто, словно ничего и не случилось.

— Тс-с... — прошипел Даниил Яковлевич.

Он, осторожно подвигаясь и держа винтовку дулом вперед, вошел в помещение. Зоркие его глаза присматривались к неуверенным сумрачным теням, что лежали вокруг, прячась в темных углах.

— Крысы прячутся, — еле слышно прошептал Рома Олеся.

Тот, соглашаясь, кивнул головой. Но Даниил Яковлевич уже заметил врага; не говоря ни слова, он указал рукой в левый дальний угол и сделал той же рукой выразительный жест: готовься!

Теперь, когда глаза привыкли к полумраку, было видно: в дальнем углу, друг возле друга сидело несколько огромных крыс. Шерсть на их спинах вздыбилась, пасти угрожающе щерились. Крысы, не смея сами перейти в наступление, выжидали. Это были уже не те крупные крысы, которые несколько дней назад попали в ловушки. Ни одна из ловушек обычного типа способна была бы убить такую тварь — разве что зажать ей лапу. Величиной с собаку, худые, с взъерошенной шерстью, — это были настоящие хищники, готовые к прыжку и нападению.

Даниил Яковлевич медленным движением навел винтовку, прицеливаясь. За ним это сделали и другие. В тишине были слышны удары собственного сердца.

— Огонь! — скомандовал Даниил Яковлевич.

Дружный залп разордал на куски тревожную тишину.

Пламя от выстрелов ярко осветило помещение. Две крысы подпрыгнули и упали, конвульсивно дёргая лапами, на спину. Но остальные уцелели. Крысы бросились в стороны. Одна из них, большая и страшная, стрелой прыгнула вверх, целясь прямо на людей.

Выстрел... еще один... еще...

— Стреляй! — снова раздался голос Даниила Яковлевича.

Очевидно, чья-то пуля попала в крысу, потому что она, упав наземь, побежала, хромая, на трех лапах, прочь к дальней стене. Вдогонку ей раздалась ещё выстрелы — и она осталась лежать неподвижно.

Однако остальные крысы перебежали до самого дальнего угла. Одна из крыс высоко подпрыгнула и ухватила когтистой лапой за перекладину потолка. Её задние лапы качались в воздухе, пытаясь зацепиться за перекладину. Вот, она зацепилась за перекладину, перевалилась на неё, подпрыгнула — и исчезла на чердаке. Те крысы, что остались, смотрели ей вслед.

— Стреляй!.. — еще раз воскликнул Даниил Яковлевич. — Стреляй, ибо убегут!

Раздались выстрелы. Но сумерки мешали. Крысы превратились в серые тени, их очертания расплывались в синей темноте. Люди увидели, как одна за другой прыгнули две крысы вверх — и исчезли вслед за первой на чердаке. Даниил Яковлевич швырнул ружье на землю.

— Патронов не хватило у меня, — сказал он злобно.

Но Олесь быстро встал на одно колено и прицелился туда, где оставалась ещё одна крыса. Несколько тревожных ударов сердца — и выстрел, громкий и сухой. В его свете вверх мелькнула серая уродина — и упала наземь. Большая тень осталась лежать неподвижно на полу. Олесь поднялся, держа ружьё. Он вопросительно посмотрел на Даниила Яковлевича. Тот хлопнул его по плечу.

— Молодец! Попал. Добрый из тебя стрелок.

Потом его глаза посмотрели вверх, туда, где исчезли три крысы. Директор покачал головой:

— Эх, забыли про чердак. Убежали...

— А куда же они денутся? — спросил его мрачно Мистер Питерс.

— Куда, куда. Через крышу на улицу. И теперь они уже давно исчезли, — добавил он, заметив, что один из работников собрался взять лестницу, которая стояла у стены.

— Давай сюда лучше огня.

Директор взял со стены фонарь, зажег его. Высоко держа его в руке, Даниил Яковлевич подошел к только что убитой крысе. Однако, он еще агонизировала. Его зубы щерились, усы шевелились, лапы дёргались, словно она хотела кого-то схватить своими когтями.

— Так... так... — проговорил Даниил Яковлевич, — ничего себе созданище... И откуда ты такое взялось? Никто же тебя не облучал лучами. А, ребята? — повернулся он к исследователям.

Олесь опустил глаза. Мистер Питерс взглянул на директора, Рому, Олесь, снова на директора:

— Пойдемте, Даниил Яковлевич, — сказал он, наконец, — я должен кое-что рассказать вам.

— Ну, что же, пойдём, — согласился Даниил Яковлевич, — мне как раз надо зайти на нашу телефонную станцию, поговорить с городом. Пусть яда нам ещё пришлют.

Он сказал еще что-то рабочим, приказал вынести убитых крыс — и вышел вместе с Мистером Питерсом, Олесем и Ромой.

— Слушаю вас, ребята, — проговорил он, наконец.

— Даниил Яковлевич, — начал Мистер Питерс, — получилась большая неприятность. Мы вам всё объясним. Не бывает такого, чтобы все шло хорошо. Случилась одна ошибка — и от нее теперь все беды...

— А именно?

— Ну вот, когда мы облучали зерно... вот тогда это и случилось. Облучённое зерно оставили до утра в лаборатории... а ночью туда залезли крысы... нажрались того зерна...

— Ну?

— Вот, эти гигантские крысы — и есть те самые, которые тогда нажрались.

— Не понимаю. — Даниил Яковлевич нахмурился.

— Оказывается, это принципиально то же самое: облучить животное ультракороткими волнами, или дать ему кушать продукты, концентрированно насыщенные ультракороткими волнами... собственно, это всё равно, потому что разница здесь будет количественная... а качественно — то же самое.

Очевидно, Мистер Питерс вынужденно говорил об этом. Он все время скручивал себе сигарету, но вот уже третий раз бумага рвалась, табак высыпался на землю.

— Так, — проговорил директор, — так... значит, это теперь мы видим обратную сторону этих чертовых лучей?

— Нет, нет, — встрял Рома, — не так. Это не обратная сторона, это ошибка. Ну, вот если бы врач, например, ошибся, и дал больному не те лекарства, а что-то, что влияло бы наоборот...

— Так... — повторил Даниил Яковлевич, — лекарства наоборот, говоришь? Ладно. Вот, мы взрастили вместо доброго — злое. Так... Ну, значит, будет всем нам хороший урок. Диалектика, хм... Лучи — благо для одного, и зло — для другого... хм... так...

Они уже подходили к небольшому дому, где находилась телефонная станция совхоза.

— Так, — сказал еще раз директор. — Тем более, надо нам яда. Пока что я не вижу других мер борьбы с этими тварями.

Дежурный телефонист встретил Даниила Яковлевича на пороге, он взволнованно стал говорить:

— Товарищ директор, какая-то странная история.

— Что такое еще? — поднял брови Даниил Яковлевич.

— И вот на коммутаторе такое. Номер восемнадцать, то есть, электролаборатория, все время вызывает меня, вот уже минут пять. Я включаюсь — ничего не слышно. Отключаюсь — вновь сигналы. Вот, вот, видите?

Крышка номера восемнадцать на коммутаторе упала. Восемнадцатый номер вызывал станцию. Вздрагивая, крышка номера дребезжала.

— Вот, я включаю этот номер. Послушайте.

Действительно, ничего не было слышно. Телефонист выключился, прикрыл крышку номера, но почти в ту же секунду она вновь упала.

— Будто кто-то снимает трубку с рычага — и немедленно кладет ее обратно, — задумчиво сказал Мистер Питерс, — странно... А откуда это? Что это за номер?

— Я же сказал уже, — ответил телефонист, — это электролаборатория, где облучают зерно. Где новый генератор стоит.

Рома побледнел. Он сдвинул шапку назад. Рот его открылся.

— Что такое? — смущенно спросил Мистер Питерс.

— Там... в нашей лаборатории, сейчас работает Рая... это с ней что-то случилось, — ответил Рома.

— Но что?

— Не знаю. Надо бежать туда.

И, все еще держа винтовку, которую он принес из крольчатника, Рома выбежал из телефонной станции. Олесь поспешил за ним. Даниил Яковлевич обратился к Мистеру Питерсу, пожав плечами:

— Всю жизнь вы здесь, ребята, перекрутили... нет, нет, это не значит, что я против вашей работы, совсем нет. Но мороки с этим делом — предостаточно. Дай-ка мне, товарищ, город, — сказал он телефонисту.

Но... что же действительно происходило в лаборатории?.. Почему тревожно дребезжала крышка номера восемнадцать?..

Рома не ошибался. Действительно, в лаборатории в это время работала Рая. Она хотела использовать время с максимальной пользой — поработать с маленькими крольчатами, которых ей сегодня принесли. Поставив клетку с кролятами на стол, Рая включила генератор, выбрала нужную длину волны и начала облучения. Большая кошка, привезенная из города, знаменитая кошка с треугольным вырезом на ухе, первое облучённое новым генератором животное, сидела на стуле возле Раи. Кошка ласково мурлыкала и нежно поглядывала на маленьких крольчат. Рая заметила это:

— Кажется, ты, киса, видишь в этих животинках не научные объекты, а вкусный ужин для себя? Так? Не выйдет, не получится. Вот, хоть и домашнее ты животное, а сколько в тебе инстинктов древних хищников осталось...

Рая облучила одного кролика, второго, третьего, делая различные экспозиции, чтобы на практике проверить и найти оптимальную длину волны для роста этих крошечных животных, — и вновь вернулась к кошке, что не прекращала своей песенки.

— Ты, наверное, и не знаешь, что твои дальние родственники — тигры, леопарды и другие — до сих пор охотятся в лесах и чащах, добывая себе пищу. Ты же хищник, кися. Только маленький и домашний. Ты же, наверное, теперь неспособна даже драться за свою жизнь... эх ты, домашний хищник!

Рая повернулась к кошке, погладила ее по изогнутой спине. Кошка замурчала еще довольнее. И в эту минуту Рая будто услы-

шала звуки выстрелов. Они доносились издалека. Рая посмотрела в окно. Было уже темно — сумерки накрыли землю и здания своим синим и туманным платком.

— А разве здесь, в совхозе, есть тир, кисонька? — продолжала дальше свой разговор с кошкой Рая. — Вот тогда мы с тобой постреляем. Ты знаешь, я неплохо работаю с ружьём. Вот отсюда куда бы я попала? Думаю, что в тот гвоздь без промаха... Да ты не туда смотришь, кисонька. Вон в тот гвоздь, что недалеко от телефона... ой!

Рая вдруг остановилась. Она испуганно присмотрелась, даже прикоснулась рукой к глазам: может, это ей грезится?.. Но странное явление заметила и кошка. Она встревоженно встала, шерсть ее вздыбилась, уши угрожающе прилегли к голове. Кошка нервно стала перебирать лапами, переступая с одной на другую.

На стене, на уровне плеч, висел телефонный аппарат. Обычный телефонный аппарат с никелированной трубкой. Под ним, недалеко от пола, была видна небольшая дырка, которая, видимо, осталась еще с того времени, когда через нее в лабораторию попали крысы. Но не на дырку смотрела Рая, широко и испуганно раскрыв глаза. Она смотрела на стену, на ее белую штукатурку, что заметно шевелилась и осыпалась маленькими кусочками. Казалось, кто-то сильный нажимал плечом на стену с той стороны. Часть штукатурки прямо над полом и старой небольшой дыркой изгибалась, вот-вот готовая упасть в комнату.

Рая не понимала ничего. Это было похоже на плохой сон. Может, выбежать из комнаты, позвать кого-то?.. Но, не успела она подумать, как от стены отвалился большой кусок штукатурки, и со стуком свалился на пол. Открылась большая черная дыра. И в ней...

— Ай!.. — неистово вскрикнула Рая.

Быстрым движением она вспрыгнула на стул, на котором сидела до этого. Схватившись обеими руками за ручку устройства, который двигало главную лампу генератора, словно прячась за нее, она прижалась к лампе, стараясь не двигаться, не дышать. Кошка тревожно глянула на нее зелеными глазами и присела на лапы, словно готовясь прыгнуть.

Там, в большом отверстии в стене, что-то шевелилось. Вот мелькнула словно чья-то морда, показалась лапа с когтями, что нащупывала дальнейший путь. Со стуком рухнул большой кусок

штукатурки. Теперь было ясно видно большую ужасную голову гигантской крысы, которая заглядывала в комнату, словно интересуясь: а что, мол, здесь делается?..

Однако, это происходило в течение всего лишь нескольких секунд. словно её кто-то сзади подтолкнул, крыса впрыгнула в комнату и остановилась возле проема. А в нем уже появилась голова второй крысы...

Рая замерла, почти не дыша. У неё, казалось, онемели руки и ноги. Она вообще-то не выносила ни мышей, ни крыс, она считала их за наимерзейших животных. Но никогда ещё они не казались ей такими отвратительными и страшными. Рая окаменела, и механически, как зачарованная, следила глазами за чудовищами.

Первая крыса быстро побежала вдоль стены, принохиваясь к воздуху. Она чего-то искала. За ней, выпрыгнув из проема, вдогонку побежала вторая. Крысы обежали комнату, заглянули на стол. В тишине был слышен только стук их когтей об пол. Пикнули в клетке испуганные крольчата. Крысы остановились возле клетки. Первая посмотрела внутрь. Вторая задержалась у клетки лишь на мгновение. Она нюхала углы, она опрокинула носом пустой мешок из-под облучённого зерна. Затем побежала дальше. Она что-то искала.

В свете лампы, висящей под потолком, была чётко видна её взъерошенная шерсть, её впалые бока. Очевидно, крыса была голодна. Маленькие глаза её злобно посматривали по сторонам. Но Раю она словно не замечала.

Первая крыса все еще сидела возле клетки, словно обдумывая что-то. Вторая вернулась обратно. Она, принохиваясь, подняла голову. Рая вздрогнула, она поняла, что крыса сейчас увидит её...

И вдруг, что-то быстрое и ловкое мелькнуло в воздухе. Большое животное с глухим стуком, молча упало прямо на спину второй крысе. Раздался дикий вопль перепуганной крысы. Крыса упала на живот, подогнув лапы. На её спине, вцепившись зубами в шею и обхватив туловище лапами, глубоко запуская острые когти, сидела кошка. Она рвала зубами шею крысы. Но это длилось лишь мгновение. Через две-три секунды крыса и сама вцепилась зубами в кошку.

Оба гигантских животных дрались молча. Лишь иногда раздавалось отрывистое рыканье. Серая шерсть кошки запачкалась

красной кровью — и не известно было, чья это кровь, ее самой или крысы.

Забыв об испуге, забыв о другой крысе, Рая увлеченно следила за дракой. Выдвигаясь из-за лампы, она готова была броситься на помощь кошке, если бы не сильнейшее отвращение к мерзкой дряни. Перебороть это отвращение Рая не могла. Сама мысль о том, чтобы дотронуться до крысы, вызывала у Раи отвращение такое сильное, что у неё дрожали руки, и она не способна была даже пошевелиться.

Два громадных животных бились насмерть. Казалось, кошка побеждала. Она была сверху, крыса уже хрипела, широкая струя крови стерала с её шеи. Рая воскликнула, забыв обо всём:

— Давай! Давай, кисонька, еще!..

И сразу же замолчала. Потому что в этот момент она увидела, как медленно выползала на середину лаборатории другая крыса. Глаза её горели, она смотрела не на драку своей товарки с кошкой, нет: взгляд крысы был направлен на Раю, которая высунулась из-за лампы.

Крыса приближалась. По тому, как она подгибала задние лапы, становилось понятно, что крыса готовится к прыжку. Рая побледнела. Но голова её работала лихорадочно: что делать?.. Как защититься?.. Ведь у неё нет никакого оружия... Она сильнее сжала ручки генераторного устройства — и в то же мгновение счастливо улыбнулась.

Не спуская глаз с крысы, которая, видимо, выбирала момент для прыжка, Рая одной рукой подвинула движок реостата, который регулировал напряжение, а, значит, и длину волны, до состояния, в котором генератор должен давать самую короткую, самую сильную волну в один миллиметр. С радостью Рая заметила, как сухо затрещали фиолетовые искры, срываясь с антенны, как запахло в воздухе озоном.

Крыса остановился. Они смотрели друг на друга — уродливое существо с взерошенной шерстью и горящими дикими глазами и золотоволосая девушка с бледным решительным лицом и сжатыми бескровными губами.

Молниеносно, как пружина, прыгнула крыса вверх, целясь прямо на Раю. Её длинное тело вытянулось в одну линию с отвратительным голым хвостом. Но не менее быстро Рая направила рефлектором на крысу палящие лучи, — совсем так, как если бы

Вони дивилися одно на одну—потворне створіння з скуйовдженою шерстю й палючими дикими очима і золотоволоса дівчина...

она хотела отбить нападение, защищаясь лампой. Раздался громкий вопль. Не долетев до Раи, крыса конвульсивно дернулась в сторону и упала на пол. Она дрожала всем телом, она терлась мордой об пол. Она противно пищала, она тыкалась обожжённым носом об стол.

Рая следила за ней. Она знала: убить чудовище лучами нельзя. До определенного времени, обжигая крысу, ей посчастливится отбивать нападения, но лишь до тех пор, пока крыса, крайне обожленная, не проскочит под экран. Может, поможет кошка?.. Но быстрый взгляд в ту сторону доказал, что огромный противник кошки, даже с разорванной шеей, не сдавался. Драка продолжалась. Что же делать?

Выбежать из комнаты она не успеет... позвать кого-то — но окно закрыто... позвонить по телефону, сообщить... но телефон на стене, до него далеко... И вновь счастливая мысль мелькнула в Раю. Держа одной рукой ручку устройства, второй Рая схватила со стола длинную линейку, которую Рома использовал для измерения роста коров. Этой линейкой Рая осторожно подняла крючок, на котором висела телефонная трубка... опустила его и снова подняла, в то же время следя за крысой, которая готовилась ко второму прыжку.

«Так... поднимать и опускать крючок... на станции увидят, что случилось что-то странное... мол, вызывают станцию, а не говорят... сигнал за сигналом...»

Эти мысли обрывочно пролетали в голове Раи. Но вот, крыса снова присела. Глаза её смотрели на Раю с яростью.

И вновь повторилось то же самое. Молниеносный прыжок, быстрое движение рефлектора, дикий вопль обожженного животного, так же упавшего вновь на пол... Рая еле держалась на ногах, она дрожала всем телом. Но почти механически, как машина, она продолжала поднимать и опускать палочкой крючок телефонного аппарата.

Первая крыса уже не сопротивлялась. Она лежала на полу, беспомощно дергая лапами. Кровь лилась из её ран. Но и кошка была тяжело ранена. Она сидела на полу,лизывая раны, поглядывая на вторую крысу. Напасть на неё кошка была уже не в состоянии.

«Неужели не обратят внимания?.. Неужели не заметят этих сигналов?..»

Крыса готовилась вновь прыгнуть. Тварь никак не могла догадаться просто подлезть вниз, под стол генератора, где лучи уже не достали бы ее. Новый прыжок, новый вскрик... Рая чувствовала, что она вот-вот потеряет сознание. Крыса упала близко от генератора, она лежала на расстоянии двух метров от Раи. Что делать? Где искать спасения?..

Рае показалось, что она слышит ужасный запах, исходящий от отвратительного чудовища. Голова шла кругом, все завертелось вокруг Раи, она с трудом удерживалась на стуле, держась за ручки. Крыса вновь подползала.

— Нет... я не могу больше...

Беззвучно Рая отпустила ручки и наклонила голову. Линейка упала из ее рук... пусть будет, что будет!

Она услышала, как тихо стучат лапы крысы. Чудище подползло к ней... сейчас... сейчас... оно бросится на неё...

И с трепетом Рая услышала новый непонятный шум и чей-то возглас:

— Так!.. Огонь!..

Громкий выстрел... еще... Рая заставила себя открыть глаза. В дверях стоял Олесь. Он держал ружьё, и из его дула еще поднимался голубой дымок. Крыса тряслась на полу, перевернувшись на спину. Кто-то взял Раю за руки. Она счастливо улыбнулась. Все поплыло в ее глазах, закачалось, перепуталось. Она успела еще сказать:

— А я думала, что... уже... не успеете... думала...

Не закончив фразы, Рая откинулась назад. Ее подхватили руки Ромы. За ним стоял Олесь. Оба были бледны. С антенны генератора все еще срывались и трещали сухие, фиолетовые искры.

Рая лежала без сознания, на руках товарищей.

11. ВЫВОДЫ ДАНИИЛА ЯКОВЛЕВИЧА

— Если бы мне такое приснилось — я не поверила бы, — сказала Анна Андрею Антоновичу.

Тот лишь покрутил головой: действительно, все происходящее приобретало совершенно невероятный характера. Старый Андрей Антонович много чего видел на своем веку. Более того, чудесное событие с его волосами якобы должно было сделать его окончательно сторонником научных достижений. И все-таки, — на его лице застыло удивление, — не меньшее, чем у Анны.

Да и было чему удивляться. Оба они стояли возле коровника, — там Анна бывала до того десятки раз, ни разу не оставаясь дольше, чем задерживали её дела. Андрей Антонович пришел сюда во второй раз. Однако — бывал же он до этого в коровниках?.. Что же случилось теперь?

Вот выбежала взволнованная Татьяна Гавриловна. На её лице был отчаяние. Она всплеснула руками:

— Просто не знаю, что и делать, Анна, — сказала она торопливо, — прибывает и прибывает. И когда остановится — неизвестно.

— А что говорит Рома? — спросила Анна.

— Он и сам растерялся. Говорит «это чертово излучение слишком мощное»... Говорит: «оно такое ак... акты..» никак не произнесу этого слова.

— Активное? — догадалась Анна.

— Ага, ага. Ак... активное. Оно самое. Ну что мне делать?.. И посуды свободной уже нет.

— Пусть в бочки сливают, — подал реплику Андрей Антонович.

— Придется, видимо, — и Татьяна Гавриловна побежала дальше, колыхаясь на ходу всем своим крепким, широким телом.

Андрей Антонович почесал нос:

— М-да, — сказал он задумчиво, — это, значит, целая за-гвоздка. Ну, пошли, может, его поубавилось...

— Эй, поберегись! — раздался около них возглас.

Двое рабочих везли на повозке несколько больших бидонов.

— Что, льет? — спросила у них Анна.

Они не ответили. Один из них только махнул рукой — не спрашивай, мол.

Странное зрелище в коровнике могло поразить любого. Одна за другой, в своих станках, стояли большие коровы. Нет, они не только казались большими, они действительно выросли за эти дни. Облучение точно пошло им на пользу. Но не в этом было дело. Около каждой коровы сидела доярка — и не было среди них ни одной, что не работала бы. Хотя, с другой стороны, это вряд ли можно было назвать настоящим доярским трудом.

Анна хорошо видела, как доярка, ближайшая к ней, только успевала дотрагиваться пальцами до сосков — и сразу же с сосков прыскала струйка густого молока. Доярка делала не больше десятка прикосновений — и подоюник был уже наполнен до краев, молоко стекало на землю. Тогда доярка кричала:

— Подоюник!.. Подоюник!

К ней подбегал рабочий с пустым подоюником, отбегал в сторону, сливал молоко с подоюника в бидон, — и стремглав летел туда, откуда доносилось новое отчаянное:

— Подоюник!.. Подоюник!

А коровы медленно жевали сено, время от времени поворачивая головы назад и удивленно, туманно поглядывая туда, где из их сосков вытекали реки молока. Коровы посматривали назад своими умными глазами, словно пытаясь убедиться, что кто-то следит за этим молочным взрывом, — и отворачивались вновь к яслям. Что они могли сделать еще? Ведь не в их воле было гигантская подоюнка.

Вдоль яслей промчался запыхавшийся Олесь. Он кричал:

— Воды!.. Воды давайте пить вволю... Пусть пьют, потому что иначе им может быть плохо.

Рабочие несли ведра с водой. Они подносили их коровам; те пили жадно, не отрываясь. Казалось, что вода, выпитая коровами, почти сразу же превращалась в них в густое молоко — и лилась из сосков в подоюники река молочная беспрерывно.

Анна поймала Олесь за полу пиджака:

— Что же будет дальше, товарищ Олесь? — спросила она.

— А разве я знаю? — отозвался тот. — Будет лить, пока не кончится действие. Сейчас, Аня, сейчас...

Он побежал дальше, заметив, что какая-то корова осталась без воды. Распорядившись и проследив, чтобы корове действительно

дали тотчас же большое ведро воды, Олесь вернулся обратно. Он заметил, что к Анне подошел Даниил Яковлевич. Директор задумчиво разглядывал, словно изучая, что происходило вокруг него. Он подошел к ближайшей корове, остановился около нее, положив руки за спину. Пальцы его перебирали пучок сена, он смотрел на корову неотрывно.

Анна и сама видела, как дрожала время от времени корова. Это дрожание начиналось около головы. Словно мощная волна возникала там, под блестящей чистой кожей коровы. Волна возникала там — и бежала дальше, по спине, по бокам коровы, которая не в силах была сдержать это дрожание. Что-то тревожило животное, — но она, не отрываясь, хватала сено, несколькими движениями мощных челюстей прожёвывала его и глотала, глотала. Время от времени корова тянулась к ведру с водой, выпивала с половиною его — и снова принималась хватать корм.

Это было почти страшно — это безостановочное уничтожение корма. Будто уже не животное стояло здесь, а какая-то усовершенствованная машина для преобразования сена и воды в непрерывную струю молока...

Анна услышала, как Олесь спросил у работницы:

— Измеряли температуру давно?

Та ответила со вздохом:

— Каждые полчаса меряем.

— Ну?

— Не проходит. Так и держится на сорок два градуса. Только у одной спала до сорока.

Наконец, Даниил Яковлевич повернулся. Лицо у него было гневное, глаза смотрели остро и непримиримо. Он посмотрел на Олесья.

— Да, голубчик мой, да, — проговорил он сердито, — что можешь сказать? Потеряли вы мне коров, а?..

Олесь пожал плечами:

— Я надеюсь, Даниил Яковлевич, что совсем не так. Мы не потеряли и не собираемся терять ничего. Я уверен, что все будет продолжаться не очень долго. Ведь больше коров никто не облучает. Должны остановиться...

— И ты видишь, как они корм жрут? Разве же так можно? Коровы не успевают ничего переварить... — Даниил Яковлевич сдвинул фуражку на затылок, что означало высшую степень волнения.

— И ты знаешь, что они не отрывают ничего, не испражняются? А?

— Значит, им не надо, — спокойно заметил Олесь..

— Как это не надо? — аж захлебнулся Даниил Яковлевич.

— Видите, мы всем им меряем температуру. Она держится пока на уровне сорока двух градусов...

— Что?.. — глаза Данилы Яковлевича заметно полезли на лоб.

— Да вы не волнуйтесь: это вполне закономерно. Ведь корова должна быть активизирована для такой страшной работы, для этих потоков молока? Вот высокая температура и дает ей эту активизацию. Я думаю, все это происходит так. Наше облучение очень и очень активизирует организм коровы. Видите, они дрожат?.. Это, я думаю, воздействие облучения на нервную систему. Корм жрут и почти не жуют?.. Понятно. Я должен предположить такое. Под воздействием УКВ сложный желудок коровы на всех своих участках вышел в своей деятельности на новый уровень. Понимаете?

— Ни черта не понимаю пока что.

— Ну, вот первый желудок, вместо того, чтобы пропитать соками еду и выбросить ее обратно на дальнейшее пережевывание жвачки, теперь сам переваривает и передает полупереваренную пищу второму желудку. Тот так же улучшил свою деятельность и делает теперь то, что раньше делал только третий желудок. И так, все участки желудочно-кишечного тракта. Пища проходит сквозь корову очень быстро, совсем другими темпами, чем раньше... И всему этому, конечно, помогает повышенная температура. Только надо успевать давать пить, это очень нужно, чтобы корова много пила сейчас. Вот я и слежу.

Директор заметно злился, но сдерживал себя. Почти спокойным голосом он спросил у Олесь:

— Но как оно, всё-таки, это случилось? Почему?

Олесь пожал плечами:

— Трудновато будет так сразу сказать...

— Опять ошибка? — еще строже прозвучал голос директора.

— Нет, не ошибка, — твердо ответил Олесь, — просто непредвиденные последствия опыта. Ну, вот с кроликами, например, все идет хорошо. После облучения они быстрее растут, быстрее плодятся, их шерсть густеет и становится более пуховой. С курами получилось немного сложнее, ибо кто же знал, что влия-

ние ультракоротких волн на кур локализуется именно на яйценоскости?.. Это мы узнали только тогда, когда увидели всё воочию. А до этого — кто мог предвидеть? Ни один исследователь в мире...

Даниил Яковлевич угрожающе сдвинул плечами:

— А надо так, чтобы знали.

— Для этого мы и делаем опыты, Даниил Яковлевич, чтобы потом все знали, — строго ответил Олесь. — Если бы, например, не получилось у нас той неприятности с крысами, мы бы не знали о том, какой могучей силой является наше облучённое зерно, если его давать в пищу животным. Или не так?

Даниил Яковлевич промолчал, а Олесь говорил дальше:

— Вот так и здесь. Теперь мы знаем, что влияние ультракоротких волн на коров не ограничивается только тем, что они вырастают, крепчают, что ли... Нет, мы знаем...

— И видим собственными глазами, — перебил его Даниил Яковлевич.

— Да, и видим собственными глазами, — спокойно согласился Олесь, — что эффект ультракоротких волн на коров прямо сказывается на их молочной продуктивности. Будто здесь сконцентрировалась вся сила наших ультракоротких волн — в коровьем вымени... Это мы уже выяснили. Теперь, уже эмпирически, выясним, какова продолжительность этой активизации. И в дальнейшем будем влиять уже не так интенсивно, а осторожнее.

Даниил Яковлевич словно этого и ждал:

— Вот, вот, вот! Именно об этом и говорю. «Осторожнее». Чудесное слово, кто понимает. И кто не понимает, тоже, потому что должны понимать. А ты, например, понимаешь, что все это очень опасно?.. Я, братец, всей душой, можно сказать, за ваши исследования. Это, по моему мнению, чрезвычайная штука, ваши волны, лучи и всякая там чертовщина. Но... но я против того, чтобы вы действовали поспешно. Ну, взяли бы себе там какую-то одну корову — и облучали её. А то — смотри — добрый десяток коров мне так активизировали, что и сами теперь не знаете, что с ними делать. Так? И ты мне шарики не крути, а скажи, так или не так?

— Ну, так.

— И без твоего «ну», все равно будет так. Вот я и говорю: может, вы мне этих коров полностью уже испортили? Может, они

так и будут давать реки молока, пока не умрут от этого? Разве ты можешь ответить на этот вопрос?

— Точно не могу, но все данные говорят...

— Зачем мне твои данные? Мне коровы нужны, а не данные. Твои данные тебе и про крыс ничего не говорили. Ну, хорошо, что нам повезло с теми крысами расправиться. Однако, никто не уверен, что там, в подполье, еще не осталось нескольких таких чудовищ.

— Они бы вылезли, Даниил Яковлевич, — вмешалась Анна, — им же нечего там есть.

— А ты молчи, — прикрикнул на нее директор, — ты вот лучше мне с курами разделийся. Ишь, какая!.. Так вот, я и говорю: мне за коров отвечать придется, а не вам. Вы вот своё дело сделали, а потом мне придётся получать всякие неожиданные последствия, отдуваться за них...

Олесь обиделся:

— Неправда, Даниил Яковлевич. Мы так же несем ответственность. И помогаем ликвидировать сложные случаи. Вот, видите, это мы решили давать коровам воды вволю...

— Чтобы больше молока вытекало из них? Спасибо вам.

— Нет, не для того, чтобы компенсировать корове потерю влаги. Ведь сейчас нельзя остановить этот поток, он может истощить животное. А мы ее кормим, поем, — и всё остается на месте.

— На месте, на месте, — проворчал Даниил Яковлевич, немало успокаиваясь.

Мимо них все еще проносили бидоны с молоком, вносили обратно пустые. Прошла смена доярок — и через несколько минут вышла уставшая предыдущая смена. Одна из доярок, проходя мимо директора, полушутя заметила:

— Премию, товарищ директор, готовьте. Вон сколько молока выдоили, уж счет потеряли!

— Подожди, подожди, — так же шутливо отозвался Даниил Яковлевич. — Я еще не знаю, прибыли это будут, или затраты. Правда, Олесь?

— Я уверен, что прибыли.

— Ну, ладно. Подсчитаем потом. Только ты имей в виду, я своих выводов еще не сделал, — уже серьезно добавил Даниил Яковлевич и вышел из коровника.

За ним следом двинулся и Андрей Антонович, который всё время внимательно слушал разговор, не пропуская ни одного слова.

— Андрей Антонович, куда же вы? — крикнул Олесь. — Скажите лучше, как ваши волосы? Все в порядке?

Андрей Антонович вернулся. Лицо его было недовольным.

— Да чего там, — ответил он мрачно, — я слушал здесь тебя, слушал...

— Ну так что же?

— И получается, что мои волосы должны будут скоро выпать.

— Почему? — Олесь даже удивился.

— Ну ты же говоришь, что всё это очень кратковременное... И молоко это, и всё, что лучи делают... так вот, видимо, так и с волосами моим будет.

Старик был так расстроен, что Олесь рассмеялся. Рассмеялась и Анна. Соседняя корова оглянулась, встревоженная этим взрывом молодого заливистого смеха, посмотрела, недовольно качнула головой — и вернулась вновь к яслям; не стоит, мол, обращать внимания...

— Э, нет, Андрей Антонович, — еле пересилил смех Олесь, — это совсем облысения не касается. А в крайнем случае, если что-то случилось, мы всегда можем дооблучать вашу голову.

— Да вы всегда что-то придумаете...

Старик, сохраняя на лице подчеркнутое недовольство, ушел. Очевидно, он все-таки не верил объяснением Олесь.

Все еще улыбаясь, Олесь обратился к Анне;

— Вы Мистера Питерса не видели?

— Нет, — ответила она, — он все время сидит у себя в лаборатории. Меня просил прийти в третьем часу — что-то показать хочет. А кстати, сколько сейчас?

— Так вы уже опоздали. Потому что уже четверть пятого.

— Ой! — почти вскрикнула Анна. — Он будет ругаться... Побегу!

Она даже изобразила на своем красивом лице испуг, хоть глаза её смеялись. Словно спеша, она кивнула Олесью головой и быстро пошла прочь. Олесь посмотрел ей вслед.

— Так он и осмелится ругать тебя, — подумал он иронично, — еще увидим, кто из вас кого будет ругать, в конце концов... Ой,

кажется мне, засыпался на этот раз наш уважаемый связист... Это все равно, как я с Раей, насколько я разбираюсь в медицине.

Он качнул головой и вернулся к делам: за состоянием коров надо было внимательно следить, потому что и вправду какая-нибудь ошибка с кормлением могла плохо отразиться на скоте. Однако, увидев Рому, обессиленного вконец заботами, он обратился к нему:

— Как ты думаешь, Рома, с крысами покончено?

— Не понимаю...

— Ну, вот, всех мы уничтожили, или могут еще появиться?

Рома подумал:

— Мне кажется, всех. Ты подсчитай сам. Три крысы тогда сбежали из крольчатника на чердак, помнишь?

— Три.

— Ты убил двух, когда мы прибежали в лабораторию на помощь Рае?

— Собственно, не двух, а одну. Потому что первую без моего участия загрызла кошка. И заплатила за это своей жизнью. Рая скучает — просто ужас. Говорит, меня кошка спасла, а сама потом от ран умерла...

— Ну, ладно. Значит, убили двух из трёх. А вчера сторож возле склепа застрелил ещё одну. Вот и всё. А более мы зерна не рассыпали... я, по крайней мере, — насмешливо добавил он, намекая, что история с крысами возникла из-за халатности Олесь.

— Ну, ладно, ладно. Иди уже, разноцветный, — парировал Олесь, имея в виду разный цвет лица Ромы: — И когда уже ты до конца облучишься?..

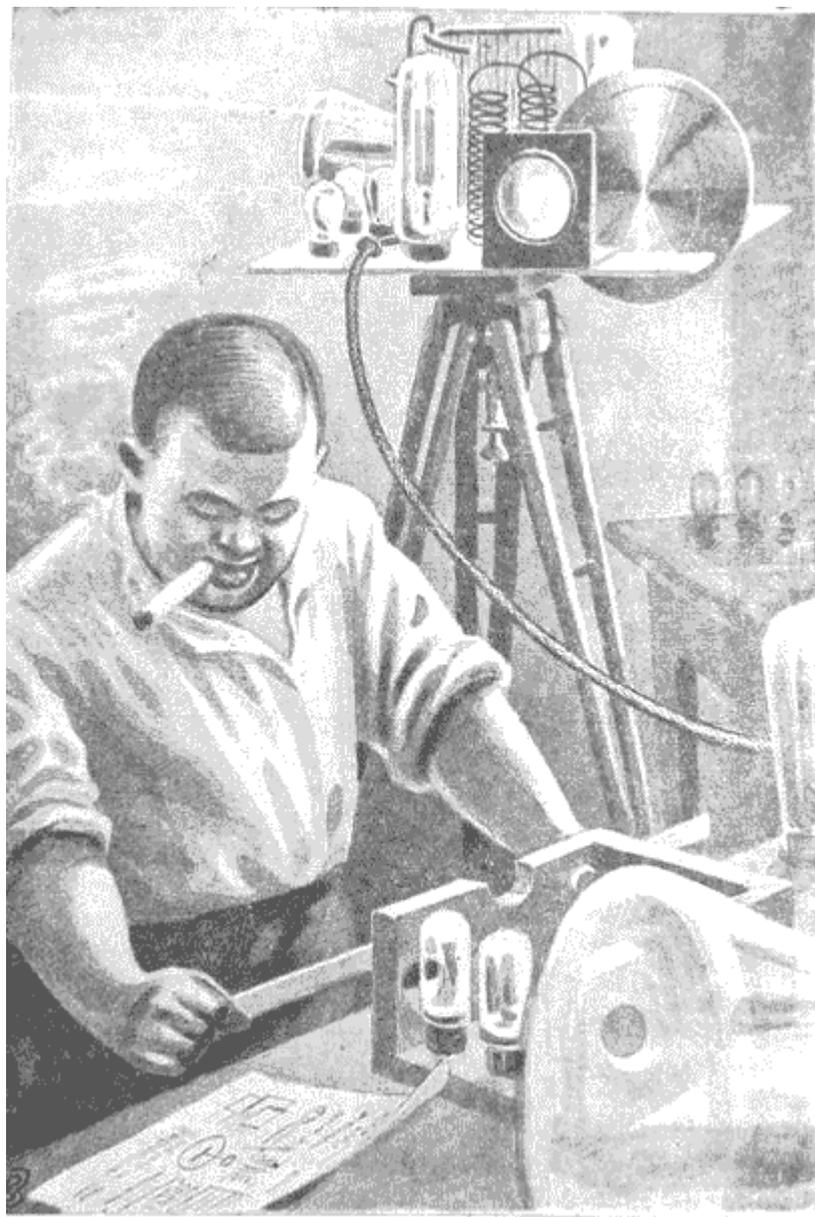
— И тебя не спрошу, — гордо ответил Рома.

— Иди, иди... там тебе Татьяна Гавриловна сметанки приговорила, — услышал Рома последний укол от Олесь.

Но на это он не счёл нужным отвечать.

Между прочим, вовсе не следует думать, что такой обмен приветливыми фразами означает ссору или что-то подобное ей. Отнюдь. Это был просто товарищеский обмен шутками, своего рода веселая разговорная гимнастика. И всё. И Олесь, и Рома расстались теми, кем и были — лучшими друзьями.

Вот если бы на месте кого-то из них был Мистер Питерс, — о, дело могло бы повернуться иначе. Потому вспыльчивый электротехник, он же и бригадир нашей бригады, — частенько забывал

Великий новий апарат стояв у кутку лабораторії...

пределы шуток и взрывался, как вулкан. Однако, Мистера Питерса здесь не было. Он сидел в лаборатории и старательно собирал, монтировал какой-то сложный прибор. Новый генератор? — уже думает читатель. Нет, нет: достаточно и старого. Еще никто, ни мы с вами, ни целая бригада молодых исследователей, ни директор Даниил Яковлевич, ни даже сам старый мудрый Андрей Антонович — не знали всех свойств этого генератора. Следовательно, это не новый генератор, а нечто другое.

Большой новый аппарат стоял в углу лаборатории — как раз там, где светлым пятном были заметны следы заштукатуренного отверстия, проделанного гигантскими крысами. Аппарат стоял на особой треноге. С него на комнату смотрел широкий стеклянный глаз, словно это был сложный фотографический прибор. Но не было здесь ни затвора, ни чего-то другого, что характеризовало бы этот прибор, как фотоаппарат. Наоборот, большие электронные лампы, какие-то медные дуги, ручки, странной формы стеклянные баллоны, которые напоминали причудливые груши, — все это говорило о том, что новый аппарат, безусловно, имел определенное отношение к радиотехнике.

Видимо, этот сложный аппарат был уже совсем готов. Соединен толстыми проводами с генератором, соединенный медными проводами с газотронными лампами, — он не привлекал внимания Мистера Питерса, он даже не поглядывал в его сторону. Бригадир склонился над столом, где стояло что-то другое. Мистер Питерс уже закончил основное монтирование и теперь с измерительными приборами в руках последний раз проверял все соединения между отдельными деталями аппарата. Даже не глядя на его радостное лицо, а только услышав его тихое мурлыканье, увидев вьющиеся кольца дыма, которые он выпускал в воздух после каждого хорошо сделанного этапа работы, — можно было точно понять, что бригадир уже довел дело до победного конца.

Так оно и было в действительности. Несколько дней напряженного труда дали результаты. Собственно — разве можно говорить о каких-то «несколько днях»?.. Далеко не так. Идею этих аппаратов Мистер Питерс носил в своем сердце уже достаточно давно. Но чтобы осуществить эту идею, ему не хватало самого генератора, который теперь стал уже знакомой и опробованной — правда, совсем ещё не до конца — машиной. Только чудесный

генератор позволил осуществиться давним смелым мечтам. Однако, что же это были за аппараты?

Мистер Питерс поднялся. С наслаждением он расправил усталую спину, потянулся. Положил на стол недокуренную сигарету: из нее еще поднималась вверх тоненькая синяя струйка пахучего дыма. Мистер Питерс посмотрел на часы: было уже четверть четвертого. Он посмотрел в окно, перевел взгляд на дверь, недовольно поджал губы. Казалось, он кого-то ждал. Но кого?

Не будем нескромными, забудем на минуту разговор, который велся между Олесем и черноокою Анной. Сделаем вид, будто мы ничего не знаем. Тем более, что Мистер Питерс, этот вдохновенный изобретатель и конструктор, создатель чудесного генератора и новых еще неизвестных аппаратов, — этот надменный Мистер Питерс уже сел у стола в позе человека, которому что-то очень неприятно. Глаза его наполнились грустью, пальцы нервно крутили какой-то винтик, забытая сигарета додымливала на столе. Что поделаешь — даже великие, гениальные люди подвержены общечеловеческим чувствам. И мы уверены — когда подруга железного Цезаря опаздывала, задерживаясь где-то, и появлялась на четверть часа позже назначенного срока, великий Цезарь, гроза человечества, так же сидел у окна с грустным выражением глаз и считал долгие, тягучие минуты. А если он не смотрел при этом на стрелки часов, то это, может, потому, что в его времена еще не было часов со стрелками. У Мистера Питерса часы были; следовательно, он использовал их по стандартной программе поведения влюбленного мужчины — смотрел на циферблат и удивлялся, как медленно ползет по ним стрелка...

Как и должно быть в таких случаях, дверь в лабораторию открылась именно тогда, когда Мистер Питерс уже перестал ждать, решив уже, что она не придет. Но «она» пришла. Она вбежала в лабораторию, запыхавшись; она покраснелась, она смотрела на него с виноватым видом. Мистер Питерс имел все основания сердиться; он мог встретить ее суровым взглядом, укоризненно. Однако... почему-то он не способен был сделать такое. Он просто порывисто поднялся; на лице его сияла радостная улыбка. Он забормотал:

— Ну... вот... вот я хочу вам показать... вот...

— Чуть не опоздала, — не совсем последовательно ответила ему Анна, — спешила, спешила...

— Да нет, совсем не опоздали, нет, — сдал свои последние позиции Мистер Питерс. — Я вот только что закончил работу. Только успел закурить — и вы уже здесь.

Удивительно, между прочим, идет разговор между двумя людьми, которым многое надо сказать друг другу!.. Вот — встретились, в конце концов, каждый готовился, обдумывал, взвешивал: так надо будет сказать, и так, рассказать то, спросить об этом и это. И стоят друг против друга, с растерянными мыслями, говоря совсем не о том, а о каких-то второ- и третьестепенных вещах. И, сказав несколько слов, вновь смолкают, ища, о чем бы поговорить.

А все возможные темы разговора забыты, а вспомнить о них некому, а разговор хромает, останавливаясь каждую минуту... Потому что — о чем говорить, когда напротив тебя сияют ласковые глаза, тебе улыбается очаровательное лицо, тебе цветут алые лепестки губ?..

И кто знает, сколько бы еще тянулась эта странная и захватывающая беседа, если бы случайно Анна не обратила внимания на аппараты, что стояли на столе:

— А это что? — спросила она.

Мистер Питерс почувствовал твердую почву под ногами.

— Это — моя новая конструкция. Это, Аннушка, чрезвычайная вещь. Я уверен, что вы такого еще не видели.

Анна усмехнулась:

— Опять что-то облучать?.. Знайте, Даниил Яковлевич ругается. Всё о молоке.

— Да ничего, всё станет на своё место, — рассеянно отмахнулся Мистер Питерс. — Нет, Аннушка, это совсем не то. Здесь мы никого и ничего облучать не будем. С помощью этих приборов мы будем видеть на расстоянии. Вот что.

Анна посмотрела на него удивленно:

— А разве я сейчас не вижу вас на расстоянии?..

— Нет, нет, не то. Вот, мы пойдем куда-нибудь, взяв с собой этот небольшой ящик, — указал Мистер Питерс на прибор, стоявший на столе. — А этот, — указал он на большой аппарат, который стоял в углу лаборатории, — включим, уходя. И тогда вот на этом экране ящика, который мы взяли с собой, мы увидим всё, что происходит здесь, в лаборатории. Андерстенд-ю, понимаете?

Очевидно, разговор про новые аппараты окончательно направил Мистера Питерса на его обычные рельсы, что он даже употребил английское выражение. Однако, Анне это не помогло. Она посмотрела на него широко открытыми глазами и ответила чисто-сердечно:

— Нет, не понимаю...

— Так это же очень просто. Ну, вот этот большой прибор в углу, что смотрит прямо в комнату своим объективом, будет пересылать изображения. Те картинки, которые попадают в его, так сказать, глаза. А этот аппарат будет принимать их. Будет проецировать на экран. И все. Понимаете теперь, Анечка?

— Нет, — вздохнула она. — Мне очень неприятно, что я такая бестолочь, но... но я ничего не понимаю...

Лицо Анны было такое печальное, что Мистер Питерс не выдержал:

— Не так, не так. Не вы бестолочь, а я. Вот дурак, не умею как следует объяснять! Что бы такое сделать?

Глаза его перебегали с одного предмета в лаборатории к другому, словно ища помощи. Наконец, он решился.

— Слушайте, Аннушка, давайте мы пойдем куда-нибудь, взяв с собой этот телевизор.

— Как?

— Телевизор, прибор, который принимает изображение. Будем смотреть, что он будет показывать нам. А, тем временем, я вам все объясню. Оно на практике лучше получится... Сейчас, сейчас!

Мистер Питерс включил генератор, повернул какие-то ручки на приборе, что стоял в углу. Анна с интересом следила за его движениями. Большие лампы на приборе засияли ровным оранжевым светом. В одной из причудливых стеклянных груш что-то переливалось — словно разреженное голубое пламя. Оно играло, оно плескалось в тонких стеклянных стенках, омывая их изнутри. Это походило на красивый фокус. Тем временем, Мистер Питерс регулировал прибор, поворачивая его ручки, реостаты, катушки:

— Сейчас, сейчас, — бормотал он, — одну минутку...

Пламя в груше переливалось. Оно плескалось вверх, оно медленно меняло свой цвет на более светлый, оно становилось почти белым с едва заметным голубоватым оттенком. Наконец, пламя успокоилось. Оно выбросило в сторону тоненький огненный язы-

чок, который, вибрируя, застыл на широком боку груши. Он то стоял спокойно, то молниеносно пробежал по стеклу, рисуя на нем сложный, тонкий и красивый узор.

Мистер Питерс повернулся к Анне:

— Готово! Пошли.

Он взял второй прибор, и они вышли из лаборатории. Уже в коридоре Анна остановилась и спросила неуверенно:

— А дверь вы не будете запирасть? Ведь кто-то может войти и помешать?..

— Так это же мне и нужно, чтобы кто-то вошел. Мы с вами всё увидим — и кто войдет, и что он будет делать в лаборатории, — весело ответил Мистер Питерс. — Однако, куда бы нам пойти?.. Чтобы недалеко и никто не мешал?.. А, пойдем в клуб. Там сейчас никого нет. Правда?

— Правда, — согласилась Анна.

Однако, дойти до клуба без помех им не повезло. У дверей клуба их встретил грозный Даниил Яковлевич. Фуражка его была глубоко надвинута, выражение лица было подчеркнуто строгое. С ним был Олесь, — мрачный и усталый. Даниил Яковлевич что-то говорил Олесю, но, увидев Мистера Питерса, обратился к нему:

— Ага, и ты, голубчик мой, здесь. Так вот, слушайте вместе мои выводы.

А так как Мистер Питерс на него удивленно посмотрел, мол, выводы? — Даниил Яковлевич добавил:

— Вы, друзья мои, слишком запальчивые. Вам подавай, если опыт, так сразу — в огромном масштабе! Как облупить, — так всё подряд. Нет, чтобы всё как следует испытать, проверить! Достаточно! Вон, коровы достаточно попробовали вашу систему, до сих пор никак не успокаиваются, льют молоко, как угорелые. Мы обсудили все это, и решили окончательно; никаких экспериментов без моего разрешения на каждый раз. Я так без скота останусь, вот что. Понятно?

Олесь виновато опустил голову. Спорить было нельзя. Это почувствовал и Мистер Питерс: действительно, увлеклись... Он честно ответил:

— Понятно. Так и будет, Даниил Яковлевич. Только...

— Что?

— Только со временем вы увидите, что всё будет, как следует...

— В этом я и без тебя уверен. Эка, Америку открыл. Нет, ты мне сделай всё, как следует — и без всяких там недоразумений, ошибок, или как там ты, Олесь, говорил?.. Без непредвиденных последствий? Так, так. Ну, идите. А это что? — обратил он внимание на телевизор.

— Так, один прибор — неохотно ответил Мистер Питерс.

— Облучать что-то? — подозрительно спросил Даниил Якоиич.

Брови его угрожающе сдвинулись.

— Нет, нет, — успокоил его Мистер Питерс, — это для связи.

— Ну, так-то, смотри мне. А Ивану Петровичу я сегодня же письмо напишу обо всём, — пригрозил Даниил Яковлевич.

Однако, Мистер Питерс уже будто не слышал ничего: он спешил в клуб, осторожно неся телевизор.

12. ТЕЛЕВИДЕНИЕ И ДИАЛЕКТИКА

Андрей Антонович согласился. Он долго слушал своего собеседника — старика Потапыча, сторожа совхоза. Того самого Потапыча, который уже не раз с завистью поглядывал на восхитительные волосы Андрея Антоновича, не один раз внимательно слушал авторитетные объяснения владельца кудрявой шевелюры по этому поводу — и не один раз горько качал головой, не понимая ничего. О чем именно просил Потапыч Андрея Антоновича, — мы не знаем. Известно лишь, что Андрей Антонович отказывался уже не раз и не два. Однако, Потапыч настойчиво продолжал упрашивать. Состоялся такой разговор:

— Пойди, попроси кого-нибудь из них, — серьёзно посоветовал Андрей Антонович.

— Ишь, стыдно мне, — возразил Потапыч, смущенно поглаживая лысину.

— Но они хорошие ребята...

— Не с руки оно мне, просить их, — вел свое Потапыч.

— Нет, и не моё это дело.

Потапыч хитро прищурил левый глаз:

— А моя старая такие вареники готовит, то-то-то... И ждет тебя, ей-право...

— Нет... черт побери.

Однако, Потапыч заметил определенное изменение интонации.

— Она, слышь, Антонович, говорит, и водки немного припасла...

Андрей Антонович мечтательно прикрыл глаза; м-да, дело серьезное, ничего не скажешь. Рюмочка водки под вареники — это такое обстоятельство, которое многое может перевесить...

Беседа продолжалась, поэтому, не очень долго. Андрей Антонович, все еще не соглашаясь и изображая стойкую непреклонность, заметил:

— Не знаю, что с тобой и делать... Разве что, пойдём, посмотрим. Там увидим...

Вот, вследствие чего, ровно в пять часов этого дня Андрей Антонович и сторож Потапыч шли рядышком, о чем-то таин-

ственно шепчась. Они шли к лаборатории. Именно тогда увидел их Рома, который спешил куда-то по своим делам. Рукав его пиджака был залит молоком, глаза уставшие.

— Татьяну Гавриловну не видели, Андрей Антонович? — спросил он на ходу.

— Нет. А вы разве сейчас не работаете там, в лаборатории? Прибраться бы надо, — отозвался Андрей Антонович.

— Да нет, где там работать... Можете прибраться, — ответил Рома уже издали.

Андрей Антонович повернулся к Потапычу:

— И что мне с тобой делать? Слышишь, не работают они...

Но Потапыч даже обрадовался этому сообщению:

— Да идем уже, идем...

Казалось, он аж дрожал от ожидания. А Рома уже мчался дальше. Татьяны Гавриловны не было нигде. Вместо нее Рома увидел впереди себя Раю, что шла куда-то с книжкой. Он догнал ее:

— Как дела, Рая? Как чувствуете себя? А я замотался с этими коровами.

— А, это вы, Рома? — Рая подняла глаза на Рому — и сразу громко рассмеялась:

— Кто это вас так обработал, Рома?..

Она смеялась громко и весело, глядя на Рому. Тот растерялся. Он осмотрел себя, свой костюм и неуверенно пояснил:

— Да я же говорю, что очень замотался... вот и... облился молоком... бидон переносил.

— Нет, я не о том, не о том... — Рая еле сдержала смех. — Где это вы так лицо себе покрасили?

Рома схватился руками за щеку:

— Разве измазался?

— Ой, опять не то. Смотрите, одна половина лица загорелая, аж коричневая. А вторая белая-белая... ой, я не могу, ой!..

Рома вспомнил. Так, он до сих пор не успел облучить вторую половину лица. Совсем забыл. И удивительно — никто в сегодняшней суматохе не замечал этого, кроме одного Олеса. Надо же так, чтобы попасться с разноцветным лицом на глаза Раи — и чтобы она это заметила... Вот ведь не везет!

— Раечка, это я тогда... ну, вот, когда вы облучались, тогда же и я... только не успел, чертовы крысы помешали, — лепетал Рома,

— я сейчас же доделаю... вот, отыщу Татьяну Гавриловну, и побегу в лабораторию...

Но Рая не слушала, ее душил смех. Она взглянула еще раз на сконфуженное разноцветное лицо Ромы, рассмеялась еще больше, беспомощно махнула рукой и ушла. Плечи ее вздрагивали от смеха.

Рома смотрел ей вслед и терзался. Ну зачем он тогда начал это? Почему не закончил, начав? Окончательно скомпрометировал себя в глазах золотоволосой Раи... Было, поднял свои акции, спасая Раю от крыс, — ведь она была так благодарна, такая ласкова! — а теперь, вот, снова все потеряно... Нет! Дальше так продолжаться не может. Вот сейчас он отыщет Татьяну Гавриловну, скажет ей, что ему срочно надо — и помчится в лабораторию. Быстрее, быстрее...

И, прикрывая рукой белую сторону лица, Рома помчался дальше, имея своей окончательной целью лабораторию и генератор.

Так развивались события, пока Мистер Питерс с Анной устраивались в одной из комнат клуба. Они выбрали комнату в стороне от зала. Здесь стоял приемник и отсюда вечерами техник транслировал в зал радиомузыку. Мистер Питерс поставил телевизор на стол:

— Вот, сейчас увидите всё, Анна. Сейчас я включу его — и увидите. И поймете. Садитесь пока. И смотрите внимательно.

Последний призыв был, безусловно, необязательным, потому что Анна, крайне заинтересованная, и без того не отводила взгляда от нового аппарата. Он напоминал радиоприемник: лампы, катушки, сложные и запутанные соединения проводов, ручки настройки. А поперек всего аппарата лежала длинная стеклянная груша, нечто вроде стеклянного конуса, направленного широкой частью к наблюдателю. Дно груши было непрозрачное, на него был нанесен слой какой-то сверкающей краски.

Мистер Питерс, налаживая прибор, показал Анне на дно конуса.

— Вот сюда смотрите, Анна. Это — усовершенствованная трубка Брауна. Именно здесь, на дне этой трубки, этой груши, — мы и будем видеть всё, что происходит в лаборатории.

— Вот, в этом стекле?

— Ага, ага. Смотрите.

Еще несколько загадочных для Анны манипуляций — и в приборе засияли лампы. В широкой части стеклянного конуса появился свет. Неяркий луч возник в горловине груши и уперся в стеклянное дно. Мистер Питерс, поглядывая на него, повернул ручку. Неяркий луч резко дернулся в сторону, он стал колебаться быстрее, быстрее — и его словно не стало. Бегая по стеклянному дну груши, его световое пятно сначала выписало несколько кривых линий, затем всё слилось в дрожащий световой туман. На стеклянном дне образовался светлый прямоугольник. По нему что-то плыло, какие-то неясные очертания, какие-то тени. Всё это дрожало и колебалось.

Анна не отводила глаз. Вьющиеся черные пряди её волос упало ей на лоб, но она не замечала этого. Странное зрелище было перед ней.

Тени и неясные очертания, которые плавали в прямоугольнике, замерли. Вот, посередине прямоугольника Анна узнала знакомые черты генератора, что стоял в лаборатории. Так, так, так, вот и искры, что слетают с антенны... За генератором видны были закрытые двери. Вот стол, на нем в лаборатории они облучали кур и цыплят... Действительно, это пустая лаборатория, где они несколько минут назад были, разговаривали, откуда они пошли сюда... Изображение светилось ровным оранжевым светом, оно было небольшое — всего сантиметров десять высотой и сантиметров пятнадцать в ширину. Но, даром что этот размер был небольшой, все вещи, все черты были видны четко и ярко. Изображение слегка дрожало, время от времени по нему пробегали какие-то тени — словно облачка. Анна пристально всматривалась, словно зачарованная. Ее глаза заметили на столе перед генератором недокуренную сигарету. Анна всплеснула удивленно руками:

— Слушайте, это же... это я не знаю что... да вы просто волшебник, Мистер Питерс... да нет, мне грезится... этого не может быть!

— Если вы видите, значит, может быть, — резонно ответил ей Мистер Питерс. — Ничего удивительного. Просто — сеанс телевидения, видение радио на расстоянии. Новое здесь — разве что усовершенствованная конструкция, да еще и то обстоятельство, что вещи, которые мы с вами видим, никто специально не освещает. Это, так называемое, простое телевидение.

Он пытался говорить спокойно, словно и вправду всё это было вполне обычным явлением. Он и сам был в восторге от своего нового аппарата, который давал такой блестящий эффект.

— Но — как же все это получается? Чтобы видеть то, что делается там... не понимаю... — грустно сказала Анна.

Мистер Питерс рассмеялся: столько удивления было в голосе Анны.

— Знаете что, — предложил он, — сейчас в лаборатории никого нет. Давайте, я пока попробую объяснить вам всё это. Хотите?

Анна обрадованно согласилась — и Мистер Питерс начал, поглядывая на светлое изображение в прямоугольнике.

— Вам приходилось, Аннушка, видеть различные рисунки в журналах и газетах? Замечали ли вы, как именно сделаны эти рисунки? Обращали ли вы когда-нибудь внимание на то, что рисунки эти не сплошные, а составлены из отдельных точек или даже квадратиков? Присмотритесь — и вы в этом убедитесь. Каждый рисунок обычной, чёрно-белой, печати составлен из черных и белых точек, скажем иначе — из черных и белых элементов. Если вы смотрите на изображение, на такой рисунок, не присматриваясь, то вы не замечаете этих точек, этих элементов. Они все сливаются для глаз в сплошной рисунок — так воспринимает их наш глаз.

— А на фотографиях — там нет этих точек, там и вправду сплошное изображение, — заметила Анна.

— Практически так, — улыбнулся Мистер Питерс, — но должен вас разочаровать, потому что фотография так же состоит из отдельных светлых и темных точек, элементов. Только это ещё более незаметно для нашего глаза, потому что фотографические элементы совсем микроскопические.

— Вот как... — проговорила Анна.

— Так, так. Вот, каждое изображение, каждый рисунок можно разбить на определенное количество таких точек или элементов нужной нам величины. Мы можем разбить изображение на большие элементы, на квадратики — и тогда этот рисунок покажется нам грубым, некрасивым. Разобьем на большее количество элементов, но соответственно уменьшим эти элементы — и глаз примет такой рисунок, как красивый, тонко сделанный.

— Хорошо. Но при чем здесь радио?

Тим часом Андрій Антонович скерував рефлектор на голову Потопича.

— А вот при чем. Моя установка там, в лаборатории, с помощью особого диска разбивает всё, что находится перед ее объективом, на отдельные элементы. На маленькие светлые и темные пятна, точки. Не сразу, а постепенно. Диск быстро вращается — и во время каждого вращения выхватывает из общего изображения только отдельную точку. В зависимости от этого генератор, связанный с прибором, пересылает нам сюда сильный или слабый импульс колебаний: светлая точка — сильный импульс, темная точка — и импульс слабый. Понимаете?

— По... понимаю, — нерешительно ответила Анна.

— Ну, вот. А этот мой прибор, сочетающий свойства приемника и телевизора, улавливает те колебания, усиливает их. Вы видели, как в груше бегал неяркий световой луч?.. Так вот, он движется в зависимости от колебаний, которые мы получаем от генератора. И сила его, яркость тоже от этого зависит. Луч очень быстро бежит по дну груши, и оставляет на ней световые полосы, сложенные из тех же точек, как их видит там, в лаборатории, объектив моего передаточного аппарата. А наш глаз не успевает запомнить все отдельные точки и полосы. Они в нашем глазу сливаются в сплошное изображение — совершенно так же, как в кино. Там вы видите отдельные кадры, но глаз воспринимает их как сплошное движущееся изображение. Так и здесь. Всё вполне объяснимо, не так ли?

Анна не то, чтобы всё поняла. Но представить себе кое-что она смогла. Она раскрыла губы, чтобы ответить, но глаза её за-сверкали, и она указала на прямоугольник.

— Смотрите... кто-то там, в лаборатории, есть!

Действительно, в прямоугольнике было ярко видно, как кто-то осторожно открывает дверь лаборатории. Через несколько секунд показалась чья-то голова, оглянулась. Убедившись, что в лаборатории никого нет, человек вошел в комнату и рукой поманил ко-го-то ещё. Он повернулся лицом к генератору...

— Да это же наш Андрей Антонович! — радостно воскликнул Мистер Питерс. — Видимо, убираться пришел.

Но Андрей Антонович (потому что это, действительно, был именно он) и не собирался убираться. Он внимательно посмотрел на генератор, кивнул головой и огляделся еще. За ним вошел еще человек. Это был...

— Наш сторож Потапыч, — сообщила теперь уже Анна. — Но как же ярко всё видно.

— Будьте уверены, — ответил Мистер Питерс. — Однако — что же они будут делать? Зачем Андрей Антонович привел сюда его?

Потапыч снял шапку. Странная лысина была у этого человека... Верхняя часть головы была совершенно лысая, как колено. Но с обеих сторон и сзади остались длинные пряди волос. Кокетливый сторож зачесывал их с обеих сторон и сзади вверх так, что они прикрывали собой лысину. Не присматриваясь внимательно, глядя издали, можно было и не заметить проплешины — так искусно и старательно маскировал её теми прядями Потапыч. Но сейчас он, очевидно, забыл думать о причёске.

Таинственным жестом Андрей Антонович указал Потапычу на стул возле стола. Тот сел. Андрей Антонович сказал ему что-то. Потапыч, соглашаясь, запустил руку в причёску и растрепал её. Более того, он аккуратно отпустил пряди на их естественное место, полностью открыв блестящую розовую лысину. Потом он наклонил голову к генератору — и так замер. А Андрей Антонович подошел к генератору и взялся за ручки управления рефлектором.

— Ой! — вскрикнул Мистер Питерс. — Это же он его голову просвечивать хочет... А генератор настроен на очень короткую волну... Он сожжет ему кожу, спасайте!..

Тем временем, Андрей Антонович направил рефлектор на голову Потапыча; видно было, как тот встревоженно подпрыгнул: видимо, лучи, действительно, припекали. Однако, Андрей Антонович важно движением руки заставил Потапыча сесть обратно. Он что-то сказал ему. Потапыч покорно сел, но всё время ёжился, словно его поливали горячей водой. А Андрей Антонович старательно направлял на него рефлектор.

Анна, превозмогая смех, проговорила:

— Это получается, Андрей Антонович хочет, чтобы и у Потапыча на лысине новые волосы выросли... Ой, блин, как интересно!

— Подождите, как бы это не закончилось плохо, — ответил Мистер Питерс. — Ведь он не знает ни экспозиции...

— Чего?

— Необходимого времени облучения. Не знает он и уровня активности волн такой длины... Ну, так я и знал.

Потапыч резко подпрыгнул и встал на ноги. На лице у него была гримаса боли. Онтряс головой, и длинные пряди его волос поднялись вверх и так застыли, словно пытаясь оторваться от головы. Андрей Антонович смущенно замер около рефлектора. Он что-то говорил Потапычу, но тот не слушал, размахивая руками и подпрыгивая. Видимо, боль все увеличивалась. А длинные пряди крутились в воздухе, как наэлектризованные.

— Ай! — испуганно вскрикнула Анна.

И они увидели, как одна длинная прядь отделилась от головы Потапыча и поплыла в воздухе куда-то к стене.

Андрей Антонович остолбенело смотрел на это зрелище, а Потапыч, не в состоянии, видно, терпеть дальше боль в обожжённой голове, схватился за нее обеими руками. Но тут же он аж присел. Лицо его застыло в гримасе удивления, смешанного с испугом и болью. В руках он держал пряди волос, которые легко отделились от головы и остались в его руках. Они просто выпали из кожи. Руки Потапыча беспомощно потеряли между пальцами эти пряди, отпустили их: волосы упали на пол, Потапыч снова схватился за голову. Он ощупал её быстрыми стремительными движениями. И везде, где он прикасался, выпадали волосы. Через несколько секунд вся его голова блестела — на ней не осталось ни одного волоса. Потапыч стал окончательно лысым.

Анна, казалось, потеряла способность говорить. Пораженная, она молча смотрела на странное событие, которое происходило перед ней, в рамке светлого прямоугольника. Мистер Питерс скручивал сигарету. Он видел, как Потапыч со сжатыми кулаками бросился на испуганного Андрея Антоновича, как тот вскочил со стула и побежал к двери лаборатории. Разъярённый Потапыч бежал за ним. Еще секунды две — и оба исчезли. Лаборатория опустела. Лишь пряди волос на полу были свидетельством того, что только что произошло в ней.

Светлый прямоугольник телевизора сиял равнодушным оранжевым светом...

13. ДВЕ СТОРОНЫ МЕДАЛИ

— Ага, вы здесь? Ну, наконец-то я вас нашел, — услышали они голос Олесья, что вошел в комнату. — А я вас искал-искал. Хорошо, что заведующий клубом сказал мне, что вы пошли сюда. Ты знаешь, Мистер Питерс, что дело с коровами, по счастью, заканчивается.

— Как?

— Реки молока уже уменьшились почти втрое, скоро все встанет на место. Я так рад... Однако, что это с вами такое?.. Чего вы такие, словно чего-то объелись? Что случилось? А это что за новая установка? Ну, ответьте, пожалуйста!

— Телевизор, — коротко ответил Мистер Питерс.

— Хм... ну, хорошо... Вот, получается, что ты его делал в последнее время?

— Ну, да.

— Ладно. Что же, не получилось, что ли? Чего ты так скупно отвечаешь, словно каждое слово у тебя дороже золота?

Мистер Питерс рассказал Олесью кратко о том, чему они с Анной были свидетелями. Олесь даже присвистнул:

— Здорово!.. Эти пряжи, что, лежат там на полу?.. Хм... Интересно, что и говорить. Между прочим, это у тебя настоящая победа, Мистер Питерс, этот твой телевизор. Такая четкость изображения, такая четкость — просто и слов нет.

Впервые со времени странного происшествия Мистер Питерс слабо улыбнулся. Видя это, робко улыбнулась и Анна. Она посмотрела на одного, на другого и спросила:

— Но почему всё это случилось? Как же это получилось так, что волосы у бедного Потапыча вылезли, а у кроликов они, наоборот, растут?.. Да хоть бы и у Андрея Антоновича — совсем другое действие было?..

Мистер Питерс пожал плечами:

— Различные экспозиции, разные длины волны.

А так как Анна только заморгала глазами от такого исчерпывающего объяснения, он добавил:

— Анечка, биологическая сторона дела — не моя специальность, честное слово, не моя. Пусть Олесь вам выяснит. Он же работал над этим вместе с Раей...

Анна повернулась к Олеся Притворно-грустным тоном она сказала:

— Может, вы что-то объясните мне? Ну ничего, ничегошеньки я не понимаю...

— Дело осложняется тем, Анна, — сказал Олесь, — что я и сам, как следует, не знаю этого. Хорошо, я охотно поделюсь с вами моими мыслями, однако, предупреждаю: всё это лишь мои предположения на основании того, что мне удалось узнать и услышать раньше.

— Ну, а я не знаю и этого, — уже совсем весело отозвалась Анна, — давайте, давайте, рассказывайте!

Олесь начал:

— Наши ультракороткие волны, или, как я назвал бы их — сверх-ультракороткие волны, потому что они уже выходят за пределы тех излучений, которые наука называла до сих пор ультракороткими, — очень неизученное, просто загадочное явление. Их влияние, как вы знаете, еще не изучено. Мы можем только предполагать, что это воздействие очень активное, значительно более активное, чем у обычных ультракоротких волн. Но и там, в обычных УКВ, мы еще многого не знаем...

— Тоже мне, знатоки, — иронично сказала Анна.

— Ничего не поделаешь. Много чего есть на свете, что мы еще не изучили, как следует. Для этого и над этим мы и работаем. Так вот, каждое явление можно рассматривать с разных сторон. Каждое явление может давать различные эффекты — в зависимости от обстоятельств. Водой можно напиться, но в воде так же легко и утонуть. Огонь обогревает нас, варит нам еду, растапливает нам металлы, — но тот же огонь во время пожара разрушает наши дома и сжигает всё, что найдет на своем пути. Согласны с этим?..

— Да, приходится согласиться...

— Ну, так же и с теми явлениями, которые мы изучаем. Рентгеновским лучом обследуют и лечат больных — и это мощный фактор нашей современной медицины, не говоря уже об использовании лучей в технике. Однако, то же самое рентгеновское излучение было причиной того, что пальцы исследователей, которые работали с ним, леча больных, покрывались ужасными язвами вплоть до того, что исследователи были вынуждены ампутировать себе конечности. Слышали о таком?

— Кое-что слышала, — ответила Анна, внимательно слушала Олесю.

— Итак, рентгеновское излучение влияет по-разному — в зависимости от того, какое время оно действует на организм. Как влияют наши ультракороткие волны? По-разному, в зависимости и от времени облучения и от длины волны (чем короче волна, тем активнее воздействие), и от мощности генератора, или, как мы говорим, от напряженности поля, в котором находится облучаемый объект. Установить взаимодействие всех этих факторов — и есть наша задача.

— Выходит, вы действительно очень мало знаете? — вновь иронично заметила Анна.

Олесь усмехнулся:

— Ну, все-таки значительно больше, чем другие наши товарищи-исследователи, которые тоже изучают совсем новые, только что открытые излучения. Вот, скажем, лучи Гурвича. Знаете, что это такое? Так называемые митогенетичные лучи?.. Нет?.. Это лучи, которые излучает, по гипотезе ученого Гурвича, каждое живое существо. Гурвич наблюдал это излучение от корешков молодого лука. И он установил, что это излучение активно влияет на другие растения. Скажем, он направляет эти лучи на ростки другого растения, и побеги другого растения растут значительно быстрее, чем контрольные, что росли рядом, но на которые не производилось воздействие лучами. Интересно?

— Да, конечно...

— Так вот, вряд ли сам Гурвич смог бы вам сказать что-то вполне проверенное не только о свойствах его митогенетичных лучей, но и вообще о природе его. Потому что это еще не установлено.

— Ты Расскажи ей еще об излучении умирающего существа, — заметил Мистер Питерс, с удовольствием наблюдая, с каким интересом слушала Анна экспромтного лектора. — Расскажи ей о лучах смерти...

— Что такое? — широко открыла глаза Анна. — Какие ещё лучи смерти?..

— Нет, не совсем так. Лучами смерти мы привыкли называть, с легкой руки изобретателя Мэтьюса, такое излучение, которое убивает всё на своем пути. Добавим — якобы убивает. Потому что все газетные сообщения об этом очень походили на выдумку.

А Мистер Питерс имеет в виду совсем другое: излучение умирающим существом неизвестных колебаний. Это явление открыто нашими советскими учеными. Самый простой опыт в этой отрасли ставится так. Берут культуру дрожжей, рядом с ней ставят особую фотопластинку. И если прилить к культуре дрожжей какой-либо яд, убивающий дрожжи, — на пластинке появляются следы неизвестного излучения. А по отдельности, ни дрожжи, ни яд — таких следов не дают. Что это за излучение — пока не знает никто...

— Ой, как интересно, — задумчиво проговорила Анна, — нет, действительно, много еще тайн в природе...

— И все-таки, Олесь, возвращайся к нашим делам. Ведь, таким образом, ещё сколько хочешь времени можно говорить о научных новостях, — подал реплику Мистер Питерс.

Мы не знаем, может, и в самом деле хотелось ему держать разговор в рамках радиотехники. Однако, подозрительным было то, что Мистер Питерс начал как-то неодобрительно поглядывать на румянец, покрывший щеки Анны, которая с интересом слушала Олесья. А если добавить, что и Олесь сам как будто с удовольствием смотрел в глубину черных глаз, что следили за каждым движением его губ, — то мы можем простить Мистеру Питерсу некоторую грубость его реплики. В конце концов, пусть тот, кто без вины, первый бросит в него камень. Мы, лично, отказываемся это сделать.

Олесь удивленно посмотрел на Мистера Питерса, но сдержался. Он спокойно продолжал:

— Вот, и с нашими лучами так же. Мы далеко не всё еще знаем о них. Но я уверен, что в определенных условиях от нашего генератора можно получить совершенно противоположные воздействия. Вот, например. Я облучаю зерно. Активизирую его, оно будет прорасти быстрее, обильнее, оно под влиянием наших лучей словно заряжается новой и мощной жизненной энергией. Так. А, вместе с тем, — все вредители, которые были в зерне, за то же самое время умирают. Для нашей цели это, конечно, очень хорошо. Но почему луч активизирует зерно, одновременно убивая вредителей, которые прячутся в зерне?.. Ну, Анна, догадайтесь.

Анна беспомощно взглянула на Мистера Питерса:

— Наверное, потому, что... что эти маленькие вредители...

И она вся покраснела, и даже опустила вниз глаза.

Мистер Питерс даже крякнул с досады: ну зачем я попросил этого парня прочитать ей лекцию? Однако, Олесь уже обрадованно отвечал Анне:

— Да, да, хоть и не совсем научно сказано, но, по сути, — правильно. Именно потому, что эти вредители — микроскопические, маленькие, а экспозиция и другие факторы облучения подобраны так, чтобы воздействовать на более крупные вещи. Мы облучаем зерно, в среднем, полминуты. В течение первых нескольких секунд зерно почти не замечает этого воздействия. Но бактерии, микроорганизмы, споры вредителей — уже заметили; кратковременное облучение в течение нескольких секунд их активизировало. И, если бы мы, на тех нескольких секундах, остановили действие лучей, — все те бактерии, микроорганизмы и споры вредителей активизировались бы, приобрели новую могучую жизненную энергию. Но мы этого не делаем, мы облучаем зерно дальше. И дальнейшее влияние ультракоротких волн уже не активизирует микроорганизмы. Он начинает их убивать. Они умирают один за другим. И когда мы подходим к концу нашей экспозиции, к концу срока просвечивания зерна, то все вредные микроорганизмы, не выдержав воздействия ультракоротких волн, убиты. Здорово?..

Анна аж подпрыгнула:

— Чудесно! Понимаю, понимаю. И если бы мы дальше просвечивали наше зерно, более предназначенного для него срока, оно так же погибло бы. Правда?

— Совершенно верно, — ответил Олесь.

Анна даже в ладоши захлопала:

— Ой, как теперь все понятно... Ну, дальше, дальше!

— Если бы мы продолжали облучение зерна, то оно сначала нагрелось бы, потом сварилось и умерло. Это вы правильно решили, Анна. Ну, вот теперь перейдем и к лысине нашего Андрея Антоновича. Рома, как мы знаем, просветил ее ультракороткими лучами. Но он сделал это в допустимых пределах. Лучи активизировали кожу, активизировали старые волосяные луковички в коже, которые уже не могли, потеряли способность выращивать волосы. После облучения луковички вновь начали работу. Они выпустили из себя волосинки — и бесплодная лысина Андрея Антоновича покрылась новой великолепной шевелюрой.

— Это лишь твое предположение, — мрачно прервал его Мистер Питерс.

— Дай другое, если моё тебя не удовлетворяет, — рассеянно ответил Олесь.

Но Мистер Питерс решил больше не вмешиваться в это дело и отвернулся к телевизору, что-то налаживая в нём. Олесь подмигнул Анне, которая ответила ему поощряющей улыбкой, и продолжал:

— Что произошло бы, если бы Рома не остановил облучение, и продолжал бы его дольше?.. Активизированные луковички получили бы слишком большую дозу облучения, и умерли бы. Явление превратилось бы в свою противоположность. Диалектика, Анна, ничего не поделаешь. Именно так и получилось с нашим бедным Потапычем. Андрей Антонович хотел помочь ему — помочь хорошо. Случайно он попал на очень короткую волну, одну из самых активных волн нашего генератора. Сколько там было, Мистер Питерс? — обратился Олесь к бригадиру.

— Около девяти миллиметров, — ответил тот, не отвлекаясь от телевизора.

— Вот, я так и думал. Это очень активная волна. А, кроме того, Андрей Антонович решил «покрепче» просветить лысину приятеля. И держал того, пока он не отскочил сам. Что вышло? Мощные лучи, вместо того, чтобы активизировать луковички, убили их. Не только не выросли новые волосы, но и все старые выпали. Опять-таки, диалектика, явление превратилось в свою противоположность. В том-то и заключаются главные трудности нашей работы, Анна, что нам надо всё время держаться в определенных пределах. А где эти границы — можно установить только на практике...

Анна кивнула, соглашаясь — и сразу же рассмеялась звонко и весело:

— Вот так и с коровами!.. Ха-ха-ха, не удержались в определенных пределах — и пошли бедные коровки лить молоко... ха-ха-ха!..

— Ну да, с коровами, конечно, мы немного переборщили. Но теперь мы твёрдо знаем, где и на что локализуется влияние ультракоротких волн на коров.

— А с крысами что было? — не унималась Анна.

Очевидно, ей не терпелось получить ответы на все не решённые до сих пор вопросы.

Мистер Питерс искоса взглянул на Олеся: «ну, мол, это же полностью твоих рук дело». Однако, он ничего не сказал. Примите это за знак дружеской деликатности.

Действительно, Олесь немного поморщился. Напоминание о крысах отнюдь не воодушевило его. А впрочем, он, быстро взяв себя в руки, уже отвечал:

— С крысами, Анна, очень загадочная история. Здесь, как говорится, настоящая «терра инкогнита», неизвестные края науки. Видите ли, я опять-таки могу сделать определенные предположения. Но, насколько они будут соответствовать действительности, — не знаю. Во всяком случае, правильность их гарантировать не могу. Хотите слушать при таких условиях?

— Хочу, хочу. Лучше уж знать догадки, чем совсем ничего...

— Ну, слушайте. Придется начать немного издалека. Вы о ультрафиолетовых лучах что-нибудь слышали?

— Конечно. Это такой свет, что от него человек делается загорелый.

— Да, так. Ультрафиолет пигментирует нашу кожу. И он же — очень нужен всему организму, потому что без него человек болеет. У детей, например, развивается рахит. Вы же слышали, что детей, больных рахитом, облучают ультрафиолетовыми лучами из так называемых кварцевых ламп? Ну, так у некоторых ученых есть такое мнение, что этот пигмент, который возникает в коже под влиянием ультрафиолетовых лучей, и есть запас энергии ультрафиолетовых лучей, которые делает для себя наш организм. Один ученый, по имени Шпитерс, сделал такой опыт. Он взял два растения. Оставил их расти в темноте. Как вы знаете, в полной темноте растут растения очень плохо, они бледные, хилые... И вот, одно из тех растений ученый поливал обычной водой, а вторую — водой, которую перед этим некоторое время просвечивали ультрафиолетовыми лучами. Что же вышло? Растение, которое поливалось обычной водой, было бледное и слабое. А растение, которое поливали водой, облучённой ультрафиолетом, росло почти как под светом — быстрее и лучше. Правда, оно тоже было бледновато. Но — может быть, это зависело, говорил ученый, лишь от того, что ему не удалось получить необходимую концентрацию ультрафиолетовых лучей в воде.

— Ну, так что же из того?

— Самое интересным здесь является предположение, что вода словно собирает в себе энергию ультрафиолетовых лучей, как бы аккумулирует её. Отсюда — один шаг и до моего предположения.

— А именно? — не терпелось Анне.

И вновь, Мистер Питерс недовольно отметил необычную заинтересованность Анны, что не сводила глаз с оратора.

— Сейчас, сейчас, — ответил Олесь. — Как вы знаете, крысы гипертрофировались, так гигантски выросли из-за того, что наелись облучённого зерна. Ведь их самих никто, кажется, не облучал, не так ли? Как же могло зерно так повлиять на крыс? Вспоминая предыдущие рассуждения по поводу влияния ультрафиолетовой воды на растения, — я так объясняю себе механику этого события. Мы просветили ультракороткими лучами зерно. Оно аккумулировало в себе энергию этого луча. Крысы, съев зерно, ввели себе в организм вместе с ним и аккумулированную энергию. А это принципиально не отличается от того, как если бы они были непосредственно облучены нашим генератором. Вот последствия этого мы и увидели собственными глазами. Увидели в виде таких гигантских крыс, что на них нам пришлось охотиться... Зато теперь мы знаем, что энергия нашего ультракоротких лучей активно запасается в том объекте, который мы облучаем.

— Выводы: не ешьте облучённых продуктов, потому что это будет равносильно тому, что вас самих облучили под генератором... Так, товарищ лектор? — полусерьезно спросила Анна.

— Не совсем так, — засмеялся Олесь. — Более точно надо сказать вот как: не нажирайтесь, как крысы, облучённых недавно продуктов.

Рассмеялась и Анна, а Мистер Питерс добавил:

— Мы с вами, по моему мнению, пережили какой-то вариант фантастического рассказа Уэллса, под названием «Пища богов». Там какой-то ученый, — кажется, профессор Бенсингтон, — изобрел удивительное вещество, гераклеофорбию. И, поев этого вещества, все живые существа превратились в гигантов. Люди, насекомые, животные, птицы... К счастью, у нас все это закончилось значительно легче, чем у Уэллса. Однако, смотрите: вот, кажется, кто-то еще входит в лабораторию.

Действительно, спокойствие, царившее до сих пор на оранжевом прямоугольнике телевизора, нарушилось. Олесь воскликнул:

Очевидно, це було не дуже приємно для нього,
бо він кривився, морщився.

— Вот и я теперь увижу хоть что-то. А то даже обидно было:
вижу все время только неподвижные предметы...

— Например, меня... — подколола его Анна.

— Да нет, я не вас имел в виду... ой, да это же наш Рома! Что
же он будет делать?..

Было чётко видно. В лабораторию вбежал Рома. Видимо, он очень спешил. Он оглянулся, схватил щетку и начал чистить свой пиджак, на котором были белые пятна.

— Это от молока, — прошептала Анна.

Рома быстрыми движениями чистил пиджак. Длинные его руки молниеносными движениями мелькали в воздухе. Вот он размахнулся слишком широко, стукнулся рукой об стол. Щетка упала на пол. Рома махнул рукой, потер ее об пиджак, видимо, больно ударился. Наклонился за щеткой. Поднимая ее, заметил на полу нечто странное. Взял в руки, держа двумя пальцами. Это были выпавшие пряди волос старика Потапыча. Рома удивленно осмотрел прядь со всех сторон, непонятно пожал плечами, бросил снова на пол. Его длинная неуклюжая фигура исчезла из поля зрения телевизора: видимо, он отошел к окну.

— Чего он хочет?.. — сказал Мистер Питерс.

Но вот, Рома вновь появился в прямоугольнике. Он держал перед собой небольшое зеркальце. Подняв лицо, он разглядывал, внимательно осматривал свои щеки.

— Слушайте, у него же разноцветное лицо! — вскрикнула Анна. — А может, это шутки вашего телевизора, Мистер Питерс?

— Машины никогда не шутят, — серьезно ответил тот, — сейчас убедитесь в этом.

Так, не ошибаясь можно было сделать вывод, что у Ромы одна сторона лица была темнее — и значительно! — другой. Именно это и рассматривал Рома. Он то подносил зеркальце ближе, то, наоборот, отдалял его. Глаза его смотрели печально. Наконец, он положил зеркальце и подошёл ближе к генератору. Внимательно посмотрел на измерительные приборы. Покрутил головой и взялся за движок реостата, который регулировал длину волны.

— Э, друг, так мы можем дальше ничего не увидеть, — проговорил Мистер Питерс. — Ведь мой приемник настроен достаточно точно...

Он схватился за ручки настройки. И действительно, было уже поздно, потому что изображение в телевизоре начало расплываться, все очертания утрачивали свою чёткость, словно затягиваясь густым туманом. Немного повертев ручки, — Мистер Питерс добился того, что изображение вновь успокоилось. Однако, теперь оно было уже не такое четкое. Что-то изменилось, что-то мешало...

— Что такое? — спросил Олесь.

— Видишь ли, Рома же не знает, что мы наблюдаем все его движения, он и не подозревает, что генератор работает сейчас для телевидения. Очевидно, ему нужна более длинная волна... вот, сейчас скажу тебе, какая именно...

Мистер Питерс посмотрел на указатели...

— Около восьми сантиметров. Это очень спокойная волна. Такую он задал генератору. Ну, мне и пришлось быстро перестроиться. Но на этой волне пересылка и прием изображения идет хуже... Смотрите, что он делает? Он облучает себя...

Так, Рома героически подставил лучам левую сторону своего лица, — ту самую, незагорелую. Очевидно, это было не очень приятно для него, потому что он морщился, морщился. Но терпел.

— Это он хочет загореть, — рассмеялся Олесь. — Ну и интересные вещи открывает нам твой телевизор, Мистер Питерс!

В тот же миг Рома резко отпрянул в сторону. Он держался рукой за левую сторону лица и оглядывался.

— Что такое? Неужели и он диалектически обжегся? — полу-серьёзно, полухутия проговорила Анна.

— Нет, что-то не то, — ответил Олесь, вглядываясь в прямоугольник.

— Ему что-то помешало, — добавил после паузы Мистер Питерс.

Они увидели, как Рома быстро подбежал к телефонному аппарату и схватил трубку. Он слушал то, что ему говорили по телефону — и лицо его становилось серьёзным. Он несколько раз кивнул головой, потом что-то переспросил — и вновь кивнул головой. А дослушав до конца, Рома бросил трубку обратно на рычаг аппарата, и бросился к столу, к генератору.

— Что случилось? — заинтересованно проговорил Олесь.

Ответить ему не успел никто. Рома схватился рукой за главный рубильник генератора. И сразу все образы, все тени, всё изображение исчезло с оранжевого прямоугольника телевизора, который светился теперь ровным, спокойным светом.

Анна удивленно посмотрела на Мистера Питерса:

— Что это такое?

— Проще не может быть. Рома куда-то спешит из лаборатории — и выключил, уходя, генератор, чтобы он зря не работал.

Вполне правильно. Ведь он же не знает, что нам генератор нужен для телевидения...

— Но что же такое случилось? Почему он бросил облучение, не закончив его, и побежал куда-то?

— Этого я не знаю, так же, как и вы. Однако, сейчас узнаем. Идите, я догоню вас, только вот выключу телевизор, — сказал Мистер Питерс.

Однако, как только Анна и Олесь вышли, Мистер Питерс вдруг бросил телевизор и побежал к окну, ожидая появления их на улице. И вот что он увидел: Анна что-то весело говорила Олесю, кокетничая, поглядывала на него, улыбалась. А этот вероломный товарищ нежно взял ее за руку и держал в своей, не выпуская. И Анна, черноглазая предательница Анна, не отнимала своей руки. Наоборот, она весело смеялась и заглядывала в глаза Олесю.

Худшие предчувствия Мистера Питерса сбывались. Он вернулся от окна к телевизору, incapable больше видеть это зрелище. Мысли его пугались. Наконец, он выпрямился, энергично выключил телевизор, поднял руку:

— Иф-ю-вонт, плиз. Если вы желаете, прошу. Фор-ми ит-из нот-интерестинг. Мне это даже неинтересно. Ол- райт. Хорошо.

И, произнеся целую тираду английских выражений и добавив к ним, по привычке, переводы, Мистер Питерс решительным шагом вышел из клуба.

14. НЕОЖИДАННАЯ РАЗЛУКА

Конечно, Роме не повезло. Ну, скажите: почему именно он оказался в лаборатории, когда зазвонил телефон?.. Или, иначе: почему телефон зазвонил именно тогда, когда Рома наконец получил возможность облучить себя, и тем самым положить конец любым насмешкам и злословиям по поводу его разноцветного лица?.. Этого не знает никто. «Стечение обстоятельств», — ответит один. «Случай, просто случай», — скажет второй. Рома соглашается; однако — первый раз, когда он уже просвечивал себя, — ему так же помешали известием о крысах. Тоже случай?.. Простите, как говорил в анекдоте скептик-студент: упал один раз с колокольни и не разбился — случай; упал второй раз и не разбился — опять случай. Но, когда ты упал в третий раз и не разбился — это уже не случай. Это, простите, соединение системы и опыта... Короче, — это уже привычка.

Что и говорить, Рома имел большой опыт, большую привычку относительно осуществления системы, которую он кратко охарактеризовал двумя словами:

— Не везёт!

А впрочем, пусть этими вопросами занимаются специалисты-психологи. Это не наше дело. Мы продолжаем следить за чудесными событиями, что все шире развивались вокруг знаменитого генератора Мистера Питерса. Скажем просто: даже и причина, которая не дала Роме закончить облученилица, в основе своей имела связь с генератором. И связь довольно тесную.

Правда, мы еще не знаем, что это был за разговор по телефону, что именно услышал Рома, и почему он немедленно выключил генератор и побежал прочь из лаборатории. Чтобы узнать это, нам придется прислушаться к взволнованному голосу Ромы, который, встретив во дворе Олеся с Анной, набросился на них:

— Где вы бродите? Когда надо кого-то, то и не найдешь... А Мистер Питерс где?

— Постой, что случилось? Говори, как следует, — попытался успокоить его Олесь.

Анна с интересом смотрела на Рому: да, лицо у него действительно было двухцветное. Но Рома не замечал ничего:

— Ничего не случилось, если не считать того, что только в лабораторию звонил сам Иван Петрович Антохин.

— Антохин? Зачем?

Теперь очередь удивляться была за Олесем. Однако, вот Рома уже оставил его и бросился к Мистеру Питерсу, шедшему из клуба.

— Привет, Мистер Питерс. Слушай: только что звонил Антохин...

— Иван Петрович? — удивленно переспросил Мистер Питерс.

— Да. Я говорил с ним из лаборатории. Я там облучался... кхм... делал один опыт, а он и позвонил...

Рома почему-то сконфуженно почесал левую щеку. Анна отвернула лицо в сторону, пряча улыбку.

— Ну?

— Ну, и сказал, что он уже едет сюда, в совхоз. Сказал, что у него важные дела — главное, к тебе. Чтобы ты ждал. Понимаешь?

Мистер Питерс склонил голову вправо, словно проверяя какие-то свои мысли, и ответил:

— Ол-райт. Хорошо. Ит-вил-би-е-нюс. Это будут какие-то новости.

Как видим, к знаменитому бригадиру уже вернулся его обычный настрой. Он даже не смотрел в сторону Анны, которая вновь искала его взгляда. Но Мистер Питерс сказал Роме:

— Пойдем в лабораторию, — и пошел себе.

Анна растерянно смотрела ему вслед. Олесь дотронулся до ее руки:

— Чего это он такой мрачный?

Анна не повернула головы. Она удивленно и грустно смотрела туда, куда исчез за углом Мистер Питерс. Действительно, она не понимала, в чем дело. Только что шутил, все было в порядке. И внезапно, такая перемена...

А академик Иван Петрович Антохин мчался к совхозу в автомобиле. Он держал в руках свою неизменную палочку с толстой ручкой, покручивал ее и о чем-то напряженно думал. Автомобиль мчался на полной скорости. Ветер свистел в ушах академика. Наконец, шофер сказал:

— Вот он, совхоз, приехали.

Первым, кого увидел Иван Петрович, был старый его приятель Андрей Антонович. Он стоял у ворот без шапки. Ветер развевал его кудри. Иван Петрович протер себе глаза. Автомобиль остановился. Иван Петрович смотрел на кудри Андрея Антоновича. Почтенный академик не верил в чудеса, он искал в своем мозгу разумные объяснения странным изменениям облика старого сторожа.

— Э... э, здравствуйте, Андрей Антонович, — проговорил он наконец, выходя из автомобиля и забыв почему-то привычную формулу приветствия со старым знакомцем.

Глаза его не видели ничего, кроме буйной шевелюры Андрея Антоновича.

— Здравствуйте, Иван Петрович, — вежливо поклонился тот.

— Э... как чувствуете себя?.. — еще раз поздоровался Антохин, обходя вокруг Андрея Антоновича и осматривая со всех сторон.

— Спасибо, хорошо, Иван Петрович, — ответил старик.

— А это... это что же у вас? — наконец осмелился спросить Иван Петрович, указывая пальцем на голову старика.

Андрей Антонович заметно растерялся:

— Это, Иван Петрович... — начал он, колеблясь.

Но его спас Олесь, который быстро подошел к Антохину:

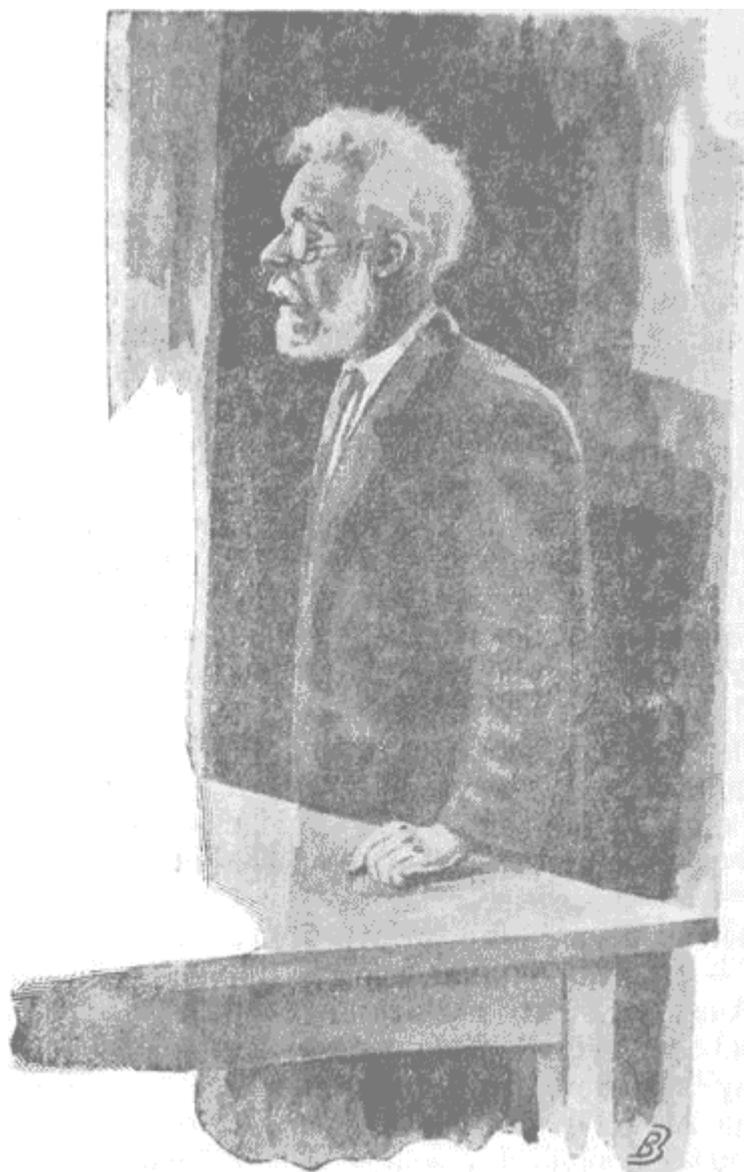
— А мы вас ждем, Иван Петрович. Здравствуйте. Что, на новые волосы Андрея Антоновича смотрите?.. Да, да, это мы ему сделали. Да вы пойдите, посмотрите, что здесь в совхозе вообще сделано. Просто фантастика, честное слово, фантастика...

Академик посмотрел на него, на Андрея Антоновича, вновь на Олесья.

— Так, — сказал он, — да, действительно, что-то очень интересное...

... Несколько часов провел Иван Петрович Антохин в совхозе «Победа», знакомясь с результатами работы бригады. Он внимательно слушал то, что рассказывал ему директор Даниил Яковлевич, спрашивал его про отдельные детали работы. А потом попросил оставить его с Мистером Питерсом наедине: мол, надо кое-что обсудить. Вместе с ним Антохин заперся в лаборатории. И, когда он входил туда, лицо его было очень серьезное.

О содержании этого разговора не знал никто. Олесь только руками развел, когда Рая спросила его.

Справді, Антохін, ледве до лабораторії з'явилися всі запрошені, почав говорити.

— Не знаю, не знаю ничего, — сказал он. — Что-то важное...

Через час Андрей Антонович, вызванный Антохиным, торжественно пригласил в лаборатории всех:

— Иван Петрович просят... Так что, пожалуйста, в лабораторию. Они что-то хотят сказать.

Действительно, Антохин, как только в лаборатории появились все приглашенные, начал говорить:

— Должен сразу же проинформировать вас, товарищи, о некоторых изменениях. Прежде всего, отмечу, что бригада, которая работала здесь, в совхозе «Победа», с новым ультракоротковолновым генератором, увлекшись изучением влияния УКВ на живые существа, подошла к этому недостаточно серьезно. Опыты были поставлены несистемно, последствия этих опытов не были предварительно изучены в необходимом объеме, как того требует особая важность исследований для народного хозяйства...

— Вот, сразу и разносит, — прошептал Роме Олесь.

— Молчи, он всё-таки прав, — сердито ответил Рома.

— Давайте перечислим работы бригады, — продолжал Антохин. — Облучение зерна прошло более-менее хорошо. Но, разве не позор для серьезных исследователей этот случай с крысами, который дал следствием ужасное явление гигантизма?.. Хорошо, что удалось сразу же ликвидировать всех крыс. А что могло бы получиться из этого? Размножение гигантских крыс могло бы, в будущем, обернуться просто-таки стихийным бедствием... Так. Возьмем дальше последствия облучения кур и яиц. Здесь всё прошло спокойнее; и все же, нет полного анализа явления, не изучены все локальные воздействия УКВ. Лучше всех, по моему мнению, прошли опыты с кроликами. Здесь, правда, нет никаких «чудес» в кавычках. Но опыты поставлены были научно, товарищ Рая вела дневник. И ее опыты дают очень интересные данные. Например, товарищ Рая окончательно решила вопрос о влиянии УКВ на простейшие организмы — бактерии, инфузории. Это будет очень полезным для наших товарищей, которые берутся изучать действие УКВ на большие организмы. Случай с опухолью у собаки так же дал интересные результаты. В частности, подчеркиваю красивое и остроумное использование «электроскальпеля». Товарищ Рая поработала хорошо.

Иван Петрович замолчал. И затем, сразу же голос его стал набирать обороты:

— М-да... А вот, что насчет опытов с коровами... Это же, знаете, товарищи, совершенно недопустимо: не изучив последствий облучения на одном животном, сразу же ставить широкие опыты на целом десятке коров!.. Я считаю, что Даниил Яковлевич вполне правильно ограничил работу бригады. Жаль, что он не сделал этого раньше...

Директор посмотрел на молодых исследователей: те сидели, опустив головы. А Антохин безжалостно продолжал:

— Конечно, опыт с волосами Андрея Антоновича, выращивание новой растительности на его лысине — очень интересный. Однако, бригада виновата ещё и в том, что создала такие условия, при которых неопытный человек получил возможность пользоваться генератором без надлежащего контроля с вашей стороны, что, в свою очередь, привело к серьёзным проблемам у постороннего лица. Вы знаете, товарищи, о чем я говорю...

Иван Петрович умышленно высказался несколько туманно про случай с лысиной бедного Потапыча. Он, очевидно, не хотел чем-либо обидеть старого Андрея Антоновича, который и сам не рад был, конечно, последствиям своего неудачного облучения.

— Так вот, — продолжал Антохин, — не умаляя заслуг вашей бригады, я подчеркиваю, что она работала не так, как того требуют интересы нашей советской науки. Да, да, я обращаю на это ваше внимание.

Голос Ивана Петровича стал торжественным:

— Где и когда ученым давались такие возможности, которые получили вы, для работы с вашим генератором? Вам дали целый совхоз с его зерновым и животноводческим хозяйством. Вам сказали: работайте и помогайте в то же время совхозу. Вам дали всё. Нигде в целом мире, кроме нашей Советской страны, не могло такого произойти. Только у нас работники науки имеют такие чрезвычайно благоприятные, неслыханные нигде условия для своей работы. Но эти благоприятные условия возлагают большую ответственность на исследователей. Это должно быть понятно каждому. Так вот, теперь, в свете вышесказанного мною, скажите мне: вы оправдали надежды, которые возлагались на вас?.. Молчите? Потому что нечем оправдаться?.. Так вот, слушайте. Нам придется внести определенные изменения. Прошу внимательно следить. Прежде всего, мы прекращаем опыты с непосредственным облучением здесь, в совхозе...

Олесь удивленно посмотрел на Ивана Петровича, — не менее удивленно, чем Рома и Рая.

— Да, облучение мы прекращаем, — повторил Антохин. — Мы перевозим генератор обратно, в город. Там он будет нужен для некоторых дальнейших важных работ. Вместе с генератором отсюда выезжают Петр и Роман. Товарищи Олесь и Рая временно останутся в совхозе, чтобы закончить обработку результатов проведённых здесь опытов. Особое внимание должно быть обращено на дальнейшее состояние и поведение облучённых коров и кур. Нам нужно точно знать, как скажется на организмах животных активизация, которая была создана облучением. А товарищи Петр и Роман тотчас же приступят в городе к новым экспериментам. К большому сожалению, у нас пока только один генератор. Он нужен там, в городе. Следовательно, и все работы будем проводить там. Всем понятно?

Слушатели молчали. Рома вопросительно смотрел на Мистера Питерса: ведь он должен был знать то, чего не договаривал Иван Петрович. Но Мистер Питерс молчал. Поэтому Рома подтолкнул Олеся, который спросил:

— Если можно, скажите, пожалуйста, Иван Петрович, что за новые эксперименты мы будем проводить в городе?

Антохин мотнул головой:

— Всё узнаете позже, товарищ. Сначала вам, как я уже сказал, придется закончить обработку результатов — здесь, в совхозе.

Дальше задавать вопросы не имело смысла. Антохин добавил в конце:

— Генератор увезут отсюда на моей машине — вместе с экспериментаторами, что сразу едут в город. Если нет вопросов, прошу тотчас же готовиться к отъезду. Даниил Яковлевич, мы с вами пойдем в ваш кабинет, поговорим там спокойно.

Через два часа все было закончено. Разобранный генератор лежал в тех же ящиках, в которых его привезли сюда. Мистер Питерс последний раз осматривал лабораторию — не забыли ли чего?.. Рома уже был возле машины. Послышался легкий стук в дверь.

— Войдите.

На пороге показалась Анна. Лицо у нее было печальное. Большие черные глаза тоскливо смотрели на Мистера Питерса.

— Вы ужасаете?.. — спросила Анна, не решаясь зайти в комнату.

— Да, — сухо ответил Мистер Питерс, не поднимая глаз.

Он боялся, что посмотрев на Анну, он уже не сможет удержаться в пределах строго официального тона. А именно так он и решил разговаривать с ней.

— И не скоро вернётесь?.. — робко спросила еще Анна.

— Не знаю.

— Чего это вы такой злой? — сделала Анна трудную попытку оживить диалог.

— Я просто занят... времени нет, — не поддался Мистер Питерс, глядя на пустой стол.

Анна вздохнула. Она же вполне искренне не понимала, на что рассердился Мистер Питерс. Всё время был такой ласковый. Всё шло хорошо — и вот тебе. Неужели же всё это за тот разговор с Олесем?.. Так они же просто, по-товарищески, разговаривали... Она посмотрела на суровое лицо Мистера Питерса:

— А я тоже, наверное, скоро поеду в город...

— Ну что же.

— Наверное, очень скучно будет теперь в совхозе... после вашего отъезда, — дипломатично намекнула Анна.

Мистер Питерс неожиданно для себя вспыхнул:

— Надеюсь, что нет, — злобно и запальчиво ответил он, — вам здесь помогут не скучать.

— Кто? — подвела глаза Анна.

— Да найдется. Простите, мне надо идти.

И Мистер Питерс, как метеор, выбежал из лаборатории. Уже из коридора, добавил:

— Например, Олесь...

Глаза Анны наполнились слезами. Она стала нервно крутить носовой платок. Никак, никак она не ожидала такого... Еще минута — и Анна сидела у окна, не успевая вытирать горячие слёзы, что моментально потекли по её щекам. Мистер Питерс не видел этого. Он сидел в автомобиле — злой и сердитый. А когда Рома попытался спросить его о причине такого настроения, Мистер Питерс так злобно взглянул на него, что у того пропало всякое желание спрашивать дальше.

Автомобиль поехал. Олесь вернулся к Рае:

— Итак, мы остались здесь. И даже не знаем, что будет делать дальше с генератором.

Рая пожала плечами:

— Узнаем... через неделю узнаем.

— Вы думаете, что за неделю мы здесь все закончим?

— Конечно, если постараемся.

Мимо них быстро прошёл Андрей Антонович, неся письма и газеты. Лицо у него было немного растерянное — Иван Петрович Антохин уехал, не попрощавшись с ним.

Правда, Андрей Антонович был на почте, когда Антохин поехал, но всё же...

— Свежие, Андрей Антонович? — спросил Олесь. — А ну, дайте почитать.

Он взял одну из газет, развернул ее — и сразу же воскликнул:

— Рая... Раечка, смотрите!

— Что такое?

— Целая статья про УКВ. Идите, читаем. Эге, да это наш новый генератор... Откуда же все это узнали?

Газета кратко, но возвышенно извещала об изобретении Мистера Питерса. Она описывала новый генератор как открытие, что несет за собой целую революцию в науке. Сотрудник газеты рассказывал об опытах со скотом, о странных свойствах излучения нового генератора останавливать моторы с электрическим зажиганием. В частности, он останавливался на исключительном влиянии нового генератора на организм:

...«Одним из практических применений чрезвычайно коротковолнового излучения, — писала газета, — стало интересное влияние на рост волос. Новое излучение так активизирует кожу, что после облучения им лысина покрывается густыми новыми волосами».

Олесь усмехнулся:

— М-да, теперь к Мистеру Питерсу прибегут все лысые города. Новая нагрузка будет...

— А вот и ответ на ваш вопрос о дальнейших работах с генератором, — произнесла Рая, которая читала уже дальше.

Действительно, статья заканчивалась так:

...«Теперь, под руководством академика Антохина, создается новая группа работников, которые будут проводить опыты управления на расстоянии и пересылкой энергии на расстоянии с по-

мощью излучений нового генератора. Дело в том, что управление на расстоянии даст, по мнению академика Антохина, возможность достать с морского дна затонувший в прошлом веке корабль «Альгамбра» с грузом золота. Нет сомнений, что с помощью чудесных УКВ эта смелая идея будет осуществлена».

— Значит?.. — проговорил Олесь многозначительно.

— Значит, надо скорее заканчивать нашу работу здесь, — ответила Рая. — Там будет очень интересно. Ой, Олесь, что-то меня, кажется, больше интересуется новое применение генератора, чем мои кролики...

Олесь не ответил. Он старательно обдумывал: управление на расстоянии, телемеханика... Золото на «Альгамбре», и потом — пересылка энергии на расстоянии, без проводов... и это же, действительно, удивительные вещи! Неужели же Мистеру Питерсу удастся осуществить это? «Под руководством академика Антохина...» Что же, когда сам Иван Петрович взялся за это дело, пожалуйста, они сделают!

— Пойдем, Рая, — сказал Олесь, наконец, — действительно, нам надо поскорее закончить нашу работу. Там, в городе, сейчас будет чрезвычайно интересно. Пойдем!

15. МОТОРНАЯ ЛОДКА «РАДИО» ВЫШЛА

Толпа людей шумела на берегу моря. Беспкойные волны набегали на берег, с грохотом отбегали назад, увлекая за собой гальку и песок. Казалось, они решили размыть весь берег и снести его в море. Толпа бурлила. Люди посматривали на невысокое здание на берегу, которое узкой своей частью выходило прямо к воде. Так обычно устроены доки, где строят корабли. Но это здание конечно, не было доком. Глядя на здание, люди на берегу спорили:

— Вот прямо отсюда и выплывет... Искры посыплются...

— Еще и опалят... Ой, держись, бабушка, лучше иди отсюда!

— Да нет, судно просто выведут. И никаких искр не будет, чего, чего вы, гражданин, голову дурите?.. Это же будет все равно как магнитом.

— Магнитом? Вон как...

— И неужели же магнитом целый корабль будут двигать?.. Ой, блин, до чего наука дошла!

— Но когда же? Кажется, уже пора...

— Нет, в газете писали, что в три. А сейчас всего еще пол-третьего.

— И никакого магнита не видно, видимо, в той будке...

— Вот, зайти бы посмотреть...

Так, в газете сегодня было напечатано:

...«Первая попытка управления моторами на расстоянии. Сегодня в три часа дня будут проведены опыты управления мотором на расстоянии при помощи нового генератора ультракоротких волн, о его изобретение мы уже оповещали наших читателей. Независимо от погоды, моторная лодка «Радио» выйдет в открытое море без пассажиров и механиков. Им будут руководить с берега, из лаборатории, посылая к нему излучения от нового генератора. Отработав несколько манёвров, лодка «Радио» под воздействием излучения вернется обратно. Собственно говоря, в опытах управления лодками на расстоянии нет ничего особенно нового. Такие эксперименты уже проводились ученым Маркони и другими. Академик Антохин с помощниками занят теперь лишь проверкой приборов и механизмов, которыми будет укомплектована новая подводная лодка, которая сама, без людей, опустится на морское дно для поисков «Альгамбры». Лодкой будут управлять с

помощью УКВ с берега. Первые модели приборов, которые будут принимать в подводной лодке сигналы и управлять в зависимости от этого моторами и рулями лодки, — поставлены для испытаний на обычную моторную лодку. После испытаний приборы эти будут переставлены на подводную лодку. Вот почему очень важно испытать приборы в условиях любой, в том числе, и плохой погоды».

Свежий ветер разбивал гребни волн, люди смотрели на беспокойное море — и удивлялись:

— Неужели так-таки одну лодку?.. Без людей?.. Ай-ай, до чего наука дошла!

Академик Антохин с профессорами занял место на высоком мысе на берегу моря, откуда удобно было наблюдать через бинокли все будущие манёвры лодки. Телефон связывал его с лабораторией, где стоял генератор и где сосредоточенно и серьезно готовился к ответственному опыту Мистер Питерс. Рома помогал ему.

Все было готово. Генератор стоял перед широким окном, откуда было видно море. Его рефлектор был направлен прямо туда, где, скрытая в деревянном здании, ждала лодка. Тут же, возле окна, был размещен небольшой пульт с ручками и кнопками. Его не было раньше в лаборатории: — две недели подряд Мистер Питерс с помощью Ромы и под руководством Антохина конструировал этот пульт, монтировал его специально для этого опыта. Пульт для управления мотором на расстоянии... Рома с уважением смотрел на него, в сотый раз перечитывая надписи возле ручек и кнопок:

- «Направо»,
- «Налево»,
- «Вперед»,
- «Стоп»,
- «Полный вперед».

Мистер Питерс недовольно кашлянул. Взял из шкафа новую лампу, поставил ее вместо той, что стояла до того в генераторе.

— Что такое? — спросил Рома.

— Ничего, — процедил сквозь зубы Мистер Питерс. — Мне что-то не нравятся эти лампы... они слишком нагреваются. Мощность от генератора мы будем брать большую, как бы не вышло какой неприятности с анодами...

— А что?

— Переживаю, чтобы не расплавились аноды. Тогда не будет времени заменять их.

В дверь постучали. Рома подошел, открыл. Невысокий, пожилой мужчина в шляпе стоял там. Рома удивленно посмотрел на него:

— Чем могу быть полезен?

Мужчина моментально снял шляпу, словно её ветром сдуло. Блеснула широкая розовая лысина. Мужчина кашлянул в кулак:

— Простите, если помешал... Я на минутку. Видите ли, большая просьба есть к вам... Простите, я главный бухгалтер треста «Мореход». Услышав, что вы делаете почти чудесные исследования с вашим лучом, решил побеспокоить вас.

— Но чего вам надо? — не выдержал Мистер Питерс.

Мужчина подобострастно поклонился и поднес палец к голове:

— Видите, лысинка у меня есть... так вот, простите на слове, очень просил бы немножечко ее того...

Он погладил воздух перед собой ладонью, словно размазывая что-то:

— Чуть-чуть облучить... все расходы, конечно, за мой счет...

— Рома, закрой, пожалуйста, за ним дверь, — распорядился Мистер Питерс, — и если надо, помоги ему спуститься с лестницы.

Мужчина моментально обиделся. Он замахал руками:

— Вы не имеете права... Я буду жаловаться...

Но Рома уже «помогал», находясь в состоянии крайнего раздражения. Серьезная работа, а тут со всякой ерундой лезут... Через минуту они остались с Мистером-Питерсом вдвоем. Мистер Питерс вздохнул:

— Сколько там времени?

— Через двадцать минут мы должны начинать.

— Да. Позвони на мыс — готовы ли там?.. Ой, еще кто-то стучит. И море беспокойное. Ветер...

— Это ты правильно заметил, о море. Как бы... Войдите! — крикнул Рома, видя, как поворачивается ручка двери. — Вот, еще кого-то снова к нам несёт... Подождите... Это же вы, Анна?

Да, это была Анна. Она робко вошла — и теперь смотрела то на Мистера Питерса, то на Рому. Она проговорила:

— Здравствуйте... Вот и я.

— Откуда вы, Анна? Неужели из совхоза? Как там? — обрадовался Рома.

Но Мистер Питерс только пробормотал:

— Здравствуйте...

И, не обращая больше внимания на гостью, словно продолжая разговор, обратился к Роме:

— Так вот, ветер... И время начинать.

— А может, посадить в лодку человека? — робко спросил Рома. — Так, для контроля... на всякий случай...

— Нет, об этом и речи не может быть, — решительно возразил Мистер Питерс. — Это означало бы рисковать жизнью человека...

Анна стояла и молча прислушивалась. Мистер Питерс не обращал на нее никакого внимания. Глаза ее невольно налились слезами. А она мечтала... Сразу по приезду пошла на берег, услышав про новые опыты, посмотрела — думала, что Мистер Питерс будет там. Узнала, что он в лаборатории, пришла сюда... А он — как чужой, и не смотрит.

Разговор шел дальше:

— Но я боюсь за лодку, — говорил Рома, — может, отложить опыт?

— Нельзя. О нём все поставлены в известность.

— Давай я поеду в лодке. Я же хорошо знаю управление мотором.

— Нет. Это рискованно.

Мистер Питерс взглянул на Анну и отвернулся вновь. Откуда в нём появилась такая жестокость, он не знал и сам. Но он не мог заставить себя заговорить с ней. И только где-то в глубине сознания он чувствовал, словно кто-то шептал ему: плохо, плохо ты ведешь себя с ней...

Анна едва сдерживала слёзы. Она понимала, что ей лучше просто уйти отсюда, но все же стояла, словно ожидая чего-то. Она слышала еще, как уговаривал Рома Мистера Питерса или отложить опыт, или же позволить ему, Роме, быть в лодке. Но Мистер Питерс не соглашался. И тут безумная мысль возникла у Анны. Она не обдумывала, не высчитывала ничего. «Ах, так ты такой?.. Ладно. Я тебе докажу...» — так можно было бы выразить ее решение.

Анна подняла голову:

— Ну, я не буду мешать вам. Желаю успеха.

— Куда вы, Анна? — спросил Рома.

Но Анны уже не было. Рома с упреком посмотрел на Мистера Питерса, покачал головой. Но что он мог сделать?

— Звони на мыс. Сейчас начнем, — распорядился вновь Мистер Питерс.

А Анна быстро шла по коридору. Сердце ее бешено стучало, щеки пылали. Она спустилась в канцелярию, быстро написала там маленькую записку. Ласково, обворожительно улыбаясь, попросила мужчину, что сидел в канцелярии:

— Очень просила бы вас передать эту записку в лабораторию ультракоротких волн.

— Но я буду там не раньше, чем через минут пятнадцать, — ответил ей служащий.

— Хорошо, хорошо, очень. Мне и не надо раньше.

Анна спешила дальше, восходя до морского берега, к тому месту, где должна была выплыть лодка. Около здания с лодкой собралось теперь еще больше народа. Море сердито выплёвывало на берег седую пену. Свежий ветер развивал кудри из-под шапочки Анны. Она прислушивалась к разговорам:

— И неужели же выпустят?..

— Поплывет, поплывет.

— Как бы не перевернулась...

Анна почувствовала, как похолодели у нее кончики пальцев. Сердце не останавливало своего учащённого ритма. Одна за другой мелькали мысли: «Как же мне прокрасться туда... чтобы никто не заметил... и скорее, скорее надо, потому что можно опоздать!»

А Рома уже поговорил с академиком Антохиным. На мысе были готовы к наблюдениям. Мистер Питерс сцепил зубы:

— Иди, включай мотор. И возвращайся, будешь следить отсюда.

Через несколько минут Рома уже подходил к зданию на берегу, поглядывая на гребешки пены, что набегали на берег. Он мрачно покрутил головой: «М-да...» Но, услышав, как стихла толпа на берегу, когда он вошел в здание, Рома гордо поднял голову. Надо победить.

Это была небольшая моторная лодка с закрытой каютой впереди для пассажиров, и такой же каютой на корме для машиниста. В переднюю каюту Рома даже и не заглянул, потому что знал, что

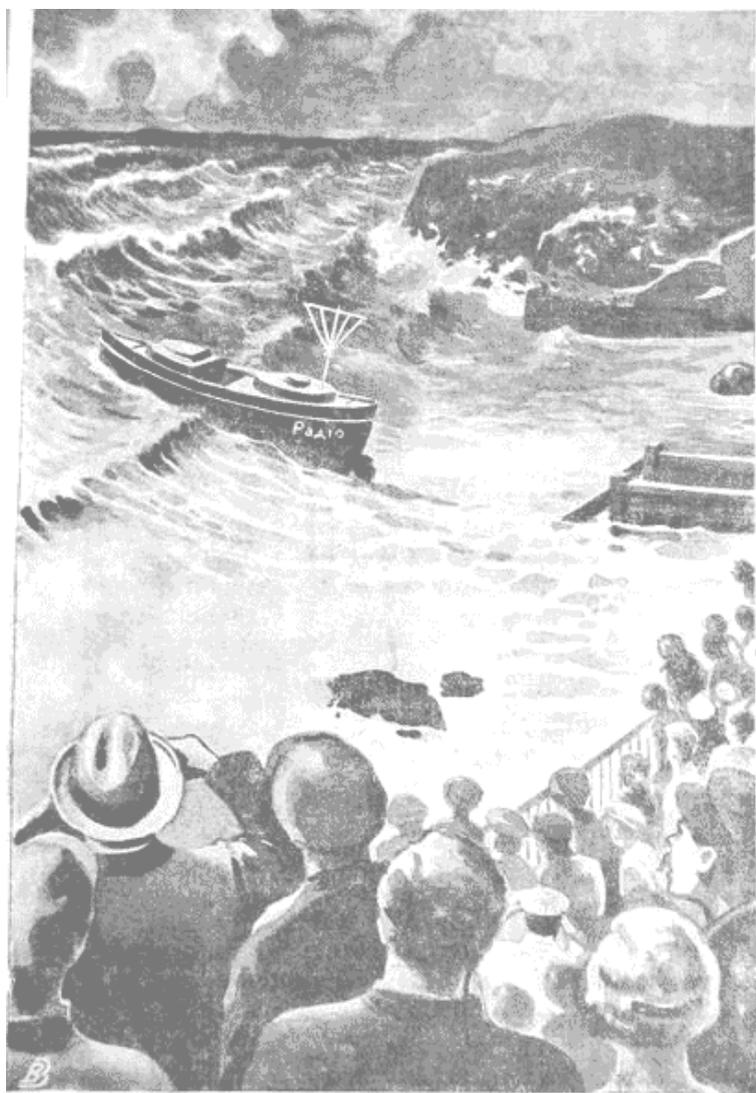
она пуста. Там не было, конечно, никого. Однако, каюту на корме Рома старательно осмотрел. Здесь стоял сложный и странный аппарат, главную часть которого составлял большой радиоприемник. Веерообразная антенна шла вверх, возносясь на полтора метра над крышей каюты. Лодка легко покачивалась на волнах, которые забегали сюда сквозь решётчатую загородку. Нос лодки был направлен в сторону моря. На бортах чётко было написано с обеих сторон: «Радио» — и это слово было украшено огненными молниями. Рома усмехнулся:

— Ну, «Радио», вытягивай, не подведи!..

Потом он ловким движением включил приемник. Посмотрев, как загорелись лампы, и немного отрегулировав реостат накала, Рома открыл решетчатую загородку, что вела к морю, и подождал немного: все было в порядке. Тогда он вышел на берег, стал так, чтобы его легко можно было увидеть с мыса, где сидел Антохин (кстати, здесь его рост должен был пригодиться) — и поднял ручку. Это значило — лодка готова. Притихшая толпа с уважением следила за Ромой. Почти в ту же минуту в лаборатории зазвонил телефон: Антохин извещал, что лодка готова к старту.

Мистер Питерс посмотрел на часы: ровно три. Он нажал на главный рубильник. Первые искры сорвались с антенны. Рефлектор был направлен на море. И туда же, в море, полетели те длинные искры. Переждав с полминуты, пока стрелки амперметров показали полную нагрузку, Мистер Питерс осторожно подвинул ручку, возле которой было написано «Вперед». Что-то затрещало; искры полетели, от антенны пошёл острый запах озона. Ручка медленно поворачивалась. Дойдя до конца дуги, она остановилась. Тогда Мистер Питерс взялся за ручку «Полный вперёд», но пока её не вращал. Крепко держа перед глазами большой бинокль, он посмотрел в море: вон оттуда, из-за мола, должна показаться лодка «Радио», лодка без механика... Тогда — вращать ручку «Полный вперёд» — и в море!..

Толпа зашумела. Легко скользая с волны на волну, выпуская из трубы под кормой прозрачные облачка бензинового дыма, лодка «Радио» выплыла из дока. Сверкала её небольшая антенна — и никого не было видно на лодке. Пустая лодка быстро плыла вдоль мола, все быстрее. Пустая лодка, словно сама выбирая себе путь, помчалась в море...

Легко ковзаючи з хвилі на хвилю, випускаючи з труби під кормою прозорі хмарки бензинового диму, човен «Радіо» вишив з доку.

Горящими глазами Рома смотрел вслед лодке. Победа!.. Свежий ветер приятно охлаждал его лицо. Победа!.. Лодка исчезла за молом. Надо следить за ним. Скорее к лаборатории, на помощь Мистеру Питерсу. Однако, волны, волны... как бы не случилось беды... Широкими, быстрыми шагами Рома шел обратно.

Мистер Питерс с волнением увидел, наконец, как показалась из-за мола моторная лодка. Да, все в порядке. Полный вперед!..

Ручка медленно повернулась. И напряженный взгляд Мистера Питерса заметил: лодка словно прыгнула вперед. Нос её зарылся в пену, большая волна пронеслась вдоль неё. Лодка выходит в открытое море...

Кто-то назойливо стучал в дверь. Не отвлекаясь, Мистер Питерс бросил:

— Войдите.

Он услышал голос:

— Вам тут записка. Просили передать.

Мистер Питерс раздраженно махнул рукой:

— Положите её на стол. Не могу я сейчас.

Дверь закрылась. Лодка плыла дальше, удаляясь от берега. Скоро надо начинать маневры. Где же Рома?.. Ах, какая же сладкая победа, заслуженная победа после долгой, сложной работы, после пережитого, такого волнующего, такого знакомого волнения конструкторской работы!

Скорее почувствовал Мистер Питерс, чем услышал ухом тихий скрип открывающихся дверей.

— Рома?

— Да. Ну, что — плывет?

— И ещё как. Иди скорее сюда. Вот бинокль. Следи, а я буду регулировать.

Рома схватил бинокль. Так, плывет... И если бы не волны, которые немного сбивали лодку с прямого курса, всё было бы в порядке. Но — раз начали, значит, надо продолжать эксперимент дальше. Итак...

— Давай направо. Только не очень, потому что волна будет бить...

— Есть направо.

Лодка прочертила ровную дугу. Теперь волны налетали на неё не с носа, а сбоку. Сильно качало.

— Давай влево.

— Есть влево.

Лодка вновь повернулась носом к волнам. Боковая болтанка перешла в килевую. Все это было четко видно в бинокль. Рома смотрел, не отрываясь. Он подумал: так же, наверное, не отрываясь, следит за каждым движением лодки академик Антохин со своими ассистентами. И так же взволнованно смотрит на далекую загадочную лодку толпа на берегу.

Резко зазвонил телефон. Это, наверное, звонят с мыса. Рома положил бинокль, подбежал к аппарату:

— Слушаю.

— Это я, Антохин. Лодка уже на расстоянии километров трёх от берега. Не стоит направлять её дальше. Этот ветер может перейти в шторм. Время поворачивать назад.

— А вообще, как вам нравится, Иван Петрович?

— Поздравляю, поздравляю! Увлеченно следим. Прекрасно... Но — поворачивайте уже обратно.

Рома положил трубку:

— Ты слышал, Мистер Питерс?.. Антохин поздравляет. Но, говорит, надо уже поворачивать... Лодка очень далеко ушла. Говорит — на три километра.

— Неужели? Как быстро...

Неохотно Мистер Питерс докрутил ручку «Направо» до конца. Жаль, жаль... хотелось бы еще походить в море...

— А это что такое? — Рома вдруг остановился возле стола.

— Где?

— Да вот, записка какая-то.

— Не знаю. Принесли. У меня не было времени читать.

Рома развернул бумагу. Глаза у него широко раскрылись.

Бумага задрожала в пальцах. Он непонятно взглянул на Мистера Питерса, на бумажку, в окно. Глотнул воздуха — не хватило. Еще глотнул:

— Слушай... там она... Анна...

— Что? Где? — повернулся к нему Мистер Питерс.

— На, читай! — Рома подал ему бумажку и бросился к окну, хватая бинокль.

Мистер Питерс читал и буквы прыгали у него перед глазами:

«Вы такой злой, Мистер Питерс, что мне плакать хочется. Я слышала ваш разговор с Ромой. И решила поплыть на вашей лодке — чтобы помочь в случае чего. Мотор я знаю. А если что-то

случится, тогда и мне будет всё равно, потому что вы даже смотреть на меня не хотите. Анна».

Сумасшедшая!.. Она украдкой, тайком пробралась на лодку и теперь... теперь она — в открытом море... Мистер Питерс бросился к Роме:

— Дай сюда бинокль.

Так. Вот она, лодка. Повинуясь предыдущему распоряжению (ведь ручка «Направо» и до сих пор была повернута к краю), — лодка описывала в море замкнутую кривую, круг. Она плавно кружила — и каждый раз, когда она становилась бортом к волнам, через него проносился пенистый поток. Волны, обдавая лодку пеной, бились о борта, переливались через них.

«Ведь так же может и вовсе затопить...», — подумал Мистер Питерс.

Не отрываясь от бинокля, он одной рукой, поворачивая ручки, исправил курс лодки, направляя её обратно. Но лодка плыла медленно, накренившись на один борт. Очевидно, во время кружения она набрала слишком много воды. Казалось, лодка шла всё медленнее.

— Как же ты раньше не прочитал записку? — спросил Рома.

Он не находил себе места. Мистер Питерс молчал. В бинокль он увидел, как из передней каюты высунулась голова девушки. Анна смотрела, где она. Но большой гребень волны догнал лодку, прокатился вдоль неё, спрятав её на мгновение под пенящимися своими потоками.

— Да дай же лодке полный газ!.. Скорее к берегу... — закричал Рома Мистеру Питерсу.

Тот только покрутил головой и показал Рома: и без того ручка «Полный вперёд» была выкручена до конца. А лодка еле двигалась, не успевая убежать от волн, непрерывно накрывавших её от кормы до носа.

Сухой звон заставил Мистера Питерса оглянуться. И в ту же секунду исчезли длинные фиолетовые искры с антенны генератора. Одна из вспомогательных ламп лопнула. Плоские пластинки ее анода, раскаленные добела, погнулись и свесились. Анод не выдержал, он расплавился. Генератор перестал работать. Лодка оказалась в открытом море без управления...

Это было то самое, чего так боялся Мистер Питерс еще перед началом опыта, говоря, что он не доверяет этим лампам. Рома по-

бледнел. Он увидел, как метнулся Мистер Питерс к шкафу, выбирая там запасную лампу. Вот она. Сейчас он заменит лопнувшую. Сейчас...

Но, спеша, Мистер Питерс подскользнулся. Неуклюже он вытянул руки, пытаясь сохранить равновесие.

Сухой звон... лампа ударилась об стол. Ее баллон разлетелся на маленькие кусочки. Не веря своим глазам, Мистер Питерс растерянно смотрел на цоколь, что остался у него в руке. Медленно он поднял глаза на Рома:

— И больше...

Он запнулся. Рома смотрел на него с ужасом. Наконец, Мистер Питерс закончил:

— Больше ламп нет...

— Может... может, Анна сама сядет за мотор... она писала, что умеет... — начал Рома нерешительно.

Но Мистер Питерс коротко ответил:

— А кожух?..

Так (этого Анна не знала), — мотор лодки был закрыт металлическим, накрепко завинченным кожухом. Сделано это было для того, чтобы мотор не повредило лучами, не остановило его работу. Снять привинченный кожух Анна, конечно, не могла...

Лодка беспомощно качалась на волнах. Её заливала вода. Она должна была погибнуть в бешеных волнах. И с ней вместе должна была погибнуть... Нет, этого не должно быть!

Как ветер, Рома выпрыгнул за дверь.

— Куда ты? — крикнул Мистер Питерс.

Однако, Рома уже исчез.

Иван Петрович Антохин удовлетворенно смотрел в море. Это была настоящая победа. Лодка «Радио», лодка без машиниста — послушно меняла направление, маневрировала, поворачивалась в разные стороны, подчиняясь приказам, которые несли к ней странные лучи генератора Мистера Питерса. Проблема телемеханики, уверенного управления аппаратами на расстоянии, — решена полностью. И главное — для этого не нужны были сложные специальные аппараты, электромоторы и прочее. Наоборот...

Иван Петрович посмотрел снова в бинокль. Лодка описывала широкую дугу, возвращаясь к берегу. Затем, она пошла обратно. Правда, очень мешали волны. Но лодка идет к берегу. Лаборатория выполнила приказ. Антохин удовлетворенно вздохнул и вернулся к остальным собравшимся на мыске:

— Понимаете, — сказал он победно, — никакого сложного оборудования. Обычная моторная лодка. К ней добавлен радиоприемник с системой реле.

Он увидел, как быстро записывал его слова в блокноте репортер газеты. Карандаш молнией скользил по бумаге.

— Генератор излучает колебания определенной частоты. Он излучает их направленно. Это, конечно, условное выражение. Потому что на расстоянии трех километров, как у нас здесь, пучки лучей, безусловно, рассеиваются и охватывают ширину около километра. Но за пределами этого километра даже самые чувствительные приборы не отметят наличия лучей. Итак — мы говорим — направленное излучение. Это дает нам возможность сконцентрировать полную мощность генератора в том районе, где сейчас находится приемный аппарат, в данном случае — лодка. А это, в свою очередь, значительно уменьшает расход энергии. Вот почему мы придаем большое значение этому эксперименту.

Он снова взялся за бинокль. Репортер записывал, удовлетворенно кивая головой. Иван Петрович вспомнил ещё что-то:

— Как вы знаете, до сих пор мы делали, в основном, опыты в области влияния ультракоротких волн на живые организмы и растения. Но это явление, эти высокочастотные колебания можно и нужно использовать в самых разнообразных отраслях. Вот, перед вами опыт в отрасли связи — телемеханика. Мы используем это

изобретение для поисков затонувшей «Альгамбры». И я уверен, что мы, в ближайшее время, с помощью этого же генератора, решим окончательно важнейшую проблему пересылки энергии на расстоянии без проводов.

Репортер поднял удивленный взгляд на академика.

— Да, да, — усмехнулся Антохин, — вместо проводов мы используем именно лучи. Они понесут энергию, ток высокого напряжения, создавая на своем пути невидимый участок ионизированного воздуха. А ионизированный воздух, как вы знаете, уже не изолятор, как обычный воздух, не диэлектрик, а прекрасный проводник. Итак...

— Иван Петрович, лодка!.. — воскликнул кто-то встревоженным голосом.

— Что?

Антохин прижал к глазам бинокль. Лодка остановилась. Она беспомощно подпрыгивала и падала вниз, подбрасываемая волнами. На неё налетали сзади волны, жестоко били её, швыряли во все стороны. Антохин нахмурился:

— Что-то случилось, — проговорил он. — Звоните в лабораторию!

Не отрываясь, он следил за лодкой. И тысячи догадок пронеслись в его голове. Испортился приемник?.. Мотор?.. Сломалось что-то в генераторе?.. Ведь лодку надо было как можно быстрее вернуть на берег, иначе её захлестнут волны... но — что это такое? Может, ему померещилось?..

Антохин протер глаза, прищурился. Он почувствовал, как его словно обдало холодом. На лодке была женщина. Так, вот он хорошо видит её. Она в передней каюте. Откуда? Кто?

Женщина, держась за борта лодки, с великим трудом перебиралась на корму, к мотору. Вот, она открыла люк кормовой каюты. Заглянула туда. Большая волна прокатилась вдоль лодки, едва не смыв женщину. Но она упорно что-то делала, словно чего-то искала в кормовой каюте.

Антохин повернулся к ассистентам. На него смотрели растерянные люди. И в каждом взгляде он видел вопрос.

— Ничего не понимаю, — проговорил Антохин глухо. — Какая-то глупость, не понимаю. Звоните, говорю, в лабораторию!

Анна еле держалась. Наконец, ей повезло спуститься в каюту на корме и закрыть за собой люк. Руки её дрожали, промокшее

платье прилипало к телу. А волны, не прекращая своего наступления, бешено бились о лодку. Что-то случилось — это Анна понимала. Её присутствие на лодке — оправдано. Надо не растеряться. Надо сейчас же взяться за мотор, запустить его вновь — и плыть к берегу, спасая лодку. Безусловно, что-то сломалось в моторе. Анна решила это сразу, как только прекратилось бодрое постукивание двигателя. Но — что именно? Ничего, ничего, не зря Анна изучала когда-то лодочные моторы в ОСОАВИАХИМе. Она сейчас исправит все. И пусть тогда Мистер Питерс продолжит злиться!..

Так, вот мотор. Вернее, вот его кожух. Лампы в приемнике горят. Значит правда, что мотор остановился сам — но приемник работает. Теперь снять кожух. Так...

Анна почувствовала, как похолодели у нее руки. Кожух не снимался. Мотор был скрыт под ним. Ни одной ручки снаружи. Всё под кожухом. Она, проверяя, посмотрела еще.

Отбросила мокрые волосы с глаз — они очень мешали. Кожух... кожух был наглухо привинчен. Вот гайки, они закручены ключом. Их не выкрутить руками.

Неожиданно почувствовалась неприятная слабость в ногах. Анна присела возле мотора, глядя на металлический кожух широко раскрытыми глазами. И вновь, волна бешено и яростно ударила в лодку, поставив её на мгновение почти отвесно. Затем лодка тяжело перевалилась на правый бок и выпрямилась. Слышно было, как переливалась в ней вода. Анна удержалась лишь потому, что вцепилась руками в кожух.

Теперь она всё поняла. Она не могла помочь делу. К мотору нечего было и пытаться добраться. Ведь кожух без инструментов... а может, здесь есть инструменты?..

Не пропуская ни одного уголка, Анна обшарила все ящики, всю каюту. Она нашла отвертку, нашла маленькие монтажные плоскогубцы. Это было всё. Очевидно, инструменты остались на берегу.

С глубоким вздохом Анна опустила на свое место. Глазам стало горячо. Непрошенные слезы... женская слабость... Мужество оставила Анну, она опустила голову на руки, с ужасом чувствуя, как бросают лодку волны...

И так же бессильно опустил голову Мистер Питерс. Он понимал, что не может ничем помочь. Проклятая лампа... проклятая

неуклюжесть... Как можно было разбить вторую лампу? Ведь теперь остались только маленькие, их мощности не хватит...

Тем временем, Рома был уже на берегу. Он стоял перед крепким широкоплечим молодым человеком в кожаной куртке. Юноша смотрел на него, почесывая щеку рукой, испачканной гарью и смазкой. Рома горячо говорил:

— Там девушка. Лодку захлестывают волны. Конечно, опасно. Но, — ты же сам понимаешь. Ну, давай быстрее...

Юноша еще колебался. Рома добавил:

— Я поеду с тобой. Вдвоем лучше. Ну, давай, давай.

Юноша махнул рукой:

— Пойдём.

Через несколько минут небольшой рыбацкий моторный баркас, натужно хрипя старым мотором и захлебываясь черным дымом, вышел в море. Юноша в кожанке сидел на корме, крепко сжимая руль и вглядываясь вперед. Рома на носу крепил трос. Баркас разрезал носом волны, зарываясь в них до половины. За полминуты одежда Ромы промокла до последней нитки. По мокрому лицу сбегала морская вода. Баркас мчался во всю мощность мотора.

— ... знаю... бензин... — донеслись до Ромы слова сзади, разорванные ветром.

Он оглянулся. Юноша кричал:

— ... хватит... топлива...

Рома махнул рукой. И впервые юноша улыбнулся. Он сильнее нажал на рычаг руля. Баркас летел вперед.

Анна открыла люк. У нее мелькнула мысль: может, кто-нибудь заметит ее? Но тяжелая волна обдала ее с ног до головы холодной соленой водой. Анна вновь закрыла люк. И тут же вспомнила: лодка, она успела это заметить, была наполовину залита водой. Если не выливать её, лодка утонет. В конце концов, чем снаружи было хуже?.. Вода, волны? Так она всё равно уже промокла. Схватив ведёрко, Анна решительно открыла люк и выкарабкалась на палубу. Крепко держась одной рукой за борт, она второй рукой стала зачерпывать воду ведёрком и выливать её за борт. Правда, волны беспрестанно вливали обратно то, что Анна успевала выплескивать, однако — уровень воды в лодке не повышался. Это было уже лучше.

Антохин следил в бинокль за всем, что происходило. Он видел, как Анна спряталась в кормовой каюте, видел, как выплыла вторая лодка и быстро поплыла к терпящей бедствие.

— Да, да, — шептали губы Ивана Петровича, который забыл о всех находящихся на мыске.

Дуновением ветра сорвало у него шапку, но он не заметил этого. Он уже знал причину неудачи. Что же, это ничуть не бросало тени на весь эксперимент в целом. Но, всё это было сейчас не главным. На лодке была женщина, её надо было спасать. Вот это — главное сейчас.

Второй баркас спешил изо всех сил. Его бросало волнами, сбивая с курса. Но юноша в кожанке хорошо разбирался в своём деле. Твердой рукой он держал руль, сосредоточенно глядя вперёд. И баркас держал курс, послушный этой руке, врезаясь в волны носом, где дрожал под потоками холодной воды Рома. Губы его тряслись. Волны то закрывали перед ним горизонт, то, поднимая лодку на высоту своих гребешков, показывали ему цель — лодку «Радио», которую бросало волнами из стороны в сторону. И тогда Рома видел, как работала в лодке Анна, вычёрпывая из неё воду.

— Ах, какая девушка... ну и девушка... — говорил про себя Рома, отплевываясь от соленой воды, которую плескали ему в лицо волны. — Она не теряет мужества... ах, хоть бы скорее!..

Он оглядывался назад, видел уверенное суровое лицо юноши в кожанке, — и снова смотрел вперед, ища глазами лодку и хрупкую фигуру девушки на ней.

Мистер Питерс стоял перед шкафом, яростно глядя на запасные лампы, которые лежали в нём. Да, он хорошо знал: эти лампы имеют мощность всего каких-нибудь пятьдесят ватт. А ему для генератора нужно, по крайней мере, стоваттную. Лампы непригодны. Они вдвое менее мощные. Вдвое... вдвое...

Какая-то неопределенная мысль мелькнула в голове. Мистер Питерс приложил руку ко лбу. Вдвое менее мощные... а параллельно?.. Может — попробовать? Правда, на генераторе нет места для двух ламп. Устройство дополнительной панели отберёт, по крайней мере, четверть часа. Однако... Э, нет времени для раздумий. Надо делать. Хоть бы они потом десять минут поработали — и этого хватит...

Как сумасшедший, Мистер Питерс хватал детали, инструменты. Надо было приспособить дополнительную панель, стойку для неё здесь же, на генераторе. И, как назло, он не находил нужных мелочей — винтов, трубок, отвёрток...

Иван Петрович видел: расстояние между лодками сокращалось. Вот уже и женщина на беспомощной лодке заметила спасателей. Она радостно замахала руками. Но работу свою не остановила. Ведёрко ее мелькало в воздухе, вычёрпывая воду из лодки. Лишь время от времени она посматривала в ту сторону, откуда приближался к ней баркас.

— Но как они заберут ее оттуда? — произнес Иван Петрович. — Ведь волны не позволят приблизиться к той лодке... они разобьют лодки одну об другую...

Словно в ответ ему Рома развернул трос, который лежал возле него. Он что-то кричал, но Анна не слышала его — мешал ветер и шум волн. Рома встал. Широкими взмахами руки он что-то показывал Анне. Она смотрела на него, не понимая. Ведёрко застыло в ее руке. Рома махал рукой и кричал. Волна толкнула лодку — и Анна с трудом удержалась. Дуновение ветра донесло до неё:

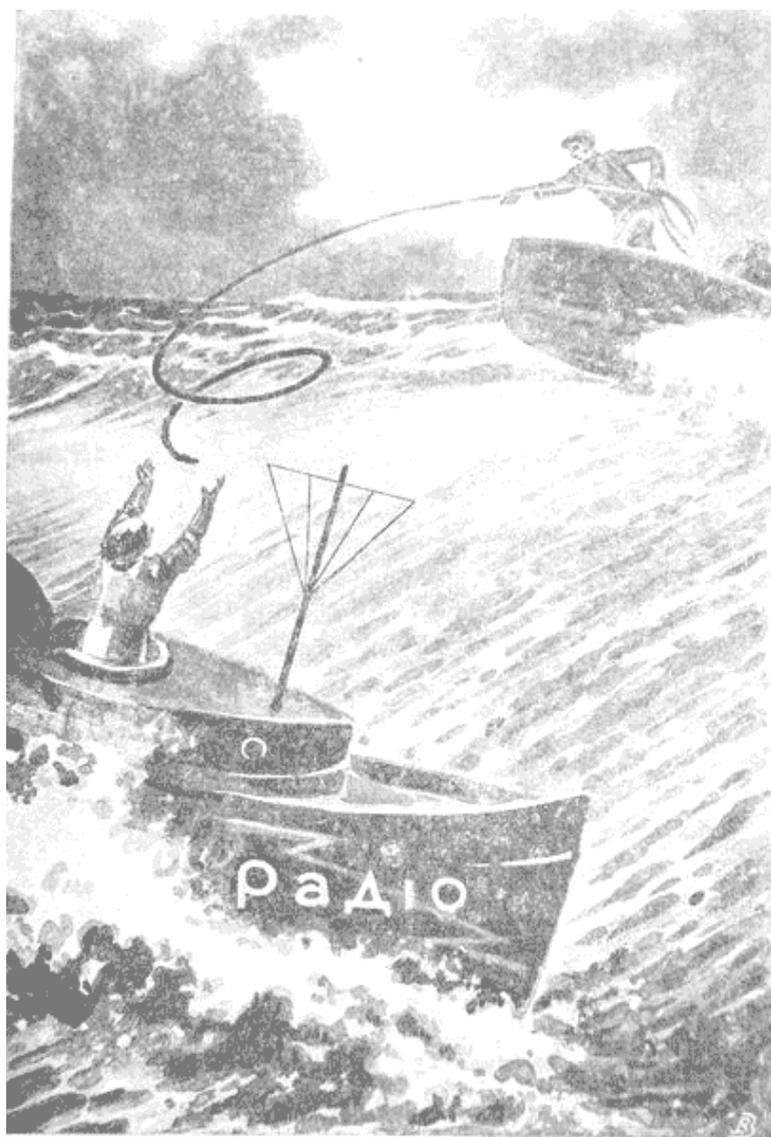
— ... брошу... ловите...

Этого было достаточно. Анна перебралась, вцепившись задубелыми пальцами в борта, на корму. Она влезла в люк и стала ногами на кожух мотора, возвышаясь по пояс над лодкой. Так было верней — и освобождались руки. Анна была наготове.

Юноша-моторист направлял баркас прямо на лодку. Большая волна подбросила его и начала опускать. Как по наклонной горке, баркас мчался к Анне. Казалось, он врежется в корму. Но за два-три метра моторист резко нажал на руль, переложив его в сторону. Лодка мелькнула справа, проносясь мимо баркаса. И в этот же миг Рома бросил трос, крепко привязанный одним концом к баркасу. Моторист сбавил газ, и баркас стал замедлять ход.

Вьющейся змеей трос мелькнул в воздухе, раскручиваясь петлями над Анной. Обеими руками она схватила его. И, чувствуя, как он натягивается, пытаясь вырваться из её, Анны, окровавленных рук, несколько раз обернула его вокруг флагштока, изо всех сил удерживая свободный конец.

— ... вызывайте... привя... — вновь донесся до неё крик.

В'юнкою гадиною тряс майнула у повітрі, розкручуючись петлями над Ганною.

Так, привязать конец. Дрожащими пальцами Анна крепко привязала свободный конец к крышке люка. И бессильно опустилась. Силы вмиг покинули ее. Она дрожала всем телом. Она боялась взглянуть туда, где была лодка со спасателями. В висках что-то стучало, перед глазамиплыли зеленые круги. Еще минутой — и она потеряет сознание... Нет, надо пересилить себя. С усилием Анна приподняла голову.

Моторист оглянулся. Он заметил привязанный трос, кивнул головой. Рука его вновь нажала на руль. Из-под кормы его баркаса вновь за клубился черный дым. Стук мотора слился в ритмичную песню. Трос натянулся. Первая лодка пошла вперед, медленно двигаясь к берегу.

И за ней, на буксире, шла вторая, подтягиваемая тросом, кормой вперед. Рома радостно улыбался. Теперь он смотрел уже не вперед, а назад, — туда, где он видел на расстоянии десятка метров Анну.

Антохин так же радостно улыбался:

— Молодца! — горячо воскликнул он, удостоверившись, что опасная операция завершилась. — Ай, молодца! Хорошо справились! Но и женщина... не растеряться, поймать трос...

До берега оставалось уже не более километра. Глядя назад на Анну, которая неподвижно сидела на корме лодки, Рома видел одновременно и моториста. Лицо юноши было строгим и серьезным. Он вроде бы к чему-то прислушивался. Вот, он поднял брови. Посмотрел на Рому — и вновь прислушался. Рома забеспокоился. Юноша, всем своим видом, показывал опасность. И вдруг Рома понял. Он и сам услышал, как мотор их лодки словно закашлялся. Сухой кашель... потом пауза. И снова кашель... И снова пауза. Длинная и нестерпимая. Мотор не работал. Баркас остановил свой ход. Анна удивленно приподняла голову: что случилось?

Не менее тревожно вздрогнул и Антохин, который не сводил глаз с лодок. Остановка... что?.. Почему?..

Моторист зло стукнул кулаком по борту. Он прокричал Роме во всю силу своей глотки:

— Я же говорил... топлива не хвата...

Конец слова отнес, оторвав, бешеный порыв ветра. Однако, не понять было нельзя. Не хватило топлива. Вторая лодка не завершила своего пути. Спеша, и моторист, и Рома не проверили количества топлива в баках. Лодка встала. Трос бессильно свесился.

Волны начали бросать лодки, как щепки. Вот, моторист схватился снова за руль. Он нажимал на рычаг, стараясь изменить направление, в котором бросало лодку волнами.

И снова Рома понял. Теперь появилась новая опасность: волны, бросая лодки, могли сжать их и разбить одну об другую. Что же делать? Отвязаться, бросить трос?..

Антохин положил бинокль. Лицо его побледнело. Это была настоящая катастрофа. Лодки, оказавшиеся связанными, должны были погибнуть обе...

Анна вновь опустила голову. Ей вдруг стало всё безразлично. Она устала, ей было холодно, она дрожала. Пусть будет, как будет...

Лодки сближались. Руль не слушался, он беспомощно крутился в воде. Вот уже осталось два-три метра. Большая и высокая волна катилась на них. Сейчас все будет кончено...

Но вдруг, с грохотом заработал мотор лодки «Радио». Анна вздрогнула. Ей показалось, что она бредит. Но мотор работал. Он тянул лодку куда-то — не так быстро, как раньше, потому что он наполовину был в воде. Но тянул. Трос натянулся вновь. Ещё мгновение — и, повинуясь ему, вторая лодка повернулась кормой вперед и поплыла на буксире. Большая волна приблизилась. Она вынесла лодку на гребень, но моторист уже держал руль. Лодка послушно встретила волну носом. Волна прошла, гневно распадаясь белой пеной.

Рома вцепился руками в борт. Он ничего не понимал. Моторист, видимо, тоже не понимал ничего. Однако, он видел, что одна из лодок на ходу, тянет. Значит, на второй лодке надо крепко держать руль. И он держал.

Лодка «Радио» медленно поворачивала, выходя на прямой курс к берегу. За ней, следом, плыла вторая, кормой вперед, на буксире, подтягиваемая тем самым тросом, которым она так недавно тянула сама. Опасность осталась позади...

Неотрывным взглядом следил Мистер Питерс за движениями обеих лодок. Его рука лежала на ручке «Полный вперед». За ним оранжевым светом сияли раскаленные лампы генератора. Фиолетовые искры срывались с антенны и выходили, казалось, через окно, к морю. Зазвонил телефон, раздирая уши; но Мистер Питерс не слышал его. Он видел лишь, как медленно приближались к берегу обе лодки. И еще он заметил, как бессильно упала в люк

хрупкая фигура девушки в первой лодке. Мистер Питерс нервно повел плечами: видимо, Анна потеряла сознание... ну, что же, зато теперь всё идет к концу.

Он посмотрел назад, на генератор. Увидел, как сияют раскалённые лампы. Малоомощные лампы, поставленные параллельно вместо одной мощной. Привычным намётанным глазом Мистер Питерс заметил, что анод второй уже раскалился почти добела. Еще минута-две, и лампа сгорит. Но, вместо того, чтобы выключить, сохранить лампу, — Мистер Питерс еще сильнее нажал на ручку «Полный вперед», хотя и без этого она была выкручена до конца.

Иван Петрович нервно переступал с ноги на ногу. Он и ругался («Как же так, не отвечают из лаборатории? Звоните ещё, ещё дольше!.. Должны ответить, черти...»), и радовался, неуверенно посмеиваясь («Вот черти, успели... ну и молодеца!...»).

С разгона, подброшенная еще раз волной, лодка «Радио» выпрыгнула из воды прямо на песчаный берег. Как живое существо, она качнулась из стороны в сторону, словно стряхивая воду, — и осталась лежать. За ней, направляемый твердой рукой, рядом из воды выпрыгнул и баркас. Мокрый до последней нитки Рома бросился к первой лодке. Он увидел в проеме люка бесчувственную Анну. Мокрые её волосы сбились шапкой, бледное лицо было неподвижно. Рома взял её на руки, вынес. Анна открыла глаза и вновь закрыла их.

По берегу, забыв о солидности, бежал академик Антохин, опережая ассистентов и длинного репортера. Он кричал:

— Ну, и хорошо... Несите быстрее в дом...

Он махал руками, его пенсне соскочило и висело на шнурке, болтаясь в такт его бегу.

А навстречу Роме уже мчался Мистер Питерс. Первый раз за все время своей работы он выбежал из лаборатории, не выключив генератор, не оглядываясь на раскаленные лампы, где расплавились понемногу пластинки анодов. Мистер Питерс мчался к Роме, который нес на своих неуклюжих длинных руках бесчувственную Анну. Он заглянул ей в лицо, растерянно покрутил почему-то пальцами в воздухе и сказал:

— А я, Рома, это... запустил его, всё-таки...

Блаженная улыбка смягчила черты его лица.

Он шел рядом с Ромой, поддерживая руку Анны. Девушка медленно приходила в сознание. Вот, она открыла глаза. Посмотрела на Рому, слабо улыбнулась. Посмотрела в ту сторону, где шел Мистер Питерс. Отыскала глазами его. Вновь улыбнулась и закрыла глаза. Мистер Питерс ласково, совсем необычным голосом, произнёс:

— Анна, я очень виноват...

Едва заметно Анна пошевелила головой. Ее длинные ресницы дрогнули. Мистер Питерс скорее увидел, чем услышал её ответ:

— Нет... все в порядке...

Чья-то рука осторожно дотронулась до локтя Мистера Питерса. Он, нервно вздрогнув, оглянулся: кто, что?

Невысокий пожилой мужчина вежливо снимал шляпу. Где же видел его Мистер Питерс?.. Знакомое неприятное, словно выливанное лицо... розовая лысина...

— Позвольте вновь попросить вас, — подобострастно начал мужчина, держа шляпу в руках, — поздравляя вас, я хотел бы еще раз попросить вас... вместе с моим товарищем и другом...

Из-за его плеча высунулась еще голова. Лыстрая улыбка, острые глазки... И вновь лысина... что такое?

— Попросить вас помочь нам в деле наших волос... немного облучить нас...

Мистер Питерс, наконец, вспомнил: это тот самый лысый, что приходил уже сегодня в лабораторию... отвратительная рожа!

— Оставьте меня! — рявкнул Мистер Питерс так, что оба мужчины отлетели от него. — Оставьте, потому что иначе...

Он сжал кулаки. Но Анна вновь открыла глаза и тревожно-вопросительно посмотрела на него. Мистер Питерс забыл о назойливых просителях, наклонился на ходу к ней:

— Всё в порядке, моя дорогая... всё в порядке!

... Кто сказал это? Неужели гордый Мистер Питерс?.. Уважамый изобретатель, человек с твёрдым характером, упрямец — неужели это вы употребляете такие выражения?.. И без любимых вами английских слов?.. Странно, странно. Даже Рома посмотрел на своего приятеля и бригадира. Но Рома в этот раз не сказал ничего. Что-то вроде улыбки промелькнуло на его лице, — или, может, это только показалось Мистеру Питерсу?.. Кто знает. В конце концов — разве не может человек, хотя бы однажды, забыть о

своих привычках, о каких-то там английских словах? Мы уверены, что может, и окажемся правы.

Пожалуй, — это понял и Рома, неся на руках Анну и прислушиваясь к словам Мистера Питерса...

17. И ЧТО, ВСЕ ЭТО БЫЛО?

Похоже на то, что академик Антохин напрочь потерял всю свою обычную степенность. Он проводил почти всё своё время в лаборатории, возле генератора; он яростно спорил с Мистером Питерсом, доказывая ему настоятельную потребность немедленного форсирования дальнейших работ:

— Телемеханика для нас — пройденный этап. Принципиально мы решили эту проблему, — горячо говорил он. — Друг мой, перед нами теперь другие, огромные перспективы...

— А «Альгамбра?» — возражал Рома.

— И что вы мне с этой вашей «Альгамброй»? С ней будет всё в порядке. Приборы для управления лодкой на расстоянии мы построили? Опробовали? Поставили их на лодку? Укомплектовали подводную лодку приборами для телевидения? Итак, всё уже сделано. Подводная лодка теперь в руках опытных ЭПРОНцев. Они сделают остальное. Наше дело было — помочь им, дать наши приборы, вооружить их последними достижениями советской техники. А практическую часть дела они сделают лучше нас, потому что это их специальность. Я, знаете, за дифференцированную работу. Каждый делает то, что он лучше умеет. Вот так.

Он вытирал потный лоб платком и возвращался к своей любимой теме:

— Телемеханика — уже обычная вещь. Ничего принципиально нового. Просто — нам повезло остроумнее, проще построить приборы. И всё. Друг мой, другая перспектива перед нами. Передача энергии на расстоянии без проводов — вот гигантская проблема, которую до сих пор никому не удавалось решить. Вы чего же это смотрите в сторону. Не слушаете, а?..

— Иван Петрович, я со всем вниманием, — сконфуженно мямлил Рома.

— Нет, нет, я вижу. Вы, наверное, думаете, что мы слишком увлекаемся?

— Иван Петрович, да что вы...

— Не верю... Не верю. Однако, я вам сейчас объясню. Вы только представьте себе: вот стоит электростанция. От нее тянут-

ся провода, которые несут ток к потребителям. Сколько лишнего металла тратим мы до сих пор на эти передачи?.. Сколько денег тратим на уход, на ремонт линий? А аварии? И всё это отойдет в прошлое, как только нам удастся решить нашу проблему...

Антохин поднимал руку, говорил торжественно, словно видя перед собой всё то, о чем он говорил:

— Вот... вот стоит электростанция. Над ней возвышаются вверх высокие мачты её антенн. На антеннах экраны, которые направляют потоки электроэнергии — активной электроэнергии, которую станция пересылает к потребителям — заводам и фабрикам. Никаких проводов, никаких линий. В воздухе, невидимые, молниеносно быстрые несутся потоки электричества, реки электрического тока высокого напряжения. И где-то далеко они находят приемники. Реки электричества спускаются к приемникам, покорные нашему замыслу. Они идут к трансформаторам, они вновь текут по металлическим проводам — и питают моторы, станки, фабрики, заводы... Разве не чудесная картина? Разве не воодушевляет вас такая идея?.. Новая энергетика, по-новому построенное хозяйство, без потерь во время пересылки, без аварий... Ах, друзья мои, это — удивительная вещь!

Он взволнованно потирал лоб рукой и поглядывал на слушателей. Его седые волосы серебрились над возбужденным лицом. Это была теперь его любимая тема. О ней он мог говорить часами, следя за работой конструкторов, проверяя расчеты и графики. К Анне Иван Петрович относился теперь как к человеку, который заслужил всеобщее уважение и почет. Как же эта хрупкая красивая девушка доказала свою чрезвычайную смелость, она, в конце концов, спасла лодку!

Если бы не вычерпывала она бесстрашно воду из лодки — разве стояла бы сейчас лодка с аппаратурой на берегу, готовая к дальнейшим экспериментам?.. Безусловно, нет; аппаратура затонула бы вместе с лодкой, она лежала бы теперь на дне моря.

Вот почему Иван Петрович охотно беседовал с Анной и пытался подробно и понятно для неё объяснить всё, что касалось новой работы. Анна слушала академика с большим интересом: никогда раньше не знала она, какие огромные перспективы открывает во всех областях науки и техники новый генератор Мистера Питерса!

А сам Мистер Питерс теперь уже даже не пробовал сердиться на Анну или в чем-то подозревать её. Он только поглядывал в её сторону и улыбался, видя, как внимательно слушает Анна объяснения Ивана Петровича. «Ей-право, электротехником будет моя Анна», — думал он.

— Что такое воздух в обычных условиях? — рассказывал Антохин. — Один из лучших диэлектриков. Вы же знаете, самыми лучшими конденсаторами мы считаем такие, где между пластинками есть именно воздух — никакой слюды, ничего. И вот, мы делаем сам воздух чудесным проводником. Мы ионизируем его. Наши чудесные волны ионизируют воздух — так же, как и ультрафиолетовые лучи, рентгеновские и тому подобные. Но этого мало. Нам совсем не интересно ионизировать весь воздух вокруг нашей антенны, как это происходит при обычных радиоволнах. Это ничего не даст для решения нашей проблемы. Но теперь мы можем делать иначе. Мы берем этот самый генератор, направляем его лучи рефлектором в определенном направлении. Таким образом, мы получаем пучок направленных лучей. Правда, эта направленность всё ещё нас не удовлетворяет. Ведь лучи на расстоянии всё больше расходятся в стороны. Как веер, например. Но у нас есть дополнительное оборудование. Перед рефлектором мы ставим щит из материала, который совсем не пропускает ультракороткие волны. И в этом щите делаем маленькую щель, узкую, как нож. Она, эта щель, прорезана перпендикулярно к рефлектору. В ширину эта щель, как видите, всего один миллиметр. Длинной три миллиметра. Вот через какой проем мы заставляем проходить наши волны. И теперь, практически, рассеяние пучка лучей нам не страшно. От нас до нашего приемника несется узенький пучок лучей...

Антохин аж подался весь вперед, показывая этот пучок.

— Но это не только пучок лучей. Ведь он проходит сквозь атмосферу. И вот, представьте себе, везде, где мчится этот пучок, воздух ионизируется, превращается в отличный проводник электричества. Этот воздушный кабель лежит в обычном воздухе, он изолирован воздухом. И теперь... теперь мы делаем вот что...

Антохин бросался к столу, тянул Анну, показывая ей сложную конструкцию:

— Вот оно. Мы берём какой-нибудь источник энергии. Мы хотим переслать эту энергию на какое-нибудь расстояние. Для

этого, в обычных условиях, нужны два проводника, два металлических провода. Теперь, мы так же берем два проводника, но не металлических, а необычных, из нашего ионизированного воздуха. Наверное, вы уже догадались, что это — два параллельных пучка наших ультракоротких лучей. И всё. Через эти необычные проводники, невидимые провода — мы пропускаем электрический ток высокого напряжения так, как сделали бы это и через обычные провода. Разве не прекрасное решение проблемы, разве не красивая идея?..

Иван Петрович восхищенно затихал. Руки его любовно поглаживали медные катушки, выпуклые контуры базальтовых изоляторов, которые несли на себе толстые провода, что подводили сюда электричество высокого напряжения. И, слушая этого человека, нельзя было не проникнуться его вдохновенной речью; каждый горел желанием помочь делу, быть чем-то полезным ему...

Самая сложная из всех конструкций, которые были когда-либо в этой лаборатории, росла медленно на квадратном столе перед окном, как раз на пути луча, зеркально отраженного экраном генератора. Благодаря остроумной мысли Мистера Питерса, генератор мог теперь излучать одновременно два колебания разной частоты. Вот почему перед его рефлектором (их теперь две) стояло теперь по щиту с тончайшими прорезями. Именно через эти прорези, эти щели должны будут проходить узкие лучи. Дальнейший их путь проходил через конструкцию на упомянутом квадратном столе.

На нём новая сложная конструкция возносила вверх два металлических заостренных стержня. Точно выверенное размещение экранов, щитов и стержней позволяло быть уверенным, что узенькие лучи ультракоротких волн, проходя над квадратным столом, обязательно пройдут между стержней. А это давало следствием электрический контакт между двумя системами проводников — металлических и воздушных. Электричество из стержней свободно перетекало в поток ионизированного воздуха, создаваемого чудесными лучами; электричество текло по этим невидимым воздушным проводникам через окно, далеко на берег, где его ждала сложная приемная установка с высоко поднятыми металлическими приёмниками-веерами. Электричество из воздуха должно было стекать по этим веерам к обычной системе металлических проводников и питать установленный здесь электромотор.

Так должно было быть. Или не будет так?

Иван Петрович был уверен в том, что так будет. Мистер Питерс разделял его убеждения. Рома и верил, и не верил одновременно: уж слишком фантастической казалась ему эта идея... А Анна? Анна, незаметно для себя, превратилась в восторженного сторонника идеи нового изобретения и, в меру своих сил, даже помогала в работе по монтажу установок.

Последовательный историограф этих чрезвычайных событий не имеет права обойти вниманием несколько незначительных фактов, связанных с работой тех дней в лаборатории.

Ведь кто знает — не явятся ли важнейшими для дальнейшего развертывания событий эти, с первого взгляда, незначительные факты? Мы должны напомнить: роковое яблоко упало еще тогда, когда в совхозе «Победа» окончательно сбылась мечта старого Андрея Антоновича скрыть свою лысину под новыми роскошными волосами. Громкий удар этого условного яблока раздался еще раз — во время события с прядями волос бедного Потапыча, этой невольной жертвы околонучных экспериментов Андрея Антоновича. Узел окончательного развития событий завязался дважды: и тот, кто не сделал еще из этого определенных выводов, не обдумал окончательно всего веса этих двух фактов, — пусть не удивляется дальнейшим неожиданностям. Ведь мы уверены, что эти будущие, вроде бы, неожиданности совсем не впечатлят пристального и внимательного наблюдателя, который всегда делает свои логические выводы из всего, что замечает и на что его, тем более, настойчиво заставляют обратить внимание.

А теперь, сделав еще раз все эти недвусмысленные и откровенные намеки, вернемся к нашему краткому и сдержанному изложению событий в лаборатории.

Назойливый посетитель, лысый главный бухгалтер треста «Мореход», который уже дважды появлялся в нашем повествовании, очевидно, не хотел останавливаться в своём решении. Более того: он даже пытался создать вокруг своей цели, так сказать, общественное мнение. Бухгалтер был решительным человеком, в чем наши исследователи убедились очень скоро.

В лаборатории появились еще три посетителя. Почтенные, пожилые люди, они были совершенно обычные и нормальные на вид. Рома только говорил потом, что он сразу заметил в их глазах

какую-то странную вспыльчивость, возбужденность, какое-то угрожающее воинственное сверкание. Однако, — Рома мог и ошибаться.

Итак, эти трое посетителей принесли в лабораторию, на имя академика Антохина и Мистера Питерса, что-то вроде петиции. Сначала, ни Антохин, ни никто из остальных не мог даже понять: что за письменная просьба?.. В чем дело, мол, граждане?..

Но содержание большого листа прояснило дело. Смешно, удивительно, невероятно, но — факт: петиция говорила о настоятельной потребности обратить внимание на интересы многочисленных людей, лишенных по тем или иным причинам растительности на голове. Проще говоря, лысых. Да, да, в письме, которое принесли официальные переговорщики, говорилось:

«... Инициативная группа граждан с дефектной растительностью, так называемых — лысых, от имени многих заинтересованных, просит Вас назначить определенные часы для систематического облучения пациентов и ликвидации досадных дефектов их внешности. Инициативная группа обращает Ваше внимание на то, что в случае отказа она вынуждена будет предпринять другие меры воздействия для безусловного и полного удовлетворения законных требований многочисленной категории граждан...»

Это уже смахивало на угрозу. Мистер Питерс грозно поднял глаза:

— Слушайте, если вы не шутите, вы не сумасшедшие?..

Но первые же слова одного из посетителей доказали полнейшую серьезность требований:

— В городе, знаете, большое возбуждение. Наша группа, так сказать, вынесена на поверхность гребня общей заинтересованности, — сказал посетитель, угрожающе поблескивая выпуклыми очками. — Мы не можем поручиться ни за что. Советуем вам дать удовлетворительный ответ...

Антохин, что до сих пор смотрел на оратора с заметным интересом, как смотрят на интересный образец чего-то нелепого и бессмысленного, не выдержал:

— Вот мой ответ. Прощайте, и перестаньте надоедать нам. У нас здесь очень серьезная работа. Не заставляйте нас вызывать

милиционера — у него и так много серьёзных занятий. У вас слишком много свободного времени, как я погляжу. Прощайте!

И он повернулся к посетителям спиной — как и следовало ожидать. Они переглянулись:

— Ну, что же, — сказал тот, что говорил уже. — Мы предупредили вас, и инициативная группа...

— Ко всем чертям! — воскликнул Мистер Питерс. — Ко всем чертям, говорю я вам, с вашей инициативной группой вместе. Не мешайте работать. Идите, иначе...

Этого хватило. Посетители исчезли, словно их ветром сдуло.

Мистер Питерс остервенело проговорил:

— Черт знает что! Какие-то сумасшедшие, честное слово...

— Подожди, Мистер Питерс, — отозвался Рома, который смотрел в окно. — Они, кажется, действительно организованы... Он... да, это тот самый бухгалтер, который был у нас тогда. Он встречает их... они рассказывают... показывают кулаки... ой, смотрите, там их целая толпа!.. Боже, это и впрямь какое-то сумасшествие!

Совсем недалеко на улице, действительно, собралась целая толпа. Главную роль играл, очевидно, бухгалтер «Морехода». Он горячо агитировал, он жестикулировал, он поднимал руку, как настоящий оратор. Он показывал угрожающе на дом, где была лаборатория.

— Спасите, — шутливо произнес Иван Петрович, — это же просто ужас... Вы не думаете, друзья, что они на нас нападут? Это же анекдот, это юмористика...

— Они хотят быть красивыми, — рассмеялась Анна.

— Как Андрей Антонович, — улыбнулся и себе Рома.

— Нет, Потапыч, — вполне серьезно добавил Мистер Питерс.

Общий веселый смех был ему ответом. И исследователи вернулись к работе: приближалось время решающей проверки новой конструкции, и хватит тратить драгоценные минуты на разговоры о людях, которые почему-то сошли с ума...

Установка была готова. За забором на берегу моря энергию ждали веерообразные антенны. Отсюда, из окна лаборатории, было хорошо видно и сам мотор, который должен был заработать с помощью электричества, пересланного без проводов. Кожаный ремень соединял шкив мотора с семафором: его рычаги начнут двигаться, как только заработает мотор.

Всё это было сделано, чтобы из лаборатории можно было наблюдать за всеми фазами опыта. Движение рычагов семафора — сигнал победы...

Проверка заканчивалась. Академик Антохин заметно волновался. Его лицо вновь стало серьезным и сосредоточенным. Мистер Питерс стоял возле генератора, Рома следил глазами за состоянием вспомогательной установки, которая давала ток для лучей. Иван Петрович взял телефонную трубку:

— Приемный пункт? Да, это я. Можно начинать. Включайте приемники. Через минуту начнем и мы. Хорошо.

Он положил трубку и скомандовал Мистеру Питерсу:

— Включить генератор. Сейчас дадим ток.

Это была необыкновенная минута. Анна смотрела на все это, как зачарованная. Она увидела первые длинные фиолетовые искры с обеих антенн. Искры холодным пламенем крутились наверху, они загибались, как огненные пряди волос, словно не смея прикоснуться к блестящей поверхности рефлекторов. Они, вскипая и переплетаясь друг с другом, направлялись, наконец, в сторону от рефлектора. Но тут, на их пути, стояли щиты. Искры искали себе путь, их отталкивало от рефлекторов, они пытались пробиться сквозь щиты. Но щиты были непроницаемы для них.

— Вот оно!..

Первые искры всё-таки проскользнули сквозь узкие щели в щитах. И больше их не было видно, они исчезали по ту сторону щитов. Зато появилось странное, волшебное излучение на остриях стержней. Языки золотистого свечения распушились на остриях. Свечение вибрировало, оно колебалось, переливаясь разноцветными бликами. Свечение заметно отклонялось к окну, оно дрожало и сияло золотистым светом.

Анна взглянула на Антохина: тот смотрел совсем не на сияние над столом. Его сосредоточенный, вопросительный взгляд был направлен туда, где над забором высились веерообразные антенны, где неподвижно застыли в воздухе рычаги семафора. Анна поняла: то, что она видела, то, что ей так нравилось здесь, все эти искры, золотистые сияния на остриях стержней, — всё это были лишь побочные эффекты, сопровождающие работу установки. Побочные световые эффекты... А она увлеклась... Она застенчиво посмотрела на Мистера Питерса.

Тот внимательно следил за измерительными приборами. Стрелки на циферблатах амперметров и вольтметров нервно дрожали, передвигаясь от цифры к цифре. Казалось, им было очень тяжело двигаться. Но они все же двигались. Сила тока росла, она медленно, но верно доходила до предусмотренной.

Антохин весь подался вперед. Нервно он ухватился за воротник пиджака. И в ту же секунду раздался его голос — взволнованный, радостный:

— Двигается... движется!

Он не ошибался. Вот, рычаг семафора медленно, лениво качнулся. Так, словно бы его качнула чья-то рука. Незначительное движение в одну сторону, в другую... вновь качания... И, наконец, он медленно обернулся вокруг своей оси. Еще раз, еще... Кружение становилось сильнее и убедительнее, оно ускорялось. Мотор работал. Он крутил рычаг семафора. Электричество дошло без проводов к приёмной установке.

Уважаемый Иван Петрович Антохин, почтенный академик — подпрыгнул, как ребенок. Он всплеснул руками, повернулся к помощникам. Широкая радостная улыбка засияла на его лице.

— А? Крутится, друзья мои, крутится! Что? Всё правильно. А? Ну разве это не чудесно? Крутится, крутится!..

Он повторял одно и тоже несколько раз, он смеялся и пританцовывал, поглядывая в окно. Вот он торжественно пожал руку Мистеру Питерсу:

— Поздравляю вас, друг мой! Поздравляю!

Потом нашел руку Ромы:

— Поздравляю. Мы победили!

Наконец, глаза его остановились на Анне:

— Поздравляю вас, моя дорогая. Чудесно! Очень благодарен.

— Но за что, Иван Петрович? — откровенно и искренне удивилась Анна.

— За то, что... а, да что говорить!.. я всех поздравляю сейчас, всем благодарен... Крутится, вертится!..

Мистеру Питерсу почему-то показалось, что он очень устал. Заболело где-то в спине, захотелось потянуться, выпрямиться. Он медленно потянулся — и застыл в такой позе. Глаза его расширились от изумления. Он смотрел в окно, раскрыв рот. Он видел: в

окне показалось знакомое, отвратительное лицо бухгалтера «Морехода». Лицо угрожающе улыбалось, руки бухгалтера хватались за подоконник. Он лез в комнату.

— Стой! — воскликнул Мистер Питерс. — Стой! Тебя убьет электричеством!

Но отвратительная голова, сверкая розовой лысиной, уже попала в невидимый луч, дотронулась до невидимых воздушных проводов, по которым текло электричество высокого напряжения. Бухгалтер ойкнул и исчез, взмахнув руками. Он упал. Послышался глухой стук.

Исследователи посмотрели друг на друга. Никто ничего не понимал. Но вот снизу, из-под окна раздались угрожающие выкрики. Рома бросился к окну.

— Стой! — воскликнул Мистер Питерс.

Резким движением он выключил генератор. Исчезли искры, исчезли золотистые сияния на остриях стержней. Рома подбежал к окну. Он увидел внизу целую толпу, которая угрожающе кричала, двигаясь к главному входу. И все они, все эти люди были лысыми...

— Лысые движутся на нас! — крикнул Рома, отбегая от окна.

Мистер Питерс тоже увидел это, выглянув в окно. Толпа лысых брала приступом дом. Впереди бежал отвратительный бухгалтер «Морехода». Он что-то кричал, он вел всех. Значит, его не убило?

— В лабораторию!..

— Заставим!..

— Мы им покажем!..

Эти возгласы снизу звучали уже совсем угрожающе. Антонин, ничего не понимая, обратился к Мистеру Питерсу:

— Что это? Чего они так кричат?

— Лысые движутся на нас... — мрачно ответил тот.

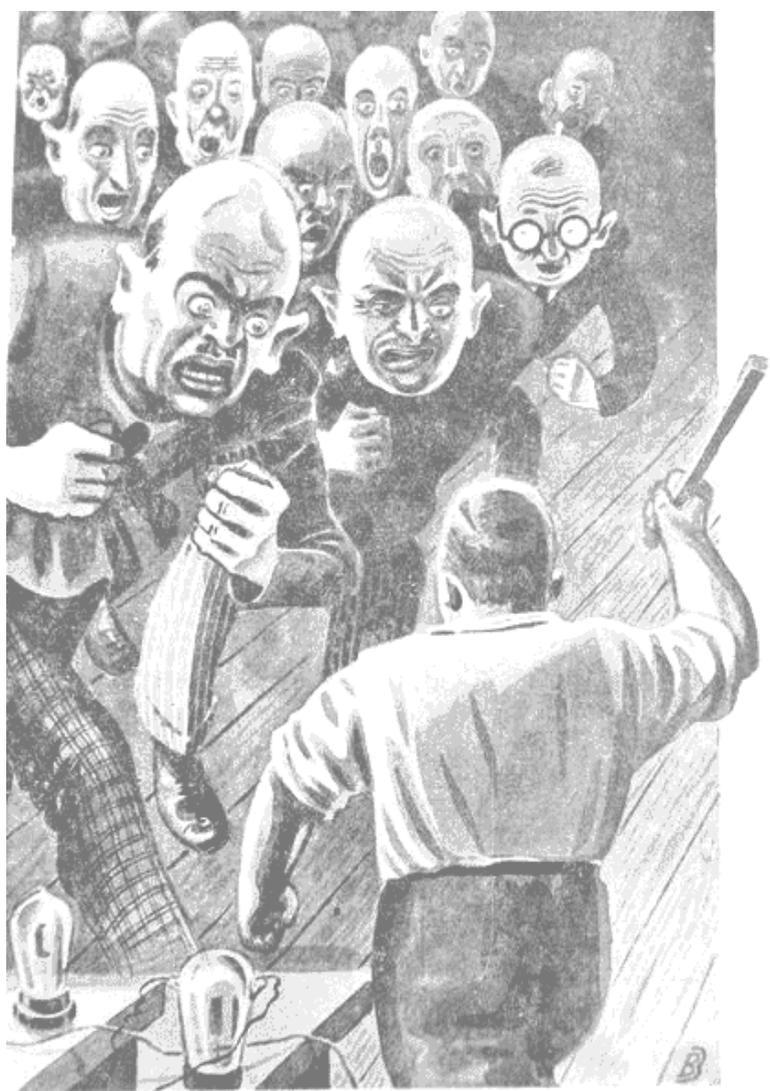
— Их ведет бухгалтер.

— Бухгалтер?

Возгласы звучали всё громче. Очевидно, лысые прорвались к дому. Они приближались.

Мистер Питерс схватил большой медный стержень.

— Рома, хватай что-нибудь! Надо защищаться... Лысые идут сюда. Иван Петрович, идите к окну. Анна, назад! Мы их встретим...

Він махнув мідним стрижнем, намагаючись влучити в огидну рожеву лисину.

Он видел бледное лицо Анны. Девушка испугалась, она беспомощно оперлась о стену. Рома схватил и себе какую-то палку:

— Пусть идут, — запальчиво воскликнул он, — пусть!..

Безумный пыл охватил и Мистера Питерса. Он ощутил в себе отвагу и боевую ярость. Он размахивал в воздухе своим медным стержнем, выкрикивая:

— Пусть идут!.. Мы защитим себя и наш генератор...

Но где же Иван Петрович?.. Куда он исчез?.. И с ним вместе и Анна... Может, они спрятались? Однако искать было некогда. С грохотом распахнулась дверь. Первые лысые показались на пороге. Это была страшная картина.

Разъяренные, пугающие лица смотрели в комнату. Сжатые кулаки мелькали в воздухе. А сзади, на поднятых вверх руках, неподвижно лежал бухгалтер... Лысые несли его, как флаг. Они кричали:

— Отомстим за смерть... Вперед!

Мистер Питерс услышал, как зашевелились волосы на его голове: ведь только что он видел бухгалтера живым, впереди всех... он вел толпу лысых в наступление... неужели — умер?

Но вот бухгалтер поднял голову. Он взглянул на Мистера Питерса, язвительно улыбнулся, погрозил ему пальцем:

— А я еще жив... Вот я тебе сейчас... Держись!

И он легко соскочил на пол. Оглянувшись, он воскликнул:

— За мной! Вперед!

— Вперед! За ним! — раздались возгласы — и вся толпа двинулась к лаборатории за бухгалтером.

Мистер Питерс рассердился окончательно:

— Живой ты или мертвый, мне все равно! На тебе!..

Он взмахнул медным стержнем, стараясь попасть в отвратительную розовую лысину. Промах!..

— Ну, вот. Раз!..

Стержень опустил на лысину. Но — удивительно! — он отпрянул назад, как от подушки. И Мистер Питерс, бессильно опустив стержень вниз, увидел, как нагло улыбнулся бухгалтер:

— Ага? Не берёт? Хватай его, хватай!..

— Рома... — не успел еще воскликнуть Мистер Питерс, как его схватил добрый десяток рук.

Через минуту он был связан по рукам и ногам. Его посадили

на стул, подвинули вместе со стулом к столу. Он услышал голос бухгалтеря — ах, какой отвратительный голос!..

— Вот мы сейчас тебя самого облучим твоим генератором!

— Мистер Питерс, держись!..

Это был, кажется, голос Ромы. Где это он?

Странный покой охватил Мистера Питерса. Он почувствовал, как пригнули его голову вниз, как зашипел генератор. Видимо, его включили. Да что же это делается?.. Однако, пусть будет, что будет...

Он сидел, ожидая горячего прикосновения лучей. Чего это они все замолчали? Почему такая тишина? Что случилось еще?

Мистер Питерс ждал. Но тишина ничем не нарушалась. Только назойливо шипел генератор.

«Выключили бы его, что ли, — подумал Мистер Питерс. — Так недолго и лампы пережечь...»

Он пошевелил связанными руками. Веревка легко поддалась и руки освободились. Он пошевелил ногами. Тоже свободно. Что же такое?..

Осторожно Мистер Питерс поднял голову, взглянул. В лаборатории было пусто. Шипел генератор, сияли лампы. Но почему лампы сияют не фиолетовым светом, а обычным, оранжевым?.. Почему с антенны не срываются длинные фиолетовые искры?.. Где щиты?..

Растерянно Мистер Питерс поднялся на ноги. Подождите, где же вся установка для пересылки энергии на расстоянии?..

Лаборатория была пуста. На столе перед ним стоял генератор. Генератор был старый — тот, с которым они работали раньше, до изобретения нового. Что это — лысые люди его принесли, что ли?..

Мистер Питерс растерянно оглядывался. Он не понимал ничего. Где Иван Петрович, где Анна... красавица Анна, его милая Анна?.. Где, в конце концов, Рома?.. Никого нет...

Он оглянулся на дверь. Черт знает что!.. Какая чушь... Наконец, Мистер Питерс тихо позвал:

— Рома!

Тишина.

— Рома!.. — повторил Мистер Питерс уже громко.

Наконец, вот открылась дверь. На пороге стоял Рома, — заspanный, протирая глаза своими длинными неуклюжими руками.

— Ну, что? Какие результаты? Получил? — спросил он.

— Что получил? Какие такие результаты? — переспросил
Мистер Питерс.

Теперь на него удивленно посмотрел Рома.

— Да ты что, обалдел? Как новый генератор, я спрашиваю?

И он указал пальцем на генератор, что стоял на столе.

Мистер Питерс посмотрел на генератор, на Рому... в голове что-то прояснилось. Он всё понял. А Рома всё еще смотрел на него, укоризненно покачивая головой:

— Я говорил, что к добру не приведет... Ей-право, ты совсем с ума сошел...

Мистер Питерс почесал затылок:

— Вот, тут мне такой сон приснился...

— С этого ты и шальной такой?

Но взгляд Мистера Питерса вновь остановился на генераторе. Так неужели это все сон?.. Как жаль... Но... Что это показывают измерительные приборы?

— Постой, Рома! — воскликнул вдруг Мистер Питерс.

Так, приборы показывали... правда, не миллиметровую длину волны, а почти обычную, около сорока-шестидесяти сантиметров. Но... но, мощность генератора, вот в чем дело. Сколько показывает амперметр?

Рома тревожно следил за стремительными движениями приятеля. Но Мистер Питерс победно взглянул на него:

— Есть! Я же тебе говорил. Вот машина так машина получилась. В четыре раза мощней нашей старой!

— В четыре? — переспросил Рома.

— Ага. Он дает целый киловатт мощности. Видишь?.. Замечательный получился генератор. Бьютифул!

Рома укоризненно взглянул на приятеля:

— Опять? Сам обалдел, а меня вновь «фуулом» ругаешь?

— Не «фуул», а — «бьютифул», что означает — волшебнo. Я уже тебе раз говорил, а ты все не понимаешь разницы...

Рома молчал, переступая с ноги на ногу, как журавль.

— Ну, видишь, построили-таки? — вновь обратился к нему Мистер Питерс. — Это, братец, уже не шутки. Это хороший, мощный генератор. Мы с ним такого наделаем, такого...

Он остановился. «Такого наделаем, такого»... Словно в тумане, перед его глазами проплыла гигантская убитая крыса. Он

провел рукой по глазам:

— М-да... наделаем интересных вещей... вот, тогда я тебе расскажу, что мне приснилось. Целый роман. Правда, правда, очень интересно, вери-интерстинг...

... На дворе светлело. Скоро надо начинать работу — упорную исследовательскую работу, раскрывающую новые и новые горизонты, которая поднимает всё выше и выше завесы таинственного и неизвестного в природе. Сегодня это кажется фантастикой, сегодня — это смахивает на сказку. А завтра — наша сегодняшняя фантастика станет уже обычным явлением, она полностью изучена, она работает на нас...

И снова, в своих лабораториях, на полях, на научно-исследовательских станциях, в институтах и заводах — за работу принимаются упрямые, сосредоточенные исследователи, люди, которые своей профессией избрали превращение фантастики в действительность. Фантастика, ставшая фактом, привычным фактом той прекрасной, чудесной жизни, что окружает нас.

А впереди — новые бесконечные горизонты, новые необъятные перспективы. И нет им границ, нет им края, как нет предела и края человеческой пытливости, огромному тяготению человека к познанию всего сущего...

Харьков, 1934.